

БЕБУТОВА ОЛЬГА Г

Чудаки : роман
Книга третья

Рига : Грамату драугс
1930

Tartu Ülikooli Raamatukogu: XIV A-14059

EOD - Trükise digitaalkoopia ehk e-raamatu tellimine (eBooks on Demand EOD): miljonid raamatud vaid hiireklõpsu kaugusel rohkem kui kaheteistkümnes Euroopa riigis!

Täname Teid, et valisite EOD!

Euroopa raamatukogudes säilitatakse miljoneid 15.-20. sajandi raamatuid. Kõik need raamatud on nüüd kättesaadavad e-raamatuna - vaid hiireklõpsu kaugusel 24 tundi ööpäevas, 7 päeva nädalas. Tehke otsing mõne EOD võrgustikuga liitunud raamatukogu elektronkataloogis ja tellige raamatust digitaalkoopia ehk e-raamat kogu maailmast. Soovitud raamat digiteeritakse ja tehakse Teile kättesaadavaks digitaalkoopiana ehk e-raamatuna.

Naudi oma EOD e-raamatut!

- Saa originaalse raamatu ilme ja tunnetus!
  - Saate kasutada standardtarkvara digitaalkoopia lugemiseks arvutiekraanil, suurendada pilti või navigeerida läbi terve raamatu.
  - *Otsi & leia*:* Saate kasutada üksikterminite täistekstotsingut nii ühe faili kui failikomplekti (isikliku e-raamatukogu) piires.*
  - *Kopeeri & kleebi teksti ning pilte*:* Saate kopeerida pilte ja tekstiosi teistesse rakendustesse, näiteks tekstitöötlusprogrammidesse.
- *Pole kättesaadav kõigis e-raamatutes.

Tingimused

EOD teenust kasutades nõustute Te tingimustega, mille on kehtestanud raamatut omav raamatukogu

- Tingimused: <https://books2ebooks.eu/csp/et/utl/et/agb.html>

Rohkem e-raamatuid

Seda teenust pakub juba 40 raamatukogu enam kui 12 Euroopa riigis. Otsi teenuse raames pakutavaid raamatuid: <https://search.books2ebooks.eu>
Lisainfo aadressil: <https://books2ebooks.eu/et>

22 МАИ 1930

БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ LXXXI

Кн. ОЛЬГА БЕБУТОВА

Ч У Д А К И

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ

КНИГА ТРЕТЬЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЬ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37

1

9

3

0

Печатано въ типографіи «ГРАМАТУ ДРАУГСЪ»
Рига, Петроцкерковная площ. 25-27.

582

ВЕСНОЮ

Изъ окна своей спальни Сюзанна Мельвиль смотритъ на грязную улицу, на мокрые тротуары. Какъ быстро промчались зимніе мѣсяцы, но ничего отраднаго, ничего новаго они ей не принесли.

Съ помощью своей „союзницы“, баронессы фонъ-Саксъ, она „вытащила“ Грегорова изъ „Красовки“. И онъ вернулся влюбленный, полный страсти, щедрый, и только... Ни однимъ шагомъ не придвинулась Сюзанна къ своей главной мечтѣ и задачѣ, — никакими фокусами не удавалось ей не только натолкнуть Грегорова на мысль о женитьбѣ на ней, но даже на мысль о разводѣ съ графиней Маріей Николаевной.

Противная дѣвчонка сумѣла произвести на графа отличное впечатлѣніе, увѣрила его въ своей необыкновенной честности, чистотѣ и прочихъ высоко нравственныхъ качествахъ. Онъ даже говорить о ней не позволяетъ, какъ о святынѣ.

Не удалось заманить Грегорова и въ домъ баронессы фонъ-Саксъ, а когда Сюзанна однажды устроила „неожиданное“ свиданье у себя тещи и зятя, то графъ немедленно ретировался. На другой день онъ сказалъ своей возлюбленной довольно внушительнымъ тономъ:

— Если я еще разъ встрѣчу у тебя эту госпожу, моей ноги не будетъ въ твоемъ домѣ.

— Могу-ли я отвѣчать за случайную встрѣчу? — возразила Сюзанна.

— Ты всегда можешь устранить эту „случайность“. Я сдержу свое слово: если ты объ этомъ не позаботишься, ноги моей не будетъ въ твоемъ домѣ.

Сюзаннѣ пришлось покориться. Вообще она себя совсѣмъ не узнавала, точно подмѣнили ее. Съ тѣхъ поръ, какъ Грегоровъ своимъ внезапнымъ бѣгствомъ въ „Красовку“ показалъ ей, что у него въ крайнемъ случаѣ хватитъ характера бросить ее, Сюзанна потеряла половину своего апломба.

„О, если только онъ еще разъ попадетъ въ „Красов-

ку“, то все пропало, онъ уже не вырвется изъ лапъ ловкой интригантки. Лучше пойти на нѣкоторыя уступки, чѣмъ окончательно его потерять“.

Такъ разсуждала Сюзанна, когда „союзница“ осыпала ее упреками.

— Ну, голубушка, — со злобой говорила баронесса фонъ-Саксъ, — я вижу, что у насъ съ вами ровно ничего не выйдетъ. Вы меня не слушаетесь, хотя знаете, какую громадную пользу принесли вамъ мои совѣты.

— Я вамъ безконечно благодарна, — возражала Сюзанна, — но я боюсь.

— Чего-же вы боитесь?

— Ахъ, дорогая Долли Евграфовна — посмѣшишь, людей насмѣшишь. У насъ съ графомъ такъ обострились отношенія передъ его бѣгствомъ въ „Красовку“, что я чуть его не потеряла... Пусть теперь все уладится, я снова сдѣлаюсь ему необходимой, онъ забудетъ чары вашей дочери.

— Просто вы влюбились въ этого графчика до глупости и съ вами каши не сварить.

Сюзанна чувствовала, что краснѣетъ, и, опустивъ глаза, возражала:

— Нѣтъ, нѣтъ, баронесса, вы не правы. Я только осторожна. Вѣдь для меня это вопросъ всего моего будущаго и я должна быть осторожна, — не сердитесь, дорогая.

— Посмотримъ!..

Проходили двѣ-три недѣли, и баронесса фонъ-Саксъ возобновляла разговоръ.

— Ну, что-же? Надѣюсь, что уже достаточно приручили моего зятка? Можно и надавить пружины.

— Нѣтъ, нѣтъ! Подождемъ еще немного.

— Смотрите. Графъ Марковъ уже совсѣмъ отъ васъ отступилъ, вы его спугнули своею вдругъ пробудившейся „добродѣтелью“. Смотрите, ускользнетъ и князь Малаевъ.

— О, нѣтъ, — самоувѣренно улыбалась Сюзанна. — Князя Малаева я крѣпко держу. Кавказскій человѣкъ женился-бы на мнѣ завтра, если-бы я захотѣла.

— Такъ чего-же вы зѣваете? „Княгиня Малаева“ — тоже недурная перемѣна для Сюзанны Мельвилъ, и я убѣдилась, что онъ со средствами, онъ очень широко живетъ.

И темные глаза баронессы испытующе пронизывали Сюзанну.

— Нѣтъ, нѣтъ... Даже если-бы какой-нибудь заморскій король предложилъ мнѣ королевскую корону, я отказалась-бы... Я слишкомъ упряма, баронесса... Я поставила себѣ цѣлью, что буду графиней Грегоровой, и я буду ею!

— Я начинаю сомнѣваться, — вы слишкомъ тянете, вы все прозѣваете.

— Еще немного, баронесса, и вы будете дивиться моеи энергii.

И такъ промелькнула зима, уступая мѣсто ранней веснѣ, мокрой петербургской веснѣ.

Теперь Сюзанна анализировала прожитые мѣсяцы, наблюдая изъ окна своей спальни петербургскую мокрую, грязную весну.

Ея Мими попрежнему рабѣ своей страсти, попрежнему къ ней прикованъ. Правда, въ тѣ мгновенья, когда затихаетъ его страсть, удовлетворенная безумными ласками, онъ кажется ей равнодушнымъ и скучающимъ... Она почти убѣждена, что въ эти мгновенья онъ вспоминаетъ свою притихшую въ деревнѣ молодую жену... И въ то же время Сюзанна знаетъ, что графъ ей не пишетъ и писемъ отъ нея не получаетъ. Правда, каждый мѣсяцъ онъ посылаетъ изрядныя суммы денегъ въ „Красовку“.

Въ настоящемъ своемъ настроенii Сюзанна предпочла бы отдать Марii Николаевнѣ половину графскаго состоянiя за разводъ. И та, конечно, съ радостью бы ухватилась, но дѣло не въ ней и не въ Сюзаннѣ, а въ самомъ Грегоровѣ. Только въ немъ.

Какъ-то разъ все-таки Сюзанна попробовала заговорить о разводѣ, но графъ рѣзко ее оборвалъ:

— Тебѣ, кажется, надоѣлъ миръ, установившiйся между нами, и ты опять принимаешься за единственную тему, которая можетъ насъ поссорить.

Сюзанна съежилась, какъ побитая собака, и больше не рѣшалась возвращаться къ роковой темѣ. Пробовала она заговаривать и о Марii Николаевнѣ.

— Ну, что, какiя вѣсти изъ „Красовки“?

Онъ поднялъ голову и, прищурившись, посмотрѣлъ на нее въ упоръ.

— О какихъ вѣстяхъ ты говоришь? Отчетъ управляющаго мною уже полученъ въ январѣ. Если случится что-нибудь особенное, — онъ мнѣ напишетъ. Я не понимаю, какія собственно вѣсти тебя интересуютъ?

— Притворяешься! — обозлилась она. — Комедию разыгрываешь! Великолѣпно ты понялъ, что я намекаю на твою жену.

Легкая краска разлилась по его блѣдному лицу.

— Но, вѣдь, ты мнѣ обѣщала не говорить о ней? Неужели я не могу надѣяться, что ты сдержишь хоть одно изъ твоихъ обѣщаній?

И она опять смолкла, съежилась, какъ побитая собака. Но когда она хотѣла видѣть графа у своихъ ногъ, какъ покорнаго раба, ей стоило только сыграть на его чувствительности. Прикосновеніе ея тѣла, ея поцѣлуи, страстный шопотъ, взглядъ, полный нѣги... и, покоренный, онъ забывалъ весь міръ въ ея объятіяхъ.

— Ты моя... Я люблю тебя... Я хочу тебя, — шептала онъ въ забвеніи. — Въ тебѣ весь міръ, все мое блаженство!

И она, Сюзанна, замирала отъ счастья. И въ ней этотъ человѣкъ, первый, а, можетъ быть, и послѣдній, единственный разбудилъ страсть, разбудилъ сердце. И она дрожала при одной мысли, что можетъ потерять его. Любящая женщина въ ней побуждала хищницу и матеріалистку... и это было въ первый разъ въ ея жизни.

Таковы были отношенія, установившіяся между Сюзанной и Грегоровымъ. Дома Лазарь не давалъ ей покоя, ревнуя къ Грегорову и укоряя, что она не сумѣетъ использовать его чувство.

— Не вѣчно онъ будетъ трепетать передъ тобой. Говорилъ я, что онъ не женится на тебѣ, и былъ правъ. А теперь ты и выгоду всю упустила... Размякла... Не думалъ я, что ты на это способна, Сюзанночка.

— Молчи!

Каждая такая сцена кончалась ссорой. Проклятый квазимодо словно читалъ въ ея сердцѣ и тонкимъ ядомъ отравлялъ это сердце.

Марковъ, тотъ, дѣйствительно, совсѣмъ отшатнулся отъ Сюзанны. Разрывъ съ ней доставилъ ему нѣсколько

непріятныхъ часовъ, и только. Зато онъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ назначеніе его военнымъ агентомъ въ одну изъ европейскихъ столицъ. Онъ пріѣхалъ къ Сюзаннѣ съ прощальнымъ визитомъ, блестящій и веселый.

— Пожелайте мнѣ счастья на новомъ пути, — смѣясь, проговорилъ онъ. — Ну, а сами вы? Все еще охотитесь за моимъ другомъ Мишелемъ? Бросьте, онъ на васъ не женится. Да я его вполне понимаю. Графъ Грегоровъ не можетъ жениться на Сюзаннѣ Мельвиль, фарсовой актрисѣ.

Его слова больно укололи Сюзанну, но она даже и виду не показала. Роспили бутылочку шампанскаго на прощанье и разстались, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто ничего не было между ними. И разстались, чтобы, можетъ быть, никогда уже не встрѣтиться.

Оставался еще князь Малаевъ. Этого дикаря Сюзанна приручила и покорила. Кавказскій князь былъ изъ тѣхъ натуръ, которыя гонятся за тѣмъ, что имъ не дается. Теперь онъ былъ преданнымъ псомъ, готовымъ на всевозможныя жертвы. Его Сюзанна уже подготовила, чтобы вызвать новую ревность въ Грегоровѣ.

Но она боялась... боялась ихъ обоихъ. Малаевъ былъ слишкомъ горячъ и непосредственъ. А Грегоровъ снова могъ прибѣгнуть къ послѣднему средству — къ бѣгству. И Сюзанна тянула.

Но теперь, кажется, придется идти напроломъ. Къ тому не мало причинъ. Во-первыхъ, (и это самое главное), Грегоровъ словно начинаетъ охлаждать къ ней, грустить о чемъ-то, задумывается. Надо встряхнуть его, иначе можно его потерять. Во-вторыхъ, баронесса фонъ-Саксъ теряетъ терпѣніе и готова съ нею поссориться. Она отличная союзница, но въ то же время опасный врагъ.

Все это время она была кроткой и въ то же время страстной любовницей. Пора, наконецъ, предъявить свои права! Ему-то хорошо, Грегорову! Пользуется ея ласками, пока онъ ему еще не пріѣлись, а потомъ... выбросить ее за дверь, наградивъ „приличной суммой“, и... и заведетъ себѣ другую или поѣдетъ въ „Красовку“ навѣщать покорную, прекрасную супругу...

Нѣтъ! До этого нельзя довести!

Тишина въ комнатѣ Сюзанны привлекла вниманіе Лазаря, и онъ просунулъ въ дверь свою лохматую голову.

Она вздрогнула.

— Ты что, Сюзанночка?

— Опять ты! О, если-бъ ты зналъ, какъ ты мнѣ надоѣлъ.

— Я не такъ красивъ, какъ графъ Грегоровъ! — обидѣлся квазимодо.

Сюзанна смѣрила его съ головы до ногъ и расхохоталась.

— Еще бы! Ты не такъ красивъ, какъ графъ Грегоровъ, но ты, кажется, воображаешь, что ты все-таки недурень? Ха-ха-ха!

— Сюзанна! — грозно остановилъ онъ ее.

— Не испугаюсь! Довольно! Лучше скажи мнѣ, который часъ?

— Можешь сама посмотрѣть.

Она снова расхохоталась и подошла къ ночному столу, на которомъ лежали золотые часики съ ея вензелемъ изъ крупныхъ брилліантовъ, подарокъ графа Грегорова.

— Ого! Первый часъ! Надо торопиться къ баронессѣ.

— Когда же ты вернешься? — угрюмо спросилъ Лазарь.

— Когда мнѣ вздумается...

Съ насмѣшливой, злой улыбкой она натягивала перчатки.

— Ты не могъ мнѣ сказать, который часъ, а теперь лѣзешь съ глупыми разспросами.

— Ты юлишь, потому что знаешь, что весь день будешь путаться и только на разсвѣтъ вернешься.

Она поправила шляпу передъ зеркаломъ и набросила на плечи соболье боа.

— А хоть бы я и совсѣмъ не вернулась? Кажется, я никому не должна отдавать отчетъ.

— Берегись... берегись, — прошептала Лазарь.

Она оттолкнула его отъ двери и вышла изъ спальни.

— Я, какъ Кармень, вѣрю въ свою судьбу. Погибну, когда придетъ мой часъ, — бросила она ему, уходя.

Баронесса фонъ-Саксъ, цѣлуя Сюзанну, задала ей свой обычный вопросъ:

— Ну, что?

Сюзанна отвѣтила торжествующимъ тономъ:

— Вотъ теперь настало время дѣйствовать, и мы съ вами составимъ планъ.

— Съ удовольствіемъ! — оживилась баронесса. — Только, смотрите, не поздно-ли теперь?

— Почему же поздно? — испугалась Сюзанна.

— Я такъ только говорю. Это мое предположеніе... Я боюсь, что мы упустили горячее время. Надо было дѣйствовать сейчасъ же послѣ первой побѣды... Ахъ, сколько мнѣ приходилось васъ уговаривать, даже ссориться съ вами. Ну, да прошлаго ужъ не вернуть, надо думать о будущемъ... Когда вы думаете „приступить“?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Хоть сегодня! — лихорадочно отвѣтила Сюзанна.

— Ахъ, если-бы эту энергію мѣсяца три тому назадъ! Ну, да, ничего, можетъ, и теперь справимся... Итакъ, начнемъ сегодня, ибо мнѣ нравится ваше приподнятое настроеніе. Боюсь, что завтра оно измѣнитъ вамъ.

— Не бойтесь! Мнѣ трудно было рѣшиться, но отступать я уже не буду.

— Ага, сознались, что трудно было рѣшиться, а прикрывались благоразуміемъ. Итакъ, вы сегодня поѣдете къ графу?

— Поѣду... къ пяти часамъ.

— А Малаевъ? Онъ въ полномъ вашемъ распоряженіи?

— Онъ готовъ на все. Этой пѣшкой я могу распоряжаться, какъ угодно.

— Хорошо бы, если-бъ въ нашей „шахматной“ игрѣ эта пѣшка побила короля! — размѣялась баронесса. — Итакъ, вы будете у графа и поставите ему вопросъ ребромъ. Пока не говорите о женитьбѣ на васъ, а только требуйте развода съ Мусей. Вы якобы примирились со свободной любовью, но, сама свободная, вы хотите любить свободнаго человѣка. Конечно, онъ будетъ артачиться, а вы ему поставите на видъ желаніе Малаева на васъ же-

ниться. Вамъ необходимо добыть письмо Малаева съ предложениемъ вамъ руки и сердца.

— У меня найдется такое письмо, очень подходящее, такъ какъ оно говоритъ о его любви и моей неприступности.

— Но въ этомъ письмѣ просить-ли онъ вашей руки?

— Ну, конечно... Только письмо помѣчено другимъ числомъ. Оно въ моей сумочкѣ. Вотъ оно.

— Это пустяки... Мы переправимъ его, или просто поставимъ на немъ кляксу. Но вы привезли это письмо?

— Ну, конечно.

Баронесса фонъ-Саксъ съ дѣловымъ видомъ перечитала письмо.

— Великолѣпно... Оно могло-бы тронуть и каменное сердце.

— Ну, а если графъ будетъ упорствовать?

— Скажите ему, что вы рѣшитесь дать слово Малаеву, и уходите... Потомъ по телефону (если онъ васъ не остановитъ), дайте ему знать, что вы уже невѣста Малаева и ѣдете съ нимъ въ театръ... и скажите, въ какой... Въ театрѣ, навѣрно, разыграется сцена и вы поставите на своемъ. Хотя я думаю, что графъ и раньше сдѣлаетъ вамъ уступку. Только будьте серьезны и тверды, помните, что рѣшается ваша судьба. Мысленно я буду съ вами... Вѣдь на той-же картѣ стоитъ моя месть.

„Союзицы“ еще долго бесѣдовали все на ту же тему и прямо отъ баронессы Сюзанна поѣхала къ ея зятю, Грегорову.

Въ передней ее встрѣтилъ недружелюбный взглядъ Захара, все еще не примирившагося съ „халдой“ и скорбѣвшаго объ участи молодой графини... Сюзанна тоже ненавидѣла стараго слугу... Не кивнувъ ему и не глядя на него, она гордо прошла прямо въ кабинетъ своего возлюбленнаго.

„Погоди, — злобно думала она, — когда я буду здѣсь распоряжаться, я тебя быстро уберу отсюда, старый идиотъ!“

Графа Сюзанна застала сидящимъ въ старомъ дѣдовскомъ креслѣ, съ книгой на колѣняхъ, въ глубокой задумчивости.

— А, ты? — улыбнулся онъ Сюзаннѣ, отбрасывая книгу и протягивая ей руки. — Здравствуй, моя голубка.

— Здравствуй, — Сюзанна холодно пожала его руку и какъ-бы не замѣтила тянувшихся къ ней губъ.

— Не въ духѣ? — спросилъ онъ.

— А ты все о чемъ-то мечтаешь?

— Не мечтаю, а думаю.

— Интересно знать, о чемъ?

— И совсѣмъ не интересно. Я думаю, что жизнь дьявольски плохая штука и что, въ сущности, не стоило родиться.

— Подумаешь... философія.

XXI

РѢШИТЕЛЬНЫЙ ШАГЪ

Въ кокетливой позѣ Сюзанна присѣла на ручку кресла и закурила папироску. Она хотѣла казаться спокойной и равнодушной, но это ей плохо удавалось.

— Ты, кажется, чувствуешь себя великолѣпно? — спросила она Грегорова.

— А почему бы я долженъ былъ чувствовать себя иначе? Не вижу причины. Наши отношенія великолѣпны. Мы любимъ другъ друга. Почему же мнѣ грустить?

Она холодно улыбнулась.

— Какіе вы эгоисты, мужчины, вы только думаете о себѣ, не принимая въ расчетъ любимой женщины. Безсердечные эгоисты! Итакъ, ты доволенъ своей судьбой, хотя отлично знаешь, что я своею совсѣмъ недовольна. Но тебя это мало трогаетъ.

— О, какъ ты повторяешься, Сюзанна, и все-таки я тебя понять не могу. Я чувствую какую-то дѣль, скрывающуюся за твоими словами, но не могу понять, въ чемъ дѣло.

Нѣжный и ласковый, онъ приблизился къ Сюзаннѣ.

— Дорогая, — сердечно проговорилъ онъ, — теперь намъ такъ хорошо. Я счастливъ и я чувствую, что и ты счастлива. Не надо „новаго“. Всякая „перемѣна“ можетъ

только ухудшить наши отношенія... нарушить ту гармонію, которая, наконецъ, установилась.

— Какой монологъ! Ты, вѣроятно, предчувствуешь, что тебѣ сегодня предстоитъ проглотить горькую пилюлю. Однако, это необходимо. Пока есть возможность, я должна устроить свою жизнь.

Съ глубокимъ вздохомъ графъ отошелъ отъ Сюзанны и съ видомъ мученика опустилсѣ въ кресло, скрестивъ на груди руки.

— Вижу, тебѣ даже мое предисловіе не нравится. Что дѣлать? Я тебѣ жертвую жизнью, должна же я, наконецъ, провѣрить твою любовь... Я хочу, чтобы наши шансы были равны. Я хочу отъ тебя брать то же, что я тебѣ даю.

— Дальше.

— Не торопись. Когда-то... впрочемъ, еще недавно, я мечтала о полной чашѣ счастья. Я хотѣла быть твоей женой... Но я поняла, что бесплодно бороться съ твоимъ снобизмомъ и пошла на уступку. Я отказалась отъ мысли быть твоей женой.

Онъ опять порывисто къ ней приблизился, но она его отстранила повелительнымъ жестомъ.

— Постой... Прежде, чѣмъ я смогу отъ всего сердца протянуть тебѣ руку, я должна выслушать твой отвѣтъ на мое требованіе.

— Разъ ты устраняешь самый больной вопросъ, я убѣжденъ, что рабски исполню всѣ твои желанія и требованія.

— Посмотримъ... Когда ты ихъ исполнишь, всѣ недоразумѣнія между нами будутъ кончены разъ навсегда.

На ея вдругъ поблѣднѣвшемъ лицѣ глаза загорѣлись любовью и страстью.

— Ты еще не знаешь, какъ я умѣю любить! Ты не знаешь еще! Меня сдерживали всевозможныя „но“. И теперь, когда отъ однихъ требованій я уже сама отказалась, если ты въ остальномъ пойдешь мнѣ навстрѣчу, я сумѣю дать тебѣ настоящее счастье.

— И все-таки твое требованіе остается для меня загадкой.

— Сейчасъ ты ее разгадаешь. Свободная, я дарю тебя

свободной любовью и такую же любовь хочу получить вза-
мнѣнь.

Его лицо потемнѣло.

— Но развѣ... моя любовь къ тебѣ не свободна?

— Человѣкъ, скованный цѣпями, лишень возможности свободно отдаваться... Сбрось эти цѣпи... и ты найдешь во мнѣ настоящее счастье. Я требую, чтобы ты развелся съ Маріей Николаевной!

Его брови сдвинулись.

— Это невозможно, — твердо отвѣтил онъ. — Ты возвращаешься къ сказкѣ „про бѣлаго бычка“. Къ чему тебѣ этотъ разводъ, разъ ты отбросила всякую мысль о за-
мужествѣ?

— Потому что твой бракъ съ чуждой тебѣ женщиной оскорбляетъ мое чувство. Любя меня, ты можешь сохра-
нить свою свободу, но не дарить ее другой. Свободная, я хочу любить свободнаго.

— Новый капризъ! — его голосъ прозвучалъ рѣзко, почти грубо. — Этой уступки я тебѣ не сдѣлаю... Графиня Марія Николаевна не вмѣшивается въ мою жизнь, и я не вижу причины разводиться съ нею... Я застраховалъ себя, свою глупость не для того, чтобы... снова подвергать себя опасности. И, просто, не вѣрю тебѣ... Ты дѣлаешь пер-
вый шагъ, а за нимъ послѣдуетъ второй... Твоя хитрость
спита бѣлыми нитками.

— Но если я тебѣ дамъ слово? Поклянусь?

— Такія женщины, какъ ты, лгутъ и въ клятвѣ.

Она поблѣднѣла.

— О, какъ ты меня презираешь!

— Я себя презираю. Но... кончимъ этотъ разговоръ, пока онъ не обострился, не довелъ насъ до ссоры.

Онъ взглянулъ на часы.

— Знаешь, можно было бы и поторопиться обѣдомъ. Сегодня у меня два кресла въ Маріинскій театръ.

— Какъ это глупо! Я поднимаю вопросъ всей жизни, а онъ говоритъ объ обѣдѣ, о театрѣ. Не думаешь-ли ты, что я такъ, проста, завела всю эту канитель? Теперь, когда я убѣждаюсь, что въ твоемъ сердцѣ царить одно ко мнѣ презрѣніе... теперь я буду дѣйствовать иначе... Я не оттолкну слѣплаго счастья, которое рвется въ мою жизнь.

— Какое же это счастье?

— Бракъ съ любящимъ человѣкомъ...

— Ужъ не съ твоимъ-ли квазимодо?

— Или ты думаешь, что я недостойна лучшей участи?

На, читай это письмо, которое пишетъ мнѣ молодой человекъ, — князь и богачъ.

Какъ презрительный вызовъ, она ему бросила письмо Малаева.

— Я никогда не читаю чужихъ писемъ.

— Могу тебѣ передать его содержаніе. Князь Малаевъ проситъ моей руки, изъясняется въ своей безумной ко мнѣ любви и коритъ меня за холодность и неприступность... Ты понялъ теперь?

— Да, я понялъ... — беззвучно отвѣтилъ онъ.

— И что же ты скажешь?

Онъ пожалъ плечами.

— Другой даетъ тебѣ больше того, что я могу дать. Какое же я имѣю право тебя останавливать? Ты должна поступить такъ, какъ подсказываетъ тебѣ сердце.

— То, что оно мнѣ подсказало, тебѣ уже извѣстно. Я готова отказаться отъ слѣпного счастья, которое мнѣ бросаетъ судьба, если ты разведешься съ Маріей Николаевной.

— Этого не будетъ... Я всегда держу свое слово.

— Кому же ты далъ это „слово“? — теряя самообладаніе, спросила Сюзанна.

— Во-первыхъ, самому себѣ, во-вторыхъ — тебѣ, въ-третьихъ — графинѣ Грегоровой.

— Ха-ха-ха! — раздался ея злобный смѣхъ. — И, конечно, послѣднее самое важное. И такъ, ты далъ слово своей супругѣ, что съ нею не разведешься, но гробъ жизни будешь прикованъ къ ней цѣпями Гименея. Ха-ха-ха. Теперь я понимаю, почему она такъ спокойно сидитъ въ деревнѣ. Она увѣрена, что въ концѣ-концовъ побѣда останется на ея сторонѣ.

— Какая побѣда? Ты сходишь съ ума, Сюзанна. Мы съ Маріей Николаевной чужіе другъ другу и навсегда останемся чужими... Такъ рѣшено между нами. А ты... Я не хочу насиловать твою волю. Я тебя люблю, но не могу тебѣ дать то, что тебѣ даетъ князь Малаевъ. И оставляю тебѣ свободный выборъ между нами.

— Такъ ты не хочешь купить меня навѣки въ полное рабство, купить разводомъ съ „чужой“ тебѣ женщиной?

— Я не могу.

Она сдержала бѣшенство, клокотавшее въ ея груди, и почти спокойно заявила:

— Прекрасно... Въ такомъ случаѣ я принимаю предложеніе князя Малаева... Отнынѣ мы съ тобой только друзья. Любовь князя неизмѣримо выше твоей, — онъ прощаетъ мнѣ мое прошлое, онъ даже мирится съ настоящимъ моимъ чувствомъ къ тебѣ. Прощай, Мими, и будь счастлива, если можешь...

Ея голосъ прервался, и она подавила рыданія.

— Конечно, теперь я уже не останусь у тебя. Подай мнѣ шляпу... Благодарю...

Сердце замирало въ его груди, и все происходившее казалось ему какимъ-то тяжелымъ сномъ.

— Прощай, Сюзанна... Если я не сумѣю жить безъ тебя, то я сумѣю умереть! Я слишкомъ честенъ, чтобы ради собственнаго счастья играть твоею жизнью. Если же когда-нибудь тебѣ понадобится моя помощь, моя услуга... то я весь въ твоемъ распоряженіи. Прощай, Сюзанна...

Его блѣдное, убитое лицо, потухшій взглядъ и дрожавшій голосъ ясно говорили ей о силѣ его чувства, о тѣхъ страданіяхъ, которыя, играя, она ему причиняла. О, съ какимъ бы наслажденіемъ она бросилась бы сейчасъ въ его объятія, цѣловала бы его руки и, плача и смѣясь, сказала бы ему:

— Я пошутила... милый, дорогой, я только тебя люблю и тысячу такихъ Малаевыхъ принесла бы тебѣ въ жертву!

Но Сюзанна заглушила свой порывъ, вѣдь, надо же довести комедію до конца. Одна мысль, что онъ рѣшилъ навсегда остаться мужемъ Маріи Николаевны, приводила ее въ бѣшенство. Ревность затемняла ея разсудокъ и толкала ее на рискованный шагъ.

— Прощай, — сухо проговорила она. — А если задумаешь пойти навстрѣчу моему желанію, пока я еще не буду связана съ княземъ Малаевымъ, то, помни, я все брошу и вернусь къ тебѣ. Тогда я буду знать, что любовь ко мнѣ побѣдила тебя самого. Но если нѣтъ, то помни, что

княгиня Малаева уже никогда и ни съ чѣмъ не обратится къ тебѣ. Прощай.

И, гордо кивнувъ ему головой, она съ театральнымъ величіемъ покинула его кабинетъ.

Графъ растерянными глазами смотрѣлъ ей вслѣдъ, блѣдный, какъ смерть, прижимая руки къ замиравшему, словно переставшему жить, сердцу.

Тихій стонъ, полный муки, сорвался съ его устъ, все завертѣлось передъ его глазами... и вдругъ — темнота... Онъ покачнулся и, теряя сознание, упалъ на коверъ.

Когда онъ очнулся, онъ уже лежалъ на кровати. Домашній врачъ, управляющій, Захаръ, — всѣ суетились вокругъ него.

Онъ напрягалъ всю свою память и, наконецъ, вспомнилъ, что съ нимъ случилось. Горло его сжалось, и словно огонь какой-то жегъ его глаза. И вдругъ онъ зарыдалъ, какъ маленькій ребенокъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и всхлипывая.

Эти слезы облегчили тяжесть, давившую его грудь. Съ наслажденіемъ онъ выпилъ стаканъ холодной воды, который поднесъ ему докторъ.

— Слава Богу, успокоились немного, ваше сіятельство. Ну, и распатались же у васъ нервы... Знаете, надо серьезно за нихъ приняться, чтобы не превратиться въ неврастеника.

Въ это мгновеніе прозвучалъ назойливый продолжительный звонокъ телефона. Графъ Мишель задрожалъ всѣмъ тѣломъ, и снова слезы навернулись на его глаза.

— Захаръ... снимите трубку... и даже не спрашивайте, кто звонить... Теперь не время для разговоровъ, — строго приказалъ докторъ, и Захаръ съ удовольствіемъ поспѣшилъ исполнить его приказаніе.

„Навѣрно, уже эта „халда“ трезвонить, — думалъ онъ, — вѣдь, она не отвяжется, пока не загонитъ моего графчика въ могилу.“

И Захаръ съ ожесточеніемъ отбросилъ трубку и даже прикрылъ ее диванной подушечкой.

— Надо серьезно лѣчиться, — продолжалъ докторъ.

— Какъ же мнѣ лѣчиться, если это душевный недугъ? — страдальчески улыбнулся графъ Мишель.

— Прежде всего надо покинуть Петербургъ. Вы не связаны обязательной службой, денегъ у васъ сколько угодно... и поѣзжайте себѣ съ Богомъ.

— Куда же мнѣ ѣхать, докторъ?

— Сначала въ какое-нибудь тихое мѣсто, вродѣ деревни, чтобы отдохнуть, а потомъ... куда-нибудь повеселѣе, когда почувствуете въ себѣ новый приливъ силишекъ.

— Поѣхать развѣ въ „Красовку“? — задумчиво проговорилъ графъ Мишель.

И ему вспомнилась Муся, тихая, ровная, свѣтлая. Ея общество успокаивало его.

— Прекрасная мысль, — одобрилъ докторъ. — Поѣзжайте въ „Красовку“ и не оттягивайте вашего отъѣзда. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... Возьмите только съ собою Захара, одиночество вамъ положительно вредно.

Графъ Мишель вдругъ оживился и даже приподнялся.

— Отлично, докторъ, мы съ Захаромъ уѣдемъ завтра же утромъ.

Докторъ, очевидно, былъ посвященъ Захаромъ въ несчастье графа, и онъ торопливо заявилъ:

— Конечно, поѣзжайте. Завтра, такъ завтра. Захаръ уложить вещи, а вы извольте уснуть.

— Ахъ, — вздохнулъ графъ Мишель, — мнѣ не уснуть, я это чувствую.

— Не беспокойтесь: двѣ ложки этого лѣкарства, и вы великолѣпно заснете.

Докторъ прописалъ микстуру.

Дѣйствительно, приемъ лѣкарства подѣйствовалъ, и Мишель крѣпко заснулъ. Захаръ, торжествующій, принялся за укладку, пока докторъ ужиналъ въ столовой.

И вдругъ раздался звонокъ съ парадной. Захаръ бросился въ столовую.

— Навѣрно, это „халда“, ваше благородіе... Пойдемте... пугните-ка ее хорошенько... Только бы не пронюхала, что мы завтра ѣдемъ, а то подстережетъ — и бѣда. Такая всю ночь у воротъ будетъ дежурить... Велите ей завтра придти часамъ къ двѣнадцати.

— Отлично, — улыбнулся докторъ, — я сумѣю ее успокоить. А когда вы умчитесь, пусть на меня набрасывается.

Предчувствія Захара не обманули. Явилась Сюзанна, уже трезвонившая по телефону и получившая отвѣтъ, что трубку „сняли“. Сюзанна забеспокоилась и помчалась къ графу.

— Дома графъ? — развязно спросила она.

— Они спятъ.

— Разбудите.

— Никакъ нельзя... Онъ захворалъ... и докторъ тутъ.

— Въ такомъ случаѣ я останусь здѣсь и буду ждать, пока онъ проснется.

Докторъ выступилъ на защиту Захара.

— Невозможно, сударыня. Графъ Михаилъ Александровичъ перенесъ какое-то нервное потрясеніе, и ему необходимъ абсолютный покой... Только съ помощью микстуры онъ уснулъ и врядъ-ли проснется раньше двѣнадцати дня...

— Тогда я приѣду къ двѣнадцати.

— Милости прошу.

Встревоженная, съ тяжелымъ чувствомъ на сердцѣ, Сюзанна уѣхала домой.

А на слѣдующій день съ семичасовымъ утреннимъ поѣздомъ графъ Мишель покинулъ Петербургъ, направляясь въ свою родовую „Красовку“ въ сопровожденіи стараго Захара.

Съ пути были посланы телеграммы графинѣ Маріи Николаевнѣ и управляющему.

XXII

ПО ПРЕДПИСАНІЮ ВРАЧА

Разставшись съ Грегоровымъ, Сюзанна покатила къ своей союзницѣ.

Заинтересованная „предпріятіемъ“, баронесса фонъ-Саксъ ждала Сюзанну.

— Побѣдительница или побѣжденная? — встрѣтила она ее вопросомъ.

— Ни то и ни другое, — съ нервнымъ смѣхомъ отвѣтила Сюзанна. — Пока еще боремся.

И она рассказала своей союзницѣ всю сцену, только что происшедшую между нею и Грегоровымъ.

— Bravo! — одобрила Долли Евграфовна — Bravissimo! Теперь разыщите Малаева, и мы вмѣстѣ организуемъ поѣздку въ какой-нибудь театръ.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ вы будете телефониловать Грегорову... Вы его вызовете въ тотъ же театръ. И я убѣждена, что разыграется маленькая трагикомедія. Онъ чертовски ревнивъ, мой милый зятекъ!

Баронесса злобно смѣялась, предвкушая „маленькую трагикомедію“.

Союзницы дѣйствовали по „расписанію“: вызвали Малаева и послали въ театръ за ложей. Когда все было готово, Сюзанна изъ квартиры баронессы протелефонировала къ Грегорову.

Ей отвѣтили, что „трубка снята“. Сюзанна забеспокоилась.

— Что бы это могло значить? — тревожно спрашивала она баронессу.

— Да ничего особеннаго. Просто вашъ графчикъ улегся спать и велѣлъ снять трубку, чтобы его не тревожилъ телефонный звонокъ.

— Вотъ какъ... Хороша его любовь! — кипятилась Сюзанна. — Онъ изволить преспокойно почивать послѣ всего того, что я ему сказала. Безсовѣстный! О, это моя обязанность пойти и разбудить его!

— Что вы, голубушка? Вѣдь сейчасъ пріѣдетъ вашъ князь Малаевъ. Что же я буду съ нимъ дѣлать? Занимать влюбленнаго въ другую женщину! О, это очень трудная работа и я положительно отказываюсь ее выполнить. И притомъ вашъ визитъ теперь къ Грегорову будетъ „стратегической“ ошибкой.

— Пусть будетъ что будетъ! — упрямо и пылко возразила Сюзанна, — но я поѣду къ графу.

— Ваше дѣло... но не могу вамъ не сказать, что ваши поступки къ добру васъ не приведутъ... Вижу, что вы гораздо больше любите Грегорова, чѣмъ онъ васъ... Вы, милочка, попались въ тѣ сѣти, которыя разставили для него...

Сюзанна схватилась за голову.

— И все-таки я бѣгу къ Грегорову.

— Какъ же мнѣ поступить съ Малаевымъ?

— Скажите ему, что я захворала и что наша поѣздка разстроилась.

— Нѣтъ, ужъ вы меня извините, — я не выйду къ нему. Наоборотъ, я прикажу ему сказать, что я захворала, и потому отмѣняется поѣздка. Пусть онъ у васъ ищетъ объясненія.

— Вы сердитесь, баронесса?

— Мнѣ кажется, что вы уже перехватили черезъ край, госпожа Мельвиль.

— Не сердитесь, вѣдь, мы „союзницы“ и преслѣдуемъ одну и ту же цѣль... Сегодня я не владѣю собой и не могу дѣйствовать „по плану“. Не сердитесь, дорогая... Я возьму себя въ руки...

— Сказка „про бѣлаго бычка“, — насмѣшливо прервала ее Долли Евграфовна. — Идите же... А то еще убѣжить куда-нибудь вашъ графчикъ и вы будете обвинять меня, что я васъ задержала... Теперь, по крайней мѣрѣ, вся отвѣтственность за неудачу падаетъ на васъ одну...

— Я буду вамъ телефоновать, въ чемъ дѣло, если позволите...

Сюзанна одѣлась съ лихорадочною поспѣшностью и помчалась на набережную.

Вскорѣ она телефоновала баронессѣ:

— Вы знаете, дорогая Долли Евграфовна, мнѣ не удалось видѣть графа... Онъ расхворался, и довольно серьезно. Теперь онъ спитъ и его нельзя было тревожить. Все-таки онъ, значить, серьезно любитъ меня, если на него такъ сильно повліяло мое рѣшеніе выйти замужъ за Малаева... Право, мнѣ даже жалко его теперь.

— Не вѣрю я этимъ внезапнымъ недугамъ, — скептически возразила Долли Евграфовна.

— И я бы не вѣрила, если-бы случайно не столкнулась съ докторомъ, который тревожно подтвердилъ мнѣ все то, что я услышала отъ лакея.

— Если-бы я была на вашемъ мѣстѣ, я бы все-таки добилась того, чтобы мнѣ хоть издали показали больного.

— Но разъ меня не пускали, мнѣ оставалось только

вступить въ драку и ломать двери. Докторъ просилъ меня зайти къ двѣнадцати часамъ дня завтра, и тогда я проверю правдивость сообщеннаго мнѣ... Спокойной ночи, баронесса, я буду вамъ завтра телефонировать.

Но сама Сюзанна провела далеко не спокойную ночь. Едва она успѣла войти въ спальню, послѣ бесѣды по телефону съ Долли Евграфовной, какъ въ дверь вслѣдъ за нею нырнула Лазарь.

— Что-то ты рано сегодня, Сюзанночка? Опять не поладила съ графомъ?

— Уродецъ! Чудовище! Оставишь-ли ты меня въ покоѣ? — съ бѣшенствомъ, топая ногами, прокричала Сюзанна.

— Ой, ой, ой! — попятился Лазарь. — Да ты, кажется, сошла съ ума, моя милая.

— Вонь! Вонь! Вонь!

Сильными, цѣпкими руками Сюзанна схватила Лазаря за воротъ и вышвырнула его за дверь.

— Проклятый квазимодо! — бормотала она, поворачивая ключъ въ замкѣ.

Прежде всего она была зла на самое себя... а потомъ... потомъ и на весь міръ... Тяжелое предчувствіе угнетало ея душу... и всю ночь она не сомкнула глазъ. Только на разсвѣтѣ она забылась тревожнымъ сномъ, и то не на долго.

Въ девять утра уже послышался продолжительный звонокъ изъ ея комнаты. Горничная постучалась въ закрытую дверь.

— Принесите мнѣ чаю! — крикнула Сюзанна. — Я отворю дверь.

И когда горничная снова постучалась, уже съ подносомъ въ рукахъ, Сюзанна открыла ей дверь.

— Ничего новаго? — спросила она устало.

— Ничего, барыня.

— А Лазарь?

— Они всю ночь проплакали у дверей вашей спальни, — тонко улыбнулась горничная.

— Дуракъ! Скажи ему, чтобы не вздумалъ попадаться мнѣ на глаза. Его наглость уже вывела меня изъ терпѣнія. Кажется, придется выгнать его на улицу.

Она прихлебнула чай и поморщилась.

— О, какой горячий! Я подожду, пусть остынетъ.

Откинувшись на подушки, она спросила:

— Какъ я выгляжу сегодня?

— Неважно, барыня. Вы блѣдны и синяки подъ глазами.

— Жаль! Мнѣ хотѣлось быть сегодня особенно интересной. Дай-ка мнѣ зеркало.

Въ маленькое ручное зеркальце, поданное горничной, она внимательно себя разглядывала, нахмуривъ брови.

— Ни кровинки... У меня ужасный видъ. Придется прибѣгнуть къ косметикѣ... Который теперъ часъ?

— Десятый, барыня...

— О, я еще успѣю, времени достаточно...

Сюзанна вскочила.

Дѣйствительно, она „привела себя въ порядок“. Легкій электрической массажъ, бѣлое притиранье и удивительно натуральныя румяна вернули ея лицу свѣжесть и жизнь. Элегантный темносиній суконный туалетъ съ бѣлымъ воротничкомъ красиво облегалъ ея фигуру и молодилъ ее.

Она внимательно оглядѣла себя въ трюмо, и довольная улыбка промелькнула по ея губамъ.

— Красота — красотою, а и „искусство“ тоже много значить... Ишь, какъ я себя „починила“!

Въ половинѣ двѣнадцатаго Сюзанна велѣла подать себѣ пару яицъ всмятку и яблоко. Это былъ ея обычный завтракъ. Она всегда старалась ѣсть какъ можно меньше, такъ какъ боялась пополнѣть.

А безъ четверти двѣнадцать она уже катила въ своей пролеткѣ на небережную.

— Прикажете ждать? — спросилъ кучеръ.

Она подумала нѣсколько мгновений и отвѣтила:

— Нѣтъ, можешь ѣхать домой.

Граціозно и быстро взбѣжала она по ступенямъ и энергично позвонила. Ей отворилъ дверь лакей Давыдъ, очень рѣдко появлявшійся въ передней.

— Какъ здоровье графа? — быстро спросила Сюзанна.

— Да, ничего, кажется, хорошо.

— Онъ уже проснулся?

— Давно уже проснулись, — отвѣчалъ недогадливый лакей.

Сюзанна вошла въ переднюю и сбросила манто ему на руки. Но тутъ подошелъ Иванъ Федоровичъ, управляющій графа Грегорова.

— Честь имѣю кланяться, сударыня... Чѣмъ могу собственно вамъ служить? — по обыкновенію, дурачась, спросилъ онъ.

— Вы, кажется, хорошо знаете, зачѣмъ я прихожу сюда, — надменно заявила Сюзанна.

— Точно такъ... я знаю... и потому удивляюсь, что вижу васъ сегодня.

— Я хочу видѣть графа и пройду къ нему во что бы то ни стало! — повысила голосъ Сюзанна.

— Но графъ уѣхалъ сегодня рано утромъ, сударыня.

— Куда? — пошатнулась она.

— Сначала въ „Красовку“, потомъ за границу... по предписанію врача, сударыня.

— Вы лжете! — крикнула Сюзанна.

— Если вамъ угодно провѣрить, — я къ вашимъ услугамъ, сударыня... Пройдемте по всѣмъ комнатамъ и взглянемъ во всѣ уголки.

— И онъ ничего не велѣлъ мнѣ передать? — притихла Сюзанна.

— Ровно ничего, сударыня.

— Можетъ, онъ поручилъ Захару?

— Захаръ уѣхалъ вмѣстѣ съ графомъ. Но вы можете послать телеграмму въ „Красовку“ и запросить графа.

Сюзанна ничего не отвѣтила, она только протянула дрожавшія руки къ своей шубкѣ. Иванъ Федоровичъ замѣтилъ ей жестъ и ловко снялъ манто съ вѣшалки и подалъ его Сюзаннѣ.

Она торопливо застегнула крючки и кнопки, машинально кивнула ему головой и направилась къ выходной двери, которую Давидъ предупредительно распахнулъ передъ нею. Такъ же торопливо сбѣжала она со ступенекъ и вышла на улицу.

Мимо дома шажкомъ проѣзжалъ извозчикъ, и она махнула ему рукой.

— На телеграфъ! — нервно крикнула она возницѣ, садясь въ пролетку.

Дрожавшей рукой она начертала на телеграфномъ бланкѣ:

„Умоляю. Приѣзжай. На все согласна. Больше никогда не услышишь ни одного протеста. Люблю тебя. Схожу съ ума. Приѣзжай. Твоя Сюзанна.“

Отправивъ телеграмму, она снова сѣла на извозчичью пролетку и приказала везти себя къ баронессѣ фонъ-Саксъ.

Усталая, болѣзненная, съ потухшимъ взоромъ, она облокотилась на спинку пролетки. Станнымъ контрастомъ рядомъ съ ея потухшимъ взоромъ и усталой позой выдѣлялись щеки, такъ искусно подкрашенные, ярко алыя.

У подъѣзда дома, въ которомъ обитала баронесса фонъ-Саксъ, Сюзанна отпустила извозчика, сунувъ ему первую попавшуюся ассигнацію. Быстрыми, нервными шагами направилась она къ квартирѣ баронессы и позвонила. Въ ожиданіи, пока ей отворять, теряя силы, прислонилась она къ косяку двери.

— Барыня дома? — беззвучно спросила она отворявшую ей дверь горничную.

— Дома-съ... Сейчасъ будутъ завтракать... Прикажете доложить?

Но Сюзанна уже прошла въ комнаты прямо въ манто и направилась въ будуаръ Долли Евграфовны.

— Что съ вами? — слегка вздрогнула хозяйка, замѣтивъ неожиданную гостью.

А Сюзанна, не отвѣчая, бросилась на кушетку и зарыдала.

Валерьяновыя капли, спиртъ, одеколонъ, нюхательная соль, все появилось на сцену, и кое-какъ удалось успокоить истерически рыдавшую женщину.

— Что же случилось? — допытывалась баронесса.

— Онъ уѣхалъ... къ ней, въ „Красовку“... Чуяло мое сердце... что все это не доведетъ до добра. Онъ не оставилъ мнѣ ни единой строчки... Все теперь пропало. Я отправила ему телеграмму въ „Красовку“... съ мольбой

вернуться... Но я знаю, что онъ не вернется... Я это чувствую... Не даромъ такъ болитъ мое сердце...

Было надъ чѣмъ призадуматься и такой находчивой особѣ, какъ Долли Евграфовна.

— Ну, и характерецъ! Воображаю, сколько это самому ему стоило. Ну, и характерецъ, — сердилась она. — Только не убивайтесь, голубушка. Нѣтъ положенія, изъ котораго не было бы выхода. Я что-нибудь придумаю.

Баронесса позвонила.

— Подайте намъ сюда завтракъ и шампанское.

Къ ѣдѣ, конечно, Сюзанна не прикоснулась, но съ наслажденіемъ выпила бокаль шампанскаго. Ужасный у нея былъ видъ. Румяна и бѣлила смѣшались и расплзлись по всему лицу вмѣстѣ со слезами. Долли Евграфовна какимъ-то душистымъ умываньемъ обтерла лицо своей союзницы и припудрила его.

— Еще бокальчикъ шампанскаго...

Изобрѣтательная мысль Долли Евграфовны скользила во всѣ стороны, и наконецъ, торжествующая, она вскочила.

— Придумала! Придумала! Придумала!

Блѣдное лицо Сюзанны нѣсколько оживилось, и вопросительными оживленными глазами она глядѣла на Долли Евграфовну.

— Я покупаю дачу или маленькое имѣніе рядомъ съ „Красовкой“. И мы всѣ проведемъ тамъ лѣто! О, тогда мы сумѣемъ вырвать графа Грегорова изъ рукъ моей прекрасной дочери.

XXIII

ТЕЛЕГРАММА

Весна пробуждалась. Травка зеленѣла и пестрѣли голубья и бѣлыя головки первыхъ цвѣтовъ. Блѣдно-голубое небо съ плывшими по нему серебристыми облачками разстилалось надъ оживавшей землей. Даже на поляхъ уже не было и признаковъ снѣга, всѣ они зеленѣли, покрывая нѣжной травкой.

Весеннее солнце согрѣвало землю и людей. И истом-

ленные лица крестьянъ порозовѣли. Вездѣ кипѣла работа.

Въ маленькой школѣ въ „Красовкѣ“ шли спѣшные экзамены, такъ какъ черезъ недѣлю уже былъ назначенъ ремонтъ того флигеля, въ которомъ помѣщалась школа.

Муся, энергичная, погрузилась въ свою работу, такъ что не было даже времени подумать о самой себѣ. Къ своему дневнику она не прикасалась иногда цѣлую недѣлю. Да и что новое могла она отмѣтить? Жизнь ея медленно двигалась впередъ, и одинъ день такъ походилъ на другой... Вокругъ нея кипѣли чувства и страсти, но она ихъ не замѣчала.

Дѣятельная, энергичная, все свое небольшое время она посвящала прогулкамъ, и эти прогулки замѣтно вліяли на ея здоровье. Поблѣднѣвшія было щеки опять порозовѣли, глаза заискрились, и ясная полуулыбка часто блуждала по ея губамъ.

На единственное письмо Грегорова она не отвѣтила, потому что онъ этого не хотѣлъ. Въ минуты безпричинной грусти она перечитывала это посланіе и въ нѣкоторыхъ фразяхъ находила утѣшеніе своему одинокому сердцу.

Первые дни по полученіи этого письма Муся боялась какой-нибудь трагедіи, гибели бѣднаго Грегорова. Но проходили дни за днями, и не было тревожныхъ извѣстій.

Напротивъ, Вѣра Ивановна, переписывавшаяся съ нѣкоторыми петербуржцами, сообщала ей, что ея блестящаго супруга видѣли то на благотворительномъ балу, то на парадномъ спектаклѣ, то въ экипажѣ и т. д. Каждый разъ подобное сообщеніе отзывалось въ сердцѣ Муси, словно тонкая иголочка впивалась въ это бѣдное, одинокое сердечко.

Когда же настала весна, Муся совсѣмъ ожила. Она блуждала по парку, собирая скромныя фіалки, прятвшіяся въ травкѣ, или по полямъ, любуясь первой зеленью.

Фіалками она украшала могилу графини Серафимы. Она сама не знала почему, но она любила память этой женщины, которой никогда не знала.

„Ни одна графиня Грегорова не была счастлива,“ — какъ бы слышались ей предсмертныя слова графини Се-

рафимы, и ей становилось страшно за собственную судьбу.

— Это правда, — спрашивала она Вѣру Ивановну, — что ни одна женщина, носившая фамилію Грегоровыхъ, не была счастлива?

— Такъ говорятъ... съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ предковъ этой фамиліи приказалъ убить цыганку, — нежелательную для него жену своего сына, — таинственно отвѣчала Вѣра Ивановна, и рассказала молодой графинѣ исторію изъ семейнаго прошлаго графовъ Грегоровыхъ.

Рассказъ Вѣры Ивановны произвелъ сильное впечатлѣніе на Мусю, и долго думала она о цыганкѣ-графинѣ, ея влюбленномъ рыцарѣ-мужѣ и жестокомъ старикѣ. Ихъ образы оживали въ ея фантазіи.

Какъ-то въ воскресный день Муся долго гуляла и, утомленная, легла спать. И опять ей приснился странный сонъ.

На утро, блѣдная и взволнованная, она рассказала его Вѣрѣ Ивановнѣ.

— Опять я видѣла во снѣ графиню Серафиму, — таинственно начала она.

Вѣра Ивановна даже приподнялась.

— Ну? Какъ же вы ее видѣли?

— Странный сонъ... Какъ будто все было наяву. Я будто бы проснулась ночью... Кругомъ все знакомые предметы, я въ своей спальнѣ... Мучить меня жажда. Я хотѣла протянуть руку, чтобы взять стаканъ воды, но не могла пошевелинуться, скованная какою-то непонятной мнѣ силой. И въ это мгновеніе дверь тихо отворилась, и вошла женщина подъ чернымъ покрываломъ. Та, которую я видѣла во снѣ въ первый день пріѣзда... Неслышно скользя, она приблизилась къ моей постели и наклонилась надо мной... Черное покрывало сползло съ ея лица, и я увидѣла лицо графини Серафимы. Она была прекрасна, какъ на портретѣ въ комнатѣ графа. Только она была смертельно-блѣдна, черные круги обрисовывали ея громадные, круглые глаза, горѣвшіе мрачнымъ, тоскливымъ огнемъ. Она не сказала мнѣ ни одного слова, а только губами прикоснулась къ моей щекѣ. Ея поцѣлуй былъ нѣженъ, воздушенъ, сказала бы я, какъ дуновеніе легкаго

вѣтерка. И, такъ же неслышно скользя, она скрылась въ противоположную дверь. Я вскрикнула и проснулась.

Вѣра Ивановна слушала Мусю, вся блѣдная и дрожащая.

— Ахъ, графиня, — всплеснула она руками. — Думаю, что этотъ сонъ не къ добру... И уже не знаю, сказать ли вамъ то, что я скрывала отъ васъ эти дни?

— Скрывали? — испугалась Муся. — Случилось что-нибудь скверное?

— Не скверное, а... Ну, да нечего лукавить, скажу прямо... За послѣдніе дни призракъ графини Серафимы опять сталъ показываться. Его видѣли то въ паркѣ, то во флигелѣ... Я боялась вамъ говорить, но разъ... вы видѣли ее во снѣ, — мой долгъ васъ предупредить... Вѣдь каждую ночь призракъ можетъ появиться и въ вашей спальнѣ.

Муся не могла скрыть невольный трепеть, охватившій ее.

— Вы думаете... что она можетъ... и въ мою спальню?..

— Конечно, можетъ, но вы не должны бояться, она никому не дѣлаетъ зла. Если хотите, это время я буду спать въ вашей комнатѣ.

— Спасибо... но я боюсь васъ утруждать...

— Какіе пустяки! Я, вѣдь...

Но Вѣра Ивановна не договорила своихъ словъ, — кто-то энергично стучался въ дверь.

— Войдите! — крикнула Муся.

Вошелъ мужъ Вѣры Ивановны.

— Ты чего? — всполошилась его супруга. — Зачѣмъ ты сюда пожаловалъ? Вѣрно, стряслось что-нибудь особенное?

— Срочная телеграмма отъ графа.

— Ну?

— Ѣдетъ къ намъ. Надо готовить комнаты.

— Когда же онъ пріѣзжаетъ?

— Завтра утромъ.

Муся чувствовала, что кровь бросилась ей въ лицо.

— Что бы это могло значить? — вырвалось у нея.

— Трудно разобратъся въ причудахъ графа Грегорова, — рѣзко сказала Вѣра Ивановна.

— Что съ тобой? — строго взглянул на нее супругъ.
— Ахъ, Боже мой, надо же когда-нибудь сказать правду!

— Это не твое дѣло. Лучше иди и распоряжайся, чтобы все было готово къ приѣзду нашего господина.

— Приходится повиноваться, — вздохнула Вѣра Ивановна и поднялась.

Когда чета удалилась и Муся осталась одна, она склонила на руки свое пылавшее личико. Почему ее такъ взволновалъ приѣздъ графа? И зачѣмъ онъ приѣзжаетъ? Что тамъ новое случилось, что онъ спѣшитъ въ „Красовку“?

Или, можетъ, онъ по дѣламъ? Или проѣздомъ? Или снова ищетъ здѣсь успокоенія? Новая ссора?

А если они ѣдутъ вмѣстѣ, — онъ и Сюзанна Мельвиль? Нѣтъ, нѣтъ... Такъ онъ не унизитъ своей жены... На бѣломъ свѣтѣ, вѣдь, много мѣста.

Завтра все объяснится. Онъ скажетъ самъ. Почему, почему этотъ неожиданный приѣздъ такъ взволновалъ ее?

XXIV

ВСТРѢЧА

Это былъ чудный весенній день, день приѣзда Грегорова въ „Красовку“. Въ удобной, легкой коляскѣ, запряженной четверкой, мчалась Муся по ровному, мягкому шоссе. Радостно улыбалось небо, и радостно посылало солнце свои лучи на землю, и радостно зеленѣли обширныя поля, и радостно переливались колокольчики. И, нѣжно благоухая, ползла бѣлая повитель по краямъ дороги.

Рядомъ съ Мусей сидѣла Вѣра Ивановна. За ними ѣхала другая коляска, въ которой возсѣдалъ старый управляющій, а позади его тряся, дребезжа, маленькій тарантасъ, который долженъ былъ доставить багажъ графа Грегорова.

На розовомъ цвѣтушемъ лицѣ молодой графини безсонная ночь не оставила никакихъ слѣдовъ, и только тре-

вожнныя тѣни, пробѣгавшія по этому лицу, свидѣтельствовали о ея волненіи.

Вѣра Ивановна и Муся сначала ѣхали молча. Маленькая старушка не рѣшалась заговорить, наблюдая сосредоточенное, озабоченное выраженіе на лицѣ молодой графини, хотя она съ трудомъ себя сдерживала, такъ какъ слова такъ и рвались съ ея языка.

Передъ Мусей оживало недавнее прошлое — первый пріѣздъ ея мужа въ „Красовку“. Оживали передъ ней рыцарскій образъ, задушевныя бесѣды, ихъ прогулки и поѣздки. И въ тѣ дни Муся не чувствовала себя одинокой, какъ будто этотъ чуждый ей человѣкъ сумѣлъ наполнить ея жизнь. А потомъ, когда онъ уѣхалъ такъ внезапно, даже не простясь съ нею, въ сердцѣ своемъ она почувствовала горечь обиды, и каждый разъ, когда она потомъ вспоминала графа Грегорова, въ этомъ сердцѣ какъ бы ныла незажившая рана. Но время, особенно въ такіе молодые годы, быстро залѣчиваетъ раны.

Однако, онъ не былъ ею совершенно забытъ, потому что его новый неожиданный пріѣздъ взволновалъ ея душу. И опять въ глубинѣ ея сердца зашевелилась горькая обида. Старая рана дала себя чувствовать.

А, между тѣмъ... Ахъ, какъ непонятно человѣческое сердце! А, между тѣмъ, и другое чувство поднималось въ ея сердцѣ и вступало въ борьбу съ обидой. Это чувство было какой-то тайной радостью, какимъ-то тайнымъ счастьемъ!

Нѣжная улыбка смѣнила трепеть волненія на выразительномъ лицѣ Муси.

— Знаете, — подмѣтивъ эту улыбку, не вытерпѣла Вѣра Ивановна, — вашъ сонъ, вѣдь, былъ въ руку. Конечно, вы его еще не забыли, графиня.

Бархатные глаза съ удивленіемъ взглянули на Вѣру Ивановну.

— Графиня Серафима вамъ предвѣщала пріѣздъ мужа, а поцѣлуемъ своимъ какъ бы давала вамъ силы для борьбы. Вѣдь въ ту ночь, когда она явилась къ вамъ, графъ уже мчался въ „Красовку“.

— Но какая у меня можетъ быть борьба? — покраснѣла Муся. — Я васъ не понимаю, Вѣра Ивановна.

Старушка всплеснула руками.

— Только не сердитесь, дорогая графиня. Я попросту говорю то, что на умъ придетъ... Я привыкла къ вамъ, какъ къ родной.

— Откуда вы взяли, что я сержусь, милая Вѣра Ивановна, — разсмѣялась Муся. — Меня удивило ваше предположеніе — и только... Въ какую и, главное, съ кѣмъ я могу вступать въ борьбу? Приѣзжаетъ графъ въ свое имѣніе ненадолго. Приѣзжаетъ онъ одинъ, конечно. По отношенію къ нему у меня только чувство самой преданной благодарности, и о борьбѣ съ нимъ не можетъ быть и рѣчи.

— Вы меня немножко испугали, — поджала губки Вѣра Ивановна, — и я боюсь быть откровенной.

— Напрасно... Можетъ быть, ваша откровенность поможетъ мнѣ разобратъся въ собственномъ сердцѣ. Я сама себя плохо понимаю.

— Видите ли, — таинственно заговорила Вѣра Ивановна, опуская глаза, — графъ, вѣдь, нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ не вспоминалъ „Красовки“ и отлично чувствовалъ себя вдали отъ насъ, въ Петербургѣ. И вдругъ такой неожиданный приѣздъ, да еще срочная телеграмма... Очевидно, тамъ что-нибудь случилось не особенно пріятное, а, можетъ быть, и совсѣмъ скверное... Ни для кого изъ насъ не тайна, что въ жизнь вашего мужа назойливо вмѣшалась какая-то низкопробная авантюристка. Вы еще слишкомъ неопытны, графиня, и не знаете, что изъ сѣтей подобныхъ женщинъ не такъ-то легко выпутаться, и часто попавшіеся въ нихъ печально кончаютъ жизнь, трагически... Не настала ли и въ жизни вашего мужа трагическая минута? На это наталкиваетъ меня его неожиданный приѣздъ и... вашъ сонъ... вѣдь, это же не совсѣмъ обычное совпаденіе. И если я заговорила о борьбѣ, то о борьбѣ нравственной. Можетъ быть, ваше чистое сердце подскажетъ вамъ, какъ надо вырвать графа изъ когтей зловредной особы.

— Можетъ быть, вы и правы. Но всѣмъ своимъ существомъ онъ принадлежитъ той женщинѣ, и борьба съ ней мнѣ не по силамъ... Его сердце — игрушка въ ея рукахъ, и въ такихъ случаяхъ что можетъ сдѣлать обыкно-

венный преданный другъ, жена по названію? Любовь, должно быть, сильнѣе дружбы.

— О, какъ вы разсуждаете! А еще боитесь своей неопытности!

— Примѣромъ для меня — любовь моего отца къ моей матери... Онъ не видѣлъ ея цѣлые годы, и преданность Анны Егоровны, его подруги, не могла вырвать чувство къ моей матери изъ его сердца до самой смерти.

— Но, вѣдь, вы сами мнѣ говорили, графиня, что ваша мачеха была некрасивая, злая, неблагородная женщина, отравлявшая жизнь вашему отцу, а ваша мать, напротивъ, была красива, какъ греческая богиня... Врядъ ли госпожа, завладѣвшая вашимъ мужемъ, можетъ сравниться съ вами! И кто видитъ лучшее, того не потянетъ къ худшему.

— Ахъ, Вѣра Ивановна, я видѣла эту женщину, она очень красива, изящна и отлично носить маску благородства.

— Но если графъ женитьбой на васъ положилъ серьезную между собой и ею преграду, — то, значить, онъ раскусилъ ее.

— Да, — задумчиво проговорила Муся, — графъ знаетъ ея недостатки, но въ то же время сознаетъ ея силу надъ собой и полную невозможность когда-либо вырваться отъ нея. Эта женщина сумѣла поработить графа Грегорова. А бракъ со мной... Графъ отлично знаетъ, что этотъ бракъ будетъ расторгнутъ по первому его требованію.

— До этого не дойдетъ! — съ отчаяніемъ проговорила Вѣра Ивановна. — Увидѣть другую въ „Красовкѣ“ послѣ того, какъ мы видѣли васъ, это было бы ужасно. Нѣтъ, нѣтъ, самъ Господь этого не допуститъ, Онъ не отниметъ ангела-хранителя у столькихъ бѣдняковъ.

Грустная улыбка промелькнула по губамъ Муси.

— Какая вы экзальтированная, Вѣра Ивановна! Вѣдь графъ Грегоровъ, добрый душой, не отниметъ у бѣдняковъ того, что онъ имъ уже далъ, и какая хозяйка ни водворится въ „Красовкѣ“, все равно, тѣ блага, которыя я сумѣла выхлопотать, останутся за моими бѣдняками. И

это будетъ моею единственною просьбою къ графу, когда... когда я должна буду покинуть „Красовку“.

— А ваше золотое сердце? Сочувствіе? Нѣжная доброта? Ласковый, добрый совѣтъ? О, этого не дадутъ никакія деньги, а сочувствіе страдающему дороже всего, дороже самихъ денегъ! Нѣтъ, Господь не допуститъ другой госпожи въ нашу „Красовку“!

— Не хочу васъ огорчать, но думаю, что васъ ждетъ разочарованіе. И въ самомъ скоромъ времени. Знаете, какъ я объясняю себѣ этотъ неожиданный пріѣздъ графа?

— Не знаю, — растерялась Вѣра Ивановна.

— Я думаю, что эта госпожа заставила графа совершить эту поѣздку, чтобы... чтобы взять мое согласіе на разводъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — чуть не плакала Вѣра Ивановна. — Не будемъ спорить, черезъ нѣсколько часовъ все объяснится. А, можетъ быть, и раньше. Мы уже, кажется, подъѣзжаемъ къ станціи.

— Да, мы подъѣзжаемъ. Это село „Вольное“, а затѣмъ сейчасъ же станція. Смотрите, и эти крестьяне васъ знаютъ, смотрите, какъ они васъ привѣтствуютъ.

— У меня, вѣдь, не мало было пациентовъ изъ „Вольнаго“, — улыбнулась Муся, — и около десяти ребятишекъ записано мною на будущій годъ въ школу.

Миновали „Вольное“, за нимъ огороды, и начали показываться станціонныя постройки. Муся плохо знала эту сторону, такъ какъ всѣ свои прогулки она совершала по другому направленію, ея не тянуло къ станціи. Но теперь ея сердце сжалось тревожнымъ волненіемъ, когда четверка лихо подкатила къ станціонному крыльцу и остановилась какъ вкопанная.

Пріѣхали.

Двѣ маленькія дѣвочки подбѣжали къ барскому экипажу и протягивали Мусѣ тоненькими, исхудальными ручками букетики только что сорванныхъ фіалокъ.

Муся съ ласковой улыбкой приняла скромный дѣтскій даръ и каждую дѣвочку поцѣловала въ щечку, подаривъ по серебряной монетѣ. И онѣ въ восторгѣ помчались вихремъ къ родному селу.

— Вотъ и еще двѣ счастливыя, — проговорила Вѣра

Ивановна, глядя имъ вслѣдъ. — Ишь какъ несутся, словно гонятся за ними, чтобы отнять у нихъ эту мелочь.

— Много ли остается до прихода поѣзда? — спросила Муся.

Вѣра Ивановна вбѣжала въ станціонную комнату и скорѣе вернулась.

— Поѣздъ приходитъ черезъ 10 минутъ, — суетливо заявила она, — пойдите скорѣе на платформу, а то мы можемъ прозѣвать. Подумайте, чуть-чуть бы, — и не успѣли!...

Муся на платформѣ. Волнуясь, ходитъ она изъ стороны въ сторону, поглядывая вдаль. Продолжительный звонокъ уже извѣстилъ о выходѣ курьерскаго поѣзда съ послѣдней станціи. Еще нѣсколько минутъ. Вотъ вдали слышится свистокъ локомотива. Вотъ показались огненные глаза. Все ближе и ближе.

Быстрый ходъ поѣзда замедляется, вотъ, наконецъ, онъ остановился. Глаза Муси прикованы къ вагонамъ перваго класса.

Вотъ знакомая высокая, коренастая фигура и длинная бѣлая борода стараго Захара. Онъ замѣтилъ сейчасъ же госпожу и суетливо подбѣжалъ къ ней и низко ей кланяется и поцѣловалъ ея дрожащую ручку.

А вотъ и ея мужъ, графъ Грегоровъ. Блѣдный, исхудалый, онъ двигается съ трудомъ, его поддерживаютъ Захаръ и управляющій. Сердце Муси сжимается острой жалостью. Она идетъ къ нему, и съ невольной, довѣрчивой лаской протягиваетъ ему руки.

— Вы? Это вы сами? — какъ бы не вѣря своимъ глазамъ, спрашиваетъ онъ и горячими, сухими руками крѣпко сжимаетъ дрожащія ручки и подноситъ ихъ къ губамъ.

— Пожалуйста, вы тутъ похлопочите о багажѣ, — обратился онъ къ управляющему, — а мы поѣдемъ поскорѣй. Мнѣ что-то очень нездоровится.

Онъ одной рукой опирается на руку своей жены, другою на руку стараго, вѣрнаго Захара. И вотъ они сидятъ рядомъ, мужъ и жена, въ экипажѣ, а Захаръ взгромоздился на козлы.

— Трогай.

Четверка лихо понеслась, звеня бубенчиками.

— Какъ это мило съ вашей стороны, — заговорилъ графъ по-французски, пожимая руку Муси, — что вы сами встрѣтили меня. Жалко только, что вы встрѣтили разслабленнаго инвалида. Но я надѣюсь поправиться среди родныхъ полей.

— Вы больны? — тихо спросила она.

— Такъ, ничего особеннаго... Просто — нервы. Пришлось ломать себя... и такъ отразилось на организмѣ. Это, вѣдь, тяжелая штука — душевная ломка... Когда немного приду въ себя, все вамъ расскажу, исповѣдуюсь передъ чистой душой. А пока... не надо говорить обо мнѣ. — Это будетъ лучше для меня. Говорите о себѣ. Я, вѣдь, ничего не знаю, что тутъ у васъ дѣлалось, я самъ себя лишилъ вашихъ милыхъ писемъ. И какъ часто горько сожалѣлъ объ этомъ! Отвлекайте меня отъ моихъ мыслей. Мнѣ нуженъ здоровый воздухъ... не только воздухъ природы, но и воздухъ нравственный. Прошу васъ... прошу... Причислите меня къ одному изъ тѣхъ больныхъ и несчастныхъ, о которыхъ вы печетесь съ такимъ милосердіемъ. Прошу васъ.

— Полноте, графъ. Васъ просто утомила столичная суета. И если это только нервы, то мы ихъ быстро починимъ въ деревнѣ. Вы знаете, какъ всею душою я вамъ предана и готова была бы пожертвовать жизнью, если-бы это могло вернуть вамъ счастье. Но довольно, не буду возвращаться къ докучной темѣ. Поговоримъ лучше о нашихъ мелкихъ деревенскихъ дѣлишкахъ. Теперь, вѣдь, у насъ кипитъ работа. Я приступила къ ремонту въ школѣ, въ церкви. Теперь спѣшно заканчиваю экзамены, чтобы перевести больныхъ во флигель, и тогда займусь больницей. Наша маленькая жизнь кипитъ, это своего рода буря въ стаканѣ. Но это интересно, меня, по крайней мѣрѣ, захватываетъ.

— Вы — другой человекъ, Марія Николаевна. Меня можетъ это все занять на недѣлку, другую. А потомъ мнѣ нужна будетъ смѣна впечатлѣній. Ахъ, если-бы вы захотѣли быть до конца сестрой милосердія! Но я не смѣю просить... Я и такъ злоупотребляю вашей добротой и вашимъ терпѣніемъ.

— Графъ, — съ искреннимъ порывомъ Муся пожала

его руку. — Вы пришли ко мнѣ на помощь, когда въ цѣломъ мірѣ у меня не было защиты, а я была совсѣмъ чужой для васъ и никогда ничего для васъ не сдѣлала. Теперь же всю свою жизнь я буду признательна вамъ, и если даже потребуется эта жизнь... я безъ разсужденій вамъ ее отдамъ. Я — одинока въ мірѣ. Я и теперь одинока. Со смертью отца я потеряла послѣдняго близкаго члѣвѣка, и только вамъ одному я буду служить всю мою жизнь... И мнѣ такъ больно, что вы вернулись больнымъ и разбитымъ... Ахъ, Боже мой, еслибъ я смогла васъ исцѣлить!

— Ловлю васъ на словѣ — блѣдно улыбулся онъ. — А если мнѣ придется ѣхать за границу... вы поѣдете со мной?

Она покраснѣла и опустила голову.

— Поѣздка за границу, вѣдь, это меньше, чѣмъ вся жизнь. А кто даетъ большее... тотъ дастъ и меньшее.

XXV

ПРИЗНАНИЕ

Быстро промелькнула недѣля.

На стеклянной верандѣ, залитой весеннимъ солнцемъ, на кушеткѣ полулежалъ Грегоровъ. Высоко на бѣлыхъ подушкахъ покоилась его темная голова, ноги были покрыты пледомъ. На утомленномъ лицѣ уже появился легкій румянецъ, ярко-зеленые красивые глаза шурились, словно прячась отъ лучей солнца.

Рядомъ въ креслѣ, въ бѣломъ платьѣ, граціозная и воздушная, сидѣла Муся. Въ рукахъ она держала раскрытую книгу и вслухъ читала мужу новый французскій романъ. Ея нѣжный голосокъ переливался какъ колокольчикъ, а въ розовыхъ губкахъ такъ красиво звучала изящная французская рѣчь.

Грегоровъ давно уже не вникалъ въ смыслъ витіеватаго романа, онъ только съ наслажденіемъ прислушивался къ самому звуку гармоничнаго голоса, обладавшаго волшебною силой успокаивать встревоженную душу.

Грегоровъ думалъ о послѣднихъ событіяхъ, сломившихъ его въ Петербургѣ, и объ исцѣленіи, которое онъ нашель въ мирной „Красовкѣ“.

Это не то, что зимой, когда наводили на него тоску оголенные деревья и безконечныя снѣжныя поля. Теперь „Красовка“ нѣжно улыбалась ему, поэтично разубранная самой красавицей весной.

Стекланную веранду, на которой отдыхалъ графъ Мишель, окружалъ фруктовый садъ.

Теперь всѣ деревья были покрыты цвѣтами снѣжно-бѣлыми и розовыми, и это былъ роскошный нарядъ. Нѣжный ароматъ врывался на веранду въ открытыя окна вмѣстѣ съ веселымъ чириканьемъ пташекъ.

Истомленному долгой душевной борьбой Мишелю такъ пріятно было лежать тутъ на кушеткѣ подъ лаской солнца и весны. Такъ бы и лежалъ тутъ въ спокойномъ полузабытьѣ вѣчно-вѣчно.

Когда онъ вспомнилъ послѣднюю сцену съ Сюзанной, ея новыя, наглыя требованія, — онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Муся опустила книгу на колѣни и тревожно взглянула на него своими чудесными, бархатными глазами.

— Вамъ нездоровится, графъ?

— Нѣтъ, такъ, просто нервы до сихъ поръ шалять. Я вспомнилъ эту... женщину... и отвращеніе охватило меня... и вотъ я невольно вздрогнулъ.

— Могу я продолжать? — глазами указала она на книгу.

— Нѣтъ, не надо, дорогая Марія Николаевна. Долженъ вамъ признаться, что совсѣмъ не вникаю въ смыслъ этого глупаго романа, а только наслаждаюсь вашимъ чуднымъ голосомъ... Онъ баюкаетъ мои нервы, какъ нѣжная няня баюкаетъ непокорную крошку. И мгновеніями мнѣ кажется, что пережитые мѣсяцы были только тяжелымъ, гадкимъ сномъ... Въ какую-нибудь недѣлку я совсѣмъ оправился и чувствую себя великолѣпно. А какъ вы находите? Я поправился?

— На видъ поправились, — отвѣтила Муся.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Только то, что говорю. На видъ вы поправились... Щеки порозовѣли, глаза блестятъ, аппетитъ недурной,

начали улыбаться. А вотъ, какъ ваше душевное настроеніе, не знаю.

— О, понимаю! Вы хотите меня упрекнуть за скрытность.

— Нѣтъ, нѣтъ! Боже сохрани, — вся зардѣлась Муся, точно пойманная на мѣстѣ преступленія.

— И вы вполне правы... Я общалъ вамъ свою откровенность. Теперь я настолько оправился, что могу говорить. Душевная тяжесть всегда сильнѣе, если ею не подѣлишься съ другомъ. А, вѣдь, вы мой славный, дорогой дружокъ... Не правда ли, Марія Николаевна?

— Да, я вашъ другъ, — отвѣтила она серьезно, съ нѣкоторымъ волненіемъ.

— Вы согласны выслушать меня?

— Если у васъ потребность высказаться и если долгій разговоръ не причинитъ вамъ вреда.

— Вы, кажется, меня считаете серьезно больнымъ? О, нѣтъ. Я только разбитый нравственно человекъ. Но это пройдетъ. Въ своемъ организмѣ я чувствую достаточно физическихъ силъ и молодости, чтобы побѣдить нравственный недугъ... И вы должны меня выслушать, Марія Николаевна.

— Говорите, графъ, — въ ея тонѣ прозвучали сердечность и теплота.

— Я не стану посвящать васъ въ подробности моей жизни за эти мѣсяцы... Очерчу ее въ общихъ чертахъ.

— Ну, конечно.

— Послѣ того, какъ я получилъ телеграмму госпожи Мельвиль, я уже не могъ совладать съ собой и помчался, какъ безумный, на ея призывъ, словно повинуюсь гипнозу на разстояніи, — послѣ того я сразу попалъ въ ея цѣпкія лапы съ острыми коготками, которыми она меня то ласково и страстно поглаживала, то больно царапала. И я былъ ея рабомъ... Рабомъ ея ласкъ, рабомъ ея тираніи. Во всякомъ случаѣ я былъ ей благодаренъ, что она перестала меня мучить требованіями жениться на ней. Я написалъ вамъ письмо съ просьбой забыть человека, предназначеннаго къ гибели. На эту женщину я не закрывалъ глазъ... Ползая у ея ногъ, изнемогая отъ страсти, я все же помнилъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Въ минуты просвѣтлѣ-

нія я ее ненавиждѣлъ всей душой, и тогда я вспоминалъ мою родную „Красовку“, вспоминалъ васъ, моего нѣжнаго, безкорыстнаго друга, пожалуй, рвался сюда... Но... но я зналъ, что черезъ часъ, другой — придетъ Сюзанна Мельвилъ и снова, какъ покорный рабъ, я буду вымаливать ея ласку и забуду и „Красовку“, и своего далекаго друга.

— Какъ же могло случиться, что вы уѣхали... вырвались? — съ трудомъ спросила Муся.

— Какъ оказалось, змѣя притихла только на время и точила свое жало, чтобы вѣрнѣе одержать побѣду. Въ одинъ прекрасный день она явилась ко мнѣ съ категорическимъ требованіемъ, чтобы я развелся съ вами. Она хотѣла отнять у меня „страховку“. Я, конечно, отказалъ ей... Разведенный съ вами, я снова былъ бы обезоруженъ, не могъ бы съ этимъ примириться и палъ бы жертвой собственнаго позора.

— Вы ей отказали, и тогда... что сдѣлала она тогда? — дрогнувъ голосъ Муси.

— Тогда она предложила прочесть письмо своего поклонника, князя Малаева, который ей предлагалъ и сердце, и руку, вмѣстѣ со своимъ княжескимъ титуломъ и со стадами барановъ на Кавказѣ. Это былъ грубый шантажъ съ ея стороны. И я ей отвѣтилъ:

„Другой тебѣ даетъ больше того, что я могу дать. Какое же я имѣю право тебя останавливать? Поступи такъ, какъ подскажетъ тебѣ сердце.“

— И что же подсказало ей ея сердце?

— Сердце, котораго у нея нѣтъ? — съ горькой ироніей проговорилъ графъ Мишель. — Она продолжала свою комедію. Сказала, что готова отказаться отъ столь выгоднаго и лестнаго предложенія, если я разведусь съ вами, такъ какъ она „свободная“ и желаетъ любить „свободнаго“. Но и эта „удочка“ меня не поймала... И я отказался отъ требованія „купить ее разводомъ съ чужой мнѣ женщиной“. На этотъ отказъ она отвѣтила мнѣ наглымъ заявленіемъ, что выходитъ замужъ за князя Малаева.

— А вы?

— Я еще былъ такъ глупъ, что пожелалъ ей счастья на новомъ пути и предложилъ обратиться ко мнѣ въ труд-

ную минуту, если ей понадобится помощь или защита друга.

— Почему вы называете это глупостью? Это была ваша обязанность. Вы только не изменили себѣ, мой рыцарь. А она? Неужели у нея не нашлось теплаго слова такому рыцарю?

— О, нѣтъ! Какъ хорошая актриса, она гордо закинула голову и проговорила театральнымъ тономъ:

„Прощай... Если ты мнѣ уступишь, пока я еще не буду женой Малаева, — я брошу все и вернусь къ тебѣ... Но если ты опоздаешь, княгиня Малаева уже никогда и ни съ чѣмъ къ тебѣ не обратится“.

И гордо кивнула мнѣ головой и удалилась, исполненная театральнаго величія. Боже мой, какъ я страдалъ въ тѣ мгновенія! Сердце замирало въ моей груди, мнѣ казалось, что я умираю. Острая боль разрывала на части мою грудь. Потомъ вокругъ меня все закружилось и потемнѣло. Я потерялъ сознание.

— Бѣдняжка.

Нѣжная рука Муси сочувственно прикоснулась къ его рукѣ.

— Я пришелъ въ себя уже въ спальнѣ. Докторъ, управляющій и мой вѣрный старый Захаръ суетились возлѣ меня. Я разрыдался, какъ малый ребенокъ. Можетъ быть, эти слезы облегчили мою душу. По предписанію доктора, я на слѣдующее же утро, не встрѣчаясь съ госпожей Мельвиль, уѣхалъ изъ Питера. И вотъ я опять въ „Красовкѣ“.

— До тѣхъ поръ, пока она не вызоветъ васъ телеграммой?

Чуть замѣтная улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Вотъ и ошиблись, мудрая предсказательница! Телеграмма мною уже была получена и желаемога дѣйствія не произвела. Надо было выдумать что-нибудь новенькое. Но это такъ трудно, такъ какъ, кажется, всѣ средства уже были пущены въ ходъ... Хотите прочесть эту телеграмму? Я нарочно не уничтожилъ ея, мой другъ и судья... Я оставилъ ее для васъ.

Графъ Мишель изъ своего бумажника досталъ сложенный листокъ бумаги и протянулъ его Мусѣ.

— Прочтите вслухъ. Меня это даже не волнуетъ.

И Муся прочла:

„Умоляю... Приѣзжай. На все согласна. Больше никогда не услышишь ни одного протеста. Люблю тебя. Схожу съ ума. Приѣзжай. Твоя Сюзанна“.

Нѣсколько мгновений печально и задумчиво Муся смотрѣла куда-то вдаль, въ открытое окно.

— Знаете, — наконецъ, тихо, съ трудомъ проговорила она, — въ этой телеграммѣ мнѣ слышатся искреннія ноты... Она васъ любитъ.

— О, вамъ это кажется только потому, что вы еще ребенокъ, и ребенокъ чистый, съ доброй душой.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ... Она васъ любитъ... Можетъ быть, она злая эгоистка и больше думаетъ о собственной пользѣ и выгодахъ, не спорю, но она васъ любитъ! Я это поняла еще тогда... когда она застала васъ и меня за бесѣдой въ домѣ моей матери. Сколько ядовитой смертельной ненависти я тогда прочла къ себѣ въ ея глазахъ! Она вся дрожала отъ злобы и ревности. Да, она васъ любитъ! Но прежде, можетъ быть, она сама этого не сознавала, а теперь сознала. Я вижу это изъ ея телеграммы.

— Мнѣ кажется, что вы не правы, но даже если-бы вы и были правы, — это не мѣняетъ дѣла... Я уже больше не могу страдать... Вѣчно натянутые нервы отказываются служить... Надо покончить со всѣмъ этимъ. Впрочемъ, что я говорю: „Надо“! Я уже со всѣмъ покончила. Я выздоравливаю... А потомъ вмѣстѣ съ моимъ другомъ, съ моей сестрой милосердія я поѣду за границу, чтобы окончательно укрѣпить нервы и здоровье.

Замѣтивъ краску на ея лицѣ, онъ добавилъ:

— Чувствую, что поѣздка вдвоемъ была бы для васъ... неудобна... Но я и эту щекотливую сторону сумѣю обойти. Мы возьмемъ съ собою жену управляющаго, Вѣру Ивановну, и моего стараго Захара... Подобная поѣздка уже не можетъ васъ шокировать. Правъ ли я?

— Да...

Это „да“ такъ тихо прошепестѣло, что графъ Мишель скорѣе уловилъ его по движенію губъ, чѣмъ разслышалъ.

— Ну, вотъ и прекрасно... И если-бы вы знали, какъ я доволенъ и... даже счастливъ! Одному за границей мнѣ

скоро бы стало скучно, а въ такой милой компаніи я способенъ путешествовать годы.

Утомленный долгой бесѣдой, онъ снова опустилъ свою голову на подушки и закрылъ глаза... Муся тихо отошла къ своему креслу... Вскорѣ раздалось ровное дыханіе спавшаго.

Тогда Муся закрыла окно и спустилась въ садъ.

Гуляя по аллеямъ, она любовалась цвѣтущими деревьями и вдыхала нѣжный ароматъ цвѣтовъ яблони.

Съ одной изъ скамеекъ сада чья-то фигура быстро поднялась при ея приближеніи.

Сначала она испугалась немного, а потомъ милая улыбка промелькнула по ея губамъ.

— Это вы, Захаръ?

— Такъ точно, графиня. Осмѣливаюсь спросить о здоровѣ графа Михаила Александровича.

— Онъ поправляется, Захаръ.

— Слава Богу...

— Сейчасъ онъ уснулъ и думаю, что долго проспитъ. И знаете, что я вамъ скажу, Захаръ?

— Что прикажете, ваше сіятельство?

— Я скажу вамъ новость, которая васъ порадуетъ... Черезъ двѣ-три недѣлки мы всѣ поѣдемъ за границу.

— Дай-то Господи! Лишь бы эта халда не помѣшала.

Муся поняла, о комъ говоритъ старый слуга, и покраснѣла.

— Это ужъ самъ Господь вырвалъ моего графчика изъ рукъ этой вѣдьмы... Мучила его, какъ хотѣла... Ну, да, я думаю, теперъ головой объ стѣну бьется. Только, пардонъ, уѣхали, и не вернемся.. Охъ, какъ она мучила нашего графчика, ваше сіятельство! Просто кровью сердце обливалось. Я, вѣдь, и его самого, и папашеньку его на рукахъ вынянчила. Каково мнѣ было на это смотрѣть... Онъ для меня ровно мое собственное дитятко! А она, лохудра, комедіантка, жилы всѣ изъ него вытягивала. Денегъ сколько на нее шло, уйма!

— Деньги, это не бѣда, Захаръ, лишь бы здоровья не отняла и самой жизни.

— Да, если ужъ онъ ей еще разъ въ ручки попадетсѣ то конецъ ему будетъ... живымъ ужъ не уйдетъ... Холи

вы Господа любите, ваше сіятельство, такъ крѣпче его держите, не пускайте къ ней.

Продолжительный звонокъ со стеклянной веранды прервалъ слова Захара, и оба, и молодая графиня, и старый слуга, побѣжали на звонокъ проснувагося графа.

— Немного наспалъ, — ворчалъ по привычкѣ старый Захаръ.

XXVI

НЕОЖИДАННОСТЬ

Промелькнули еще двѣ недѣли. Старинный паркъ, окружавшій господскій домъ въ „Красовкѣ“, выглядѣлъ нарядно и красиво. Деревья тѣсно примкнули другъ къ другу, одѣтыя роскошною зеленью. Въ густой травѣ благоухали ландыши. Птички радостно перекликались.

Грегоровъ верхомъ на своемъ любимомъ сѣромъ скакунѣ ѣхалъ по аллеямъ парка. Онъ окончательно поправился, нервы его успокоились. Выѣхавъ изъ парка, онъ поѣхалъ галопомъ между зеленѣющихъ полей.

Ему было нѣсколько досадно, что Муся, занятая своими бѣдняками, отказалась сопутствовать ему въ этой прекрасной утренней прогулкѣ. Но грудь такъ свободно дышала чудеснымъ воздухомъ, картины природы такъ ласкали глазъ, а пѣсни птичекъ такъ нѣжили слухъ, что отъ досады скоро не осталось и слѣда.

Вскорѣ Грегоровъ увидѣлъ чернѣвшій издали лѣсъ. И вдругъ онъ вспомнилъ, что именно въ этомъ лѣсу ребенкомъ онъ собиралъ первые ландыши и первые ягоды. И его потянуло въ этотъ лѣсъ. Тогда онъ пробирался туда по какой-то тропинкѣ между полей. Теперь, конечно, онъ не разыщетъ этой тропинки. И графъ Мишель ѣхалъ впередъ, обдумывая, какъ бы ему пробраться къ лѣсу.

По дорогѣ ему встрѣтилась телѣга, запряженная чахой лошадкой, которую какой-то мужичокъ велъ подъ узды. Графъ Мишель остановилъ его.

— Какъ, голубчикъ, тутъ пробраться къ лѣсу? Помнитса мнѣ, что тропинка тутъ гдѣ-то была.

— Точно такъ, ваше сіятельство, — бойко отвѣтилъ крестьянинъ. — Тропинка тутъ около васъ близко. Сейчасъ покажу.

— Спасибо, голубчикъ.

Мужичокъ повернулъ свою лошадку, а графъ Мишель шажкомъ слѣдовалъ за тельгой. Проѣхали такъ четверть версты, не больше.

— Вотъ она и тропинка-то, ваше сіятельство, — наконецъ указаль мужичокъ на довольно широкую, хорошо протоптанную дорожку, межъ хлѣбныхъ полей.

Графъ Мишель поблагодарилъ мужичка, далъ ему серебряный рубль за услугу, хлыстнулъ своего „Съраго“ и помчался по тропинкѣ. Черезъ какихъ-нибудь четверть часа онъ уже былъ въ лѣсу.

Черезъ весь лѣсъ насквозь шла довольно широкая, хорошо прочищенная дорога. Графъ Мишель сдержаль „Съраго“ и, опустивъ поводья, поѣхаль шагомъ.

Въ лѣсу воздухъ былъ еще благодатиѣе, чѣмъ въ паркѣ, и грудь жадно его вдыхала.

Графъ Мишель думаль о Мусѣ... Какая она славная, добрая, красивая... свѣтлая. Сколько у нея серьезности и вмѣстѣ дѣтской наивности. И весь образъ ея дышитъ чистотой, словно... хрустальная, сказочная царевна.

Онъ никогда не провѣряль своихъ чувствъ къ Мусѣ. Онъ расположенъ къ ней, желаетъ ей всего лучшаго, онъ цѣнитъ ея достоинства и уважаетъ ея чистоту.

И только?

Онъ задумался, и легкая улыбка промелькнула по его губамъ.

— Да, и только...

Онъ уже проѣхаль небольшой лѣсокъ и очутился на проселочной дорогѣ. Погруженный въ свои думы, склонивъ голову, онъ все подвигался впередъ.

И вдругъ онъ вздрогнулъ, заслышавъ бѣшеный топотъ копытъ, и подняль голову. Къ нему навстрѣчу неслась цѣлая кавалькада изящныхъ всадниковъ и всадницъ.

Онъ еще не успѣль ихъ какъ слѣдуетъ разглядѣть, какъ они съ нимъ поравнялись и окружили его со всѣхъ сторонъ.

— А, графъ Михайль Александровичъ! Вотъ, вы гдѣ

скрывается? Бѣглець! Теперь вы пойманы, пойманы, — слышались знакомые голоса.

И... графъ Мишель разглядѣлъ, наконецъ, баронессу фонъ-Саксъ, Липарскаго, князя Малаева и Сюзанну Мельвиль.

Онъ смертельно поблѣднѣлъ и покачнулся на сѣдлѣ. Опять онъ былъ во власти злого генія.

— Нѣтъ, ужъ мы теперь васъ не отпустимъ, — властно проговорила баронесса. — Сама судьба насъ соединила. Извольте примкнуть къ нашей компаніи.

— Очень радъ васъ всѣхъ видѣть, — пробормоталъ, наконецъ, графъ Мишель, — но, къ сожалѣнію, продолжить нашу встрѣчу я долженъ буду въ другой разъ.

— Ну, нѣтъ! — слышался звонкій голосъ Сюзанны Мельвиль, — мы васъ не отпустимъ, вы поѣдете съ нами!.. Послѣ вашего бѣгства никто вамъ не повѣритъ на слово. Вы умѣете исчезать, даже не простившись съ вашими друзьями.

Сюзанна Мельвиль замѣтно волновалась, то блѣднѣя, то краснѣя, и голосъ ея вздрагивалъ и дрожало все ея тѣло.

Маленькая рука въ сѣрой перчаткѣ впиалась въ его руку. Съ другой стороны подѣхала баронесса фонъ-Саксъ.

— Ъдемте къ намъ пить чай, разъ ужъ вы забрались въ мои владѣнія.

— Какъ, въ ваши владѣнія? — изумился графъ Мишель.

— Очень просто... Я купила себѣ небольшое имѣніе и случайно очутилась вашей сосѣдкой, сама того не подозревая. Только пріѣхавъ сюда, я узнала, что ваша „Красовка“ лежитъ рядомъ съ моимъ „Орликомъ“.

— Но, баронесса...

— Нечего разговаривать! — властно крикнула уже оправившаяся отъ перваго волненія Сюзанна. — Господа, галопомъ домой!

И хлыстнула свою лошадь, а также хлыстнула „Сѣраго“. Кавалькада понеслась по шоссе, окруженная облаками пыли.

Показались первыя постройки, а за ними большой фруктовый садъ, окружавшій господскій домъ.

Этотъ „домъ“ скорѣе походилъ на красивую, затѣй-

ливую двухэтажную дачу и эффектно утопаль въ роскошной зелени.

Баронесса устроилась очень уютно. Она перевезла петербургскую мебель и посуду, прихватила петербургскую прислугу и даже обойщика.

— Не правда ли, у меня мило? — обратилась она къ графу Мишелю, все еще взволнованному и смущенному.

Она осталась занимать гостей на то время, пока Сюзанна переодѣнется.

— Нельзя его оставлять одного, — тревожно ей шепнула Сюзанна, — я переодѣнусь, а потомъ и вы... Онъ способенъ удрать, негодный человѣкъ.

— Не безпокойтесь, я его буду стеречь, у меня онъ не удереть, — заявила Долли Евграфовна.

— Дѣйствительно, у васъ мило, — согласился графъ Мишель. — Но я до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ изумленія, какъ вы сюда попали.

Долли Евграфовна размѣялась.

— Развѣ это такое запрещенное мѣсто? Я уже давно мечтала купить себѣ имѣніе на югѣ Россіи. Поручила комиссіонеру подыскать мнѣ что-нибудь хорошенькое и не особенно дорогое, по случаю. И вотъ, меня извѣстили, что Зайчиковъ рѣшилъ развязаться со своимъ крохотнымъ и привѣтливимъ имѣніемъ-дачей. Мнѣ понравилось имѣніице по фотографіямъ, оно мнѣ вполнѣ со всѣхъ сторонъ подходило... и я купила его.

— И давно вы сюда переѣхали?

— Съ недѣлку ужъ какъ мы тутъ. Первые дни о сосядяхъ и не думали. А потомъ навели справки, и только третьяго дня узнали, что вы мой сосѣдъ. И если бы неожиданная встрѣча насъ не столкнула, мы нагрянули бы къ вамъ въ „Красовку“. Тутъ, въ деревнѣ, все просто, и разные свѣтскіе фокусы не соблюдаются. Теперь, конечно, разъ вы насъ посѣтили, мы сочтемъ долгомъ отвѣтить вамъ на вашъ визитъ.

— Очень буду радъ, — смущенно пробормоталъ графъ Мишель.

— Что же вы не спрашиваете, какія у насъ новости? — усмѣхнулась баронесса.

— Самъ вижу, что вы всѣ живете весело и хорошо...

— Но у насъ выдающаяся новость.

— А именно?

— Моя любимица Сюзанна Леонтьевна выходитъ замужъ за князя Малаева. Я ее вмѣстѣ съ женихомъ и пригласила погостить. Онъ очень милый, богатый, молодой, красивый и обожаетъ ее. Это будетъ счастливая пара.

Баронесса пронизывала глазами графа Мишеля. Она могла остаться довольна: онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ и трепеталъ. Очевидно, пытка была ему не по силамъ.

— Очень радъ за Сюзанну Леонтьевну, — наконецъ глухо проговорилъ онъ, — она достойна счастья, которое выпало ей на долю.

Въ это мгновеніе вбѣжала сама Сюзанна Мельвиль, красивая, веселая, задорная, въ очаровательномъ весеннемъ туалетѣ, блѣдно-розовомъ, съ разбросанными по этому нѣжному фону вѣточками сирени.

— Теперь, баронесса, подите и переодѣньтесь... Я буду занимать гостя... А гдѣ же наши остальные кавалеры?

— Они тоже переодѣваются къ чаю... Итакъ, оставляю на вашемъ попеченіи графа Михаила Александровича. Я скоро вернусь...

И вотъ они наединѣ.

Пристально смотрятъ они другъ другу въ глаза.

— Итакъ, Мими, ты меня бросилъ... бѣжалъ? — съ укоромъ спрашиваетъ Сюзанна.

— Вы избрали другого, болѣе выгоднаго для васъ.

— Я тогда еще никого не избирала. Я вамъ только поставила на видъ предложеніе князя Малаева, и въ вашихъ силахъ было меня удержать. Во всякомъ случаѣ, вы могли бы хоть проститься со мной, послѣ всего того, что было между нами.

— Теперь ужъ поздно объ этомъ говорить, Сюзанна Леонтьевна.

— Нѣтъ, напротивъ, мы будемъ объ этомъ говорить... А чтобы намъ никто не помѣшалъ, — пройдемте въ мой будуаръ...

И она властно взяла подъ руку Грегорова и.. онъ покорно послѣдовалъ за нею.

ПОВѢЖДЕННЫИ

Баронесса фонъ-Саксъ приготовила для Сюзанны будуаръ, кокетливый и эксцентричный. Желтый цвѣтъ смягчался бѣлымъ кружевомъ. Цвѣты на окнахъ и въ жардиньеркахъ наполняли комнату дивнымъ ароматомъ. Съ этимъ ароматомъ смѣшивался запахъ любимыхъ духовъ Сюзанны, знакомый Грегорову запахъ, всегда кружившій ему голову.

Сюзанна усадила Мишеля въ кресло, старинное громоздкое кресло, эффектно отдѣланное желтымъ шелкомъ съ бѣлымъ кружевомъ.

Въ своемъ охотничьемъ костюмѣ, сидя въ этомъ креслѣ, изящный и красивый, со своими темными волосами и ярко-зелеными глазами, съ блѣднымъ лицомъ, графъ Грегоровъ казался средневѣковымъ рыцаремъ.

Сюзанна заперла дверь будуара на ключъ, спрятала этотъ ключъ въ свой карманъ и граціозно опустила на маленькую козетку, стоящую возлѣ кресла. Среди маленькихъ желтыхъ подушекъ, обшитыхъ бѣлымъ кружевомъ, утопала ея бѣлокурая головка. Изъ-подъ мягкаго волана ея блѣдно-розоваго платица выглядывали миниатюрныя ножки въ прозрачныхъ чулочкахъ и маленькихъ туфелькахъ на высокомъ каблукѣ.

— О чемъ же вы хотѣли со мной говорить, Сюзанна Леонтьевна? — съ тоскою спросилъ графъ Мишель. — Будьте добры, кончите скорѣй этотъ разговоръ. Я еще не совсѣмъ оправился послѣ болѣзни и очень слабъ. Продолжительная прогулка верхомъ меня утомила и слѣдовало бы мнѣ скорѣй вернуться домой.

— Вы были больны? — быстро спросила Сюзанна и съ искреннимъ порывомъ схватила его за руку.

— Въ сущности у меня не было какой-нибудь болѣзни, но я былъ весь разбитъ и потрясенъ, нервы мои не выдержали, я былъ очень слабъ и цѣлыми днями лежалъ. Воздухъ родныхъ полей и весеннее солнце постепенно поправили меня. Во всякомъ случаѣ, я не чувствую себя настолько крѣпкимъ, чтобы вновь переживать адскія волне-

нія любви, ревности, страсти... Угаръ, въ которомъ я жилъ послѣдніе мѣсяцы, теперь бы могъ задушить меня.

— А если бы этого угара не было? — нѣжно спросила она. — Неужели и тогда встрѣчи со мной не были бы вамъ по силамъ?

Грустная улыбка промелькнула по его губамъ.

— Я теперь не болѣе, какъ сухой листокъ, который можетъ истлѣть при прикосновеніи огня, а, вѣдь, вы огонь, Сюзанна Леонтьевна.

Онъ шутилъ сквозь слезы. Невыразимая тоска сжимала его сердце. Ему казалось, что онъ стоитъ надъ пропастью, и что стоитъ только сдѣлать одно движеніе, и полетишь въ ужасную бездну съ головокружительной быстротой. Чувство самосохраненія, животный страхъ гнали его изъ этого эффектнаго будуара, наполненнаго одуряющимъ ароматомъ. Нѣжность Сюзанны казалась ему спокойствіемъ пантеры, готовой сдѣлать послѣдній рѣшительный прыжокъ. Но какая-то сила, которая была выше всѣхъ его чувствъ, выше его разсудка, приковывала его къ этому старинному креслу, заставляла его смотрѣть на Сюзанну, выслушивать ея рѣчи, отвѣчать на нихъ. И въ этотъ мигъ ему вспомнилась Муся. Милый дружокъ! Если-бъ она могла сейчасъ войти сюда, она, можетъ быть, спасла бы его отъ смертельной опасности. Ея чистый взоръ сумѣлъ бы противостоятъ лживымъ глазамъ Сюзанны. Но это было бы чудомъ, если бы Муся вошла сюда, — а чуда не совершилось.

Между тѣмъ Сюзанна заговорила нѣжнымъ и вмѣстѣ капризнымъ тономъ, которымъ такъ хорошо владѣютъ избалованныя женщины, увѣренныя въ своей непобѣдимой силѣ.

— Мы оба были неправы, мой дорогой Мими, но все-таки ваша вина серьезнѣе моей. Я всегда страдала, видя ваше содроганіе при одной мысли жениться на мнѣ. Я уже самой себѣ начала казаться какимъ-то оскверненнымъ ничтожествомъ. Моя гордость была удовлетворена, когда князь Малаевъ сдѣлалъ предложеніе, и подъ вліяніемъ этой гордости я поспѣшила къ вамъ. Я хорошо знала, что изъ этого ничего не выйдетъ, что вы останетесь при вашемъ жестокомъ мнѣніи, но я хотѣла насладиться хоть

воображаемымъ торжествомъ. Я вся замирала отъ счастья, когда могла вамъ бросить въ лицо:

„Вотъ видишь, нашелся честный человекъ, богатый, молодой, красивый, который не побоялся мнѣ предложить княжескій титулъ, не считался съ моимъ прошлымъ. Онъ любить, а все остальное не имѣетъ никакой цѣны“.

Это была одна изъ обычныхъ нашихъ сценъ, но вы почему-то воспользовались ею для бѣгства. Неужели вы не понимаете, какую глубокую рану вы нанесли моему сердцу? Поймите, вѣдь, я люблю васъ! Конечно, вы не видѣли моихъ слезъ, моего отчаянія, и потому вамъ трудно судить. Но даже это я бы вамъ простила. Я сама затѣяла исторію и должна быть наказана. Во всей исторіи меня больше всего поражаетъ, какъ могли вы не отвѣтить на мою телеграмму!

Графъ Мишель молчалъ.

— Нѣтъ, вы должны мнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ, и вы отвѣтите только одну правду, какъ бы горька она ни была для той, которая васъ такъ безконечно любитъ.

Сюзанна ластилась къ нему, какъ кошечка, запорокинувъ бѣлокурую головку къ нему на колѣни.

— Какъ вы знаете, я всегда говорю только одну правду, — пробормотала графъ Мишель, стараясь отодвинуть отъ Сюзанны свое кресло. — Вашу телеграмму я счелъ однимъ изъ вашихъ обычныхъ фокусовъ, чтобы забрать меня въ ваши коготки. Теперь, цѣлыми часами наединѣ съ самимъ собою, я много думалъ о нашихъ отношеніяхъ, Сюзанна, и мнѣ кажется, что все раньше необъяснимое стало для меня яснымъ. Когда вы говорите мнѣ о своей любви, въ душѣ я саркастически смѣюсь. Любящая женщина не могла бы такъ мучить любимаго человека. О, я себѣ ясно представляю, какую должна быть любящая женщина.

— По старымъ воспоминаніямъ о первой женѣ или по новымъ — о второй? — злобно спросила Сюзанна.

Легкая краска негодованія вспыхнула въ щекахъ графа Мишеля.

— Оставьте этихъ двухъ женщинъ, онѣ совсѣмъ лишнія въ нашей бесѣдѣ. Съ одной я уже покончилъ давно

всѣ счеты и отдалъ ее другому, а вторая никогда мнѣ не принадлежала и не будетъ принадлежать.

Необузданный крикъ радости сорвался съ устъ Сюзанны.

Она вскочила и порывисто бросилась къ его ногамъ, цѣлуя его ноги.

— Я тебѣ вѣрю, я тебѣ вѣрю. Такъ, значить, она до сихъ поръ чужая для тебя? О, какое это счастье! Ты былъ только моимъ и теперь я тебя уже никому не уступлю. Ты правъ, любящая женщина не можетъ мучить любимаго человѣка. Я тебя мучила, пока я не понимала, что я тебя люблю. Я сама себя не понимала. Но ревность и страданіе сорвали повязку съ моихъ глазъ, и теперь я знаю, что въ тебѣ одномъ весь мой міръ.

Онъ откинулъ голову на спинку кресла, глаза его были закрыты, вѣки трепетали, а лицо было прозрачно и блѣдно, словно залито луннымъ сіяніемъ.

— Нѣтъ, — упрямые слова сорвались съ его губъ, — ты не любишь меня, и я понялъ, что я также тебя не люблю. Я принималъ за любовь дикую страсть, которую ты сумѣла зажечь въ моей крови, отравивъ эту кровь. Моя душа всегда страдала въ твоихъ объятіяхъ, а мое тѣло тебѣ покорялось и жаждало тебя.

— Ахъ, мнѣ все-равно, я не хочу разбираться во всѣхъ этихъ тонкостяхъ! Лишь бы ты былъ моимъ, а страсть это или любовь, — мнѣ это все-равно.

— Нѣтъ, ты отпустишь меня отъ себя! Неужели тебѣ нужна моя гибель? Неужели ты не понимаешь, что только одну гибель я могу найти въ твоихъ объятіяхъ? Разстанемся теперь, пока я тебя не возненавидѣлъ. Все равно, рано или поздно мы должны будемъ разстаться. Наши жизни не могутъ быть связаны. Моя душа побѣдитъ мою плоть. И тогда мы останемся оба одинокіе, несчастные, смертельно ненавидящіе другъ друга. Разойдемся, пока не поздно, разойдемся добрыми друзьями, я обеспечу васъ такъ, какъ вы того захотите. Я сдѣлаю для васъ все, что будетъ въ моихъ силахъ. И когда бы вы ни обратились ко мнѣ — я всегда приду къ вамъ на помощь, выручу васъ и дѣломъ, и словомъ.

Закинувъ головку, Сюзанна пронизывала глазами графа Мишеля.

— Прекрасныя обѣщанія!.. Если-бы я приняла ихъ... то что бы вы, сами вы, стали дѣлать? Какъ бы вы устроили свою жизнь?

Свѣтлая улыбка озарила черты графа Мишеля.

— Что дѣлалъ бы я?.. Какъ бы я устроилъ свою жизнь? О, Сюзанна Леонтьевна, мнѣ трудно заглянуть въ будущее. Но сейчасъ мнѣ нужно такъ немного! Сіяющее солнце лѣта, живительный воздухъ, голубое небо, ласкающую природу и... полный покой — вотъ все, что мнѣ нужно.

Она снова придвинулась къ нему, обхватывая обѣими руками его шею.

— И все это я тебѣ дамъ вмѣстѣ съ самой вѣрной, нѣжной лаской. И если прежде ты любишь только мою страсть, теперь ты полюбишь мою душу, потому что, покорная, она будетъ въ твоихъ рукахъ! И ты найдешь покой, я дамъ тебѣ его, когда я тебя вырву изъ этой проклятой „Красовки“. Вмѣстѣ съ тобой я поѣду на югъ. Я знаю чудесное мѣстечко возлѣ Ниццы, это — Грассъ. Онъ весь утопаетъ въ садахъ и окруженъ цвѣточными полями... Тамъ все, какъ ты хочешь... И небо голубое, и яркое солнце, и живительный воздухъ, и дивная природа, и благословенная тишина. Туда... туда мы направимся вмѣстѣ съ тобою... Но теперь... теперь насъ снова должна соединить страсть, бѣшенная страсть, полная наслажденій... Ея восторги вернуть тебя ко мнѣ, снова насъ соединять.

Трепещущій — онъ покорно отдавался ея бурнымъ ласкамъ, онъ чувствовалъ, что она будетъ торжествовать побѣду... Знакомое волненіе охватило его, кровь закипѣла въ его жилахъ... Забывая все на свѣтѣ, онъ протянулъ ей свои руки, такъ крѣпко сжалъ ее и лихорадочнымъ поцѣлуемъ прижался къ ея губамъ. Въ безумныхъ ласкахъ пролетали мгновенья одно за другимъ.

Ея утомленная головка покоилась на его не менѣе утомленной груди, и тихій, торжествующій смѣхъ срывался съ ея губъ.

— Глухой, глухой мальчикъ, и ты еще говоришь, что

мы не любимъ другъ друга, не можемъ быть счастливы!
Глупый, милый мальчикъ.

— Ты опять овладѣла мною, Сюзанна, и какими жалкими кажутся мнѣ теперь всѣ усилія... разстаться съ тобой навсегда.

— Бросимъ все и ѣдемъ сегодня же въ Петербургъ.

— Нѣтъ, я останусь здѣсь, я еще буду бороться, я долженъ увѣриться, что съ твоей стороны это не военная хитрость, не притворство.

— О, развѣ такъ притворяются?

— Я долженъ провѣрить тебя, Сюзанна.

— Въ такомъ случаѣ я оставляю въ запасѣ князя Малаева... Въ случаѣ, я проиграю борьбу, у меня будетъ въ запасѣ женихъ.

— Сюзанна!..

— Да, да! Разъ ты хочешь, чтобы надъ моей головой всегда висѣлъ Дамокловъ мечъ, пусть онъ виситъ и надъ твоей головой!

— Послѣ нашего сегодняшняго свиданья было бы честнѣе сказать князю Малаеву всю правду. Онъ могъ тебѣ простить твое прошлое, но настоящаго не простить, я думаю.

— Если обстоятельства такъ повернутся, что намъ придется разойтись, а мнѣ — выйти замужъ за князя Малаева, повѣрь, я буду честной, Мими... Передъ свадьбой я ему все скажу. И я такъ въ немъ увѣрена, его большая любовь внѣ все простить.

— Ахъ, Сюзанна, почему ты всегда избираешь какіе-то окольные пути?

— Благодаря тебѣ, мой другъ... Рѣшись, не провѣряя меня, покончить въ „Красовкѣ“, отдаться мнѣ, и мы съ тобой улетимъ за границу, къ голубому небу, къ сіяющему солнцу.

— А какъ же тогда твой женихъ, князь Малаевъ?

— О, очень просто... Я оставлю ему письмо, что власть сердца оказалась сильнѣе власти разсудка... вотъ и все... И такъ... ѣдемъ, Мими? Хочешь, сегодня же, сейчасъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!

Онъ закрылъ лицо руками.

— Боишься? Не доверься?.. Въ такомъ случаѣ примиришь съ моимъ женихомъ. И чего волноваться? Женихъ, вѣдь, не мужъ и не любовникъ... Онъ всегда на почтительномъ разстоянїи и не можетъ возбуждать ревность... Тѣмъ болѣе, что ты знаешь, что во всякую минуту я готова къ твоимъ услугамъ... мой милый. Скажи одно слово, и мы... бѣжимъ. Это даже романтично... и не лишено поэзіи. Бѣжать со своей любовницей отъ ея жениха.

Сюзанна размѣялась.

— Нѣтъ, — покачалъ головой графъ Мишель — ни поэзіи тутъ нѣтъ, ни романтизма... Это только пошло и противно... Никогда прежде никто не сумѣлъ бы меня увѣрить, что я сыграю такую противную роль. Что дѣлать?.. Ты меня поработила, Сюзанна, я въ твоей власти...

— Не очень-то въ „моей“ власти, разъ не слѣдуешь за мной по первому моему зову.

— Я борюсь еще, собираю всѣ слабыя силишки, но чувствую, что опять сдамся. Мнѣ надо было во что бы то ни стало избѣжать свиданья съ тобой. А теперь я пропала.

— И долго ты намѣренъ меня мучить, провѣряя свои силишки?

— Чтобы не уступить, даю честное слово тебѣ и себѣ самому, что раньше, какъ черезъ мѣсяцъ, не двинусь изъ „Красовки“.

— Цѣлый мѣсяцъ!

— Я уже далъ слово!

— Но, милый, вѣдь это же ужасно... У князя Малаева такой пылкій характеръ!

— Мнѣ нѣтъ дѣла до характера князя Малаева.

— Ого!.. Но если ты будешь къ нему ревновать? Что тогда?

— Какъ женихъ, онъ долженъ вести себя прилично... А сейчасъ отпусти меня въ „Красовку“... Я долженъ побѣдить себя. Сейчасъ я не въ силахъ встрѣчаться съ этимъ господиномъ... Я не въ силахъ пожать ему руку.

Сюзанна поняла, что тутъ ей придется уступить. Дѣйствительно, ея Мими могъ надѣлать глупостей, у него такой разстроенный видъ.

— Богъ съ тобой, поѣзжай въ свою „Красовку“, но завтра приѣзжай и я тебя отпущу, когда мнѣ вздумается...

— Да, да... Хорошо. У меня дрожить каждый нервъ... Я больше не могу... Я не могу.

Стараясь его успокоить, она обняла его и прижалась губами къ его губамъ.

— Проводи меня такъ, чтобы мнѣ ни съ кѣмъ не встрѣтиться.

— А какъ же Долли Евграфовна?

— Ты скажешь ей все, что захочешь... Я не могу, я слишкомъ разбитъ.

— Мой будуаръ еще тѣмъ удобенъ, что здѣсь отдѣльный ходъ черезъ маленькій балконъ въ садъ.

Сюзанна распахнула густую кружевную занавѣсь, скрывавшую дверь на балконъ.

— Пожалуйте, мой другъ... До завтра.

Она еще разъ прильнула губами къ его губамъ.

— До завтра.

Слѣдомъ за нимъ она выскользнула на балконъ и потомъ въ садъ... Дворникъ подвель „Сѣраго“ къ самой калиткѣ сада.

Графъ Мишель вскочилъ въ сѣдло и, кивнувъ головой Сюзаннѣ, помчался во весь опоръ, не оглядываясь, и скоро онъ скрылся въ облакѣ пыли.

А Сюзанна все еще смотрѣла ему вслѣдъ. Потомъ она съ глубокимъ вздохомъ повернулась и тихо побрела обратно въ свой будуаръ. Она заперла дверь на ключъ и спустила занавѣски... Такъ же тихо и задумчиво она опустилась на козетку, и снова ея бѣлокурая головка потонула въ бѣлыхъ кружевныхъ подушкахъ... Тѣнь страданья пробѣжала по ея красивому лицу.

— О, какъ я его люблю! — прошептала она.

XXVIII

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Муся вернулась изъ школы, закончивъ уроки, и поднялась въ свои комнаты. Ей сказали, что графъ поѣхалъ кататься верхомъ и что онъ долженъ вернуться къ обѣду.

Муся приказала, чтобы ей дали знать, какъ только графъ вернется, и присѣла у своего письменнаго стола съ книгой въ рукахъ.

Весеннее солнце живо и радостно врывалось въ ея комнаты, а голубое небо посылало ей свою улыбку. Она отбросила книгу, такъ какъ чтеніе не шло ей на умъ. И нѣсколько минутъ сидѣла она такъ въ глубокой задумчивости, чему-то нѣжно улыбаясь. А потомъ вдругъ она вспомнила, что не писала своего дневника уже нѣсколько дней, и рѣшила воспользоваться свободной минуткой. Графъ не застанетъ ея за этимъ занятіемъ: какъ только онъ постучится въ дверь, — она спрячетъ тетрадку.

Вотъ, что написала Муся въ этотъ сіяющій весенній день:

„Я счастлива, хотя я сама не знаю, почему я счастлива. Вѣдь ничего новаго не случилось въ моей жизни. Или я счастлива потому, что весна такъ чудесна и щедро даритъ насъ роскошными, теплыми днями?! Я не знаю, я искренно говорю сама себѣ, что я не знаю... Конечно, одна изъ главныхъ причинъ моего довольства — это то, что графъ такъ замѣтно поправляется. Ахъ, если-бы онъ сумѣлъ найти въ жизни настоящее счастье! Съ удовольствіемъ я замѣчаю, какъ съ каждымъ днемъ онъ поправляется и крѣпнеть. И все-таки его присутствіе, его общество, бесѣды наполняютъ мою жизнь. Въ минуты досуга я не чувствую той пустоты, которую чувствовала зимой. Объ одномъ я молю Тебя, Господи, пусть моя жизнь всегда протекаетъ такъ, какъ протекаетъ она теперь. Тихо и безмятежно“...

Муся приложила прессъ-папье къ свѣжимъ строкамъ, закрыла тетрадь и спрятала ее. Нѣтъ, и бесѣда съ дневникомъ не ладится. Скорѣй-бы ужъ вернулся графъ, они вмѣстѣ пообѣдали-бы въ уютной, старой столовой, а потомъ совершили-бы дальнюю прогулку. Въ такой день стыдно засиживаться въ комнатѣ. Или, можетъ быть, онъ устанетъ послѣ долгой прогулки верхомъ и захочетъ отдохнуть? Въ такомъ случаѣ, она отправится въ палисадникъ и будетъ помогать садовнику. Въ палисадникѣ и въ саду такъ много теперь интереснаго! Въ опытныхъ рукахъ садовника вырастаютъ причудливыя клумбы, расчи-

щепные дорожки посыпаются краснымъ пескомъ, маленькая расада растеть не по днямъ, а по часамъ, даеть бутоны, распускается роскошными цвѣтами.

Муся посмотрѣла на часы. Обѣдъ миновало, а графа еще не было. Заѣхаль, видно, далеко и сразу не можетъ вернуться. Еще около полчаса проходила она, задумчивая, по своимъ комнатамъ. Вотъ кто-то постучался въ дверь, она покраснѣла и глаза ея радостно вспыхнули.

— Ну, конечно-же, войдите! — крикнула она и подбѣжала къ двери.

Когда дверь открылась, на ея выразительномъ лицѣ отпечатлѣлось разочарованіе: передъ нею стояла Вѣра Ивановна.

— Простите, что я васъ потревожила, графиня, но я, право, не знаю, какъ намъ быть. Графъ поѣхаль кататься верхомъ на „Сѣромъ“, и до сихъ поръ его нѣтъ. А между тѣмъ давно уже пора обѣдать, вы, вѣрно, проголодались, графиня. А садиться безъ него за столъ какъ-будто неудобно. Можетъ быть, онъ васъ предупредилъ, что не вернется къ обѣду?

— О, нѣтъ, напротивъ, мы даже съ нимъ вмѣстѣ вчера заказывали обѣдъ. А сегодня онъ меня соблазнялъ прокатиться передъ обѣдомъ, обѣщая хорошій аппетитъ. Но теперь я не могу манкировать въ школѣ, я тамъ заканчиваю экзамены. И такъ по случаю болѣзни графа все тамъ затянулось.

— Какъ же намъ быть?

— Вы себѣ идите обѣдать, дорогая Вѣра Ивановна, а я подожду графа. Онъ не любитъ садиться за столъ одинъ.

— Но вы такъ рано встали, графиня, боюсь, что вы проголодались.

— О, пустяки, — улыбулась Муся. — Я сейчасъ прикажу подать себѣ мою любимую закуску: черный хлѣбъ съ солью — и заморю червячка.

— Позвольте и мнѣ, графиня, раздѣлить съ вами эту скромную закуску.

— Пожалуйста, Вѣра Ивановна.

Жизнерадостная Мотя со смѣхомъ принесла „ея сянню“ простой черный хлѣбъ, еще теплый, съ хрустящей

корочкой, и крупную соль въ серебряной солонкѣ. Сидя другъ противъ друга, Муся съ Вѣрой Ивановной съ аппетитомъ уписывали солидные ломти хлѣба, усыпаннаго солью.

— Теперь такъ рѣдко приходится васъ видѣть, графиня; графъ совсѣмъ васъ отнялъ у насъ. Только думаю, что онъ долго не засидится въ „Красовкѣ“. Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ. Теперь графъ почти совсѣмъ оправился и навѣрно поѣдетъ куда-нибудь повеселиться. Въ этомъ отношеніи онъ удивительно напоминаетъ мнѣ графа Александра. Покойный владѣлецъ „Красовки“ пріѣзжалъ къ намъ только больной или утомленный жизнью, разочарованный въ какой-нибудь красавицѣ.

— Вы ошибаетесь, Вѣра Ивановна, — заступилась Муся за своего супруга. — Графъ своимъ характеромъ, какъ и лицомъ, гораздо больше напоминаетъ мнѣ графиню Серафиму. Я не знала, конечно, его покойнаго отца, но думаю, что въ его присутствіи не усидѣла бы въ „Красовкѣ“ и двухъ дней. Впрочемъ, врядъ ли бы судьба когда-нибудь могла меня соединить съ человѣкомъ, подобнымъ графу Александру. Онъ не способенъ былъ бы на рыцарскую и сантиментальную женитьбу на одинокой и покинутой дѣвушкѣ. Ради удовлетворенія своей прихоти онъ, конечно, пошелъ бы и на самый безумный поступокъ, но не ради спасенія чужого ему человѣка. Мнѣ очень жаль моего мужа, — судьба столкнула его съ очень нехорошей женщиной... Но, кажется, Господь смилостивился надъ нимъ, и онъ ее понемногу забываетъ.

Вѣра Ивановна вздохнула и ея глаза съ искреннимъ сожалѣніемъ устремились на молодую женщину.

— Дай-то Богъ. Но если онъ избавится отъ одной, то найдется другая. Лучше смотрѣть прямо въ глаза вашему будущему, тогда не будетъ тяжелыхъ разочарованій.

Муся покраснѣла.

— Въ моей жизни съ графомъ не можетъ быть разочарованій, такъ какъ мы сошлись чуждые другъ другу, и дружески разойдемся чужіе. Жалѣю я каждого даже совсѣмъ посторонняго, а графъ сдѣлалъ мнѣ такъ много добра.

И долго еще на эту тему бесѣдовали Муся и Вѣра Ивановна, пока, наконецъ, не вбѣжала запыхавшаяся Мотя.

— Графъ пріѣхалъ! Обѣдать не будетъ! Засѣлъ въ свой кабинетъ и попросилъ чаю съ ромомъ и вина! — залпомъ выпалила она.

Муся забеспокоилась.

— Можетъ быть, онъ нездоровъ? Онъ меня не спрашивалъ?

— Не спрашивалъ, ваше сіяніе, и никому не велѣлъ входить къ нему, покуда не позоветъ.

— Что-то странное, — пожалала плечами Вѣра Ивановна.

— А „Сѣрый“-то такой взмыленный... Такъ ужъ, видно, скакалъ нашъ графъ.

Это маленькое, по виду обыденное происшествіе произвело какое-то необъяснимо тяжелое впечатлѣніе на Мусю.

— Что-жъ, — сказала она послѣ короткаго раздумья, — вѣрно, графъ гдѣ-нибудь поѣлъ по дорогѣ, а теперь усталъ и хочетъ отдохнуть, выспаться. Не надо ему мѣшать. А мы... пойдѣмъ и пообедаемъ... Напрасно я васъ морила голодомъ, Вѣра Ивановна.

Обѣдъ прошелъ въ молчаніи. И на сердцѣ у Вѣры Ивановны сразу стало какъ-то тяжело, словно грозная туча повисла надъ головою.

Послѣ обѣда Муся отправилась пѣшкомъ въ лѣчебницу. Особенно долго хлопотала она около каждаго больного и, не торопясь, пѣшкомъ вернулась домой, когда уже было совсѣмъ темно.

У крыльца ее встрѣтила Глаша.

— А графъ васъ спрашивали, ваше сіяніе, почитай, что раза четыре.

— А послѣдній разъ давно онъ меня спрашивалъ? — почему-то заволновалась Муся.

— Вотъ только сейчасъ и спрашивали. Я и вышла на крыльцо поглядѣть, не видно-ли васъ.

— Скажи графу, что, если ему нужно, я сейчасъ могу къ нему придти, только переодѣнусь, а то я вся въ пыли.

Глаша побѣжала къ графу, а Мусю торопливо поднялась наверхъ. Она освѣжилась умываньемъ и переодѣлась

въ чистенькій, свѣтлый туалетъ. Долго стояла она у зеркала, оправляя свою прическу.

Уже совершенно готовая, робко спустилась она по лѣстницѣ и робко постучалась въ дверь кабинета. А Глаша бѣжала за ней и нашептывала:

— Пожалуйте, ваше сіяніе, пожалуйста, — графъ васъ ждутъ.

— Войдите, — раздался его голосъ.

Почему онъ какой-то „новый“, зтотъ голосъ? Словно разбитый!..

Съ тревожно бьющимся сердцемъ Муся вошла въ зтотъ, такъ хорошо знакомый ей, кабинетъ, въ которомъ она провела такъ много пріятныхъ и тихихъ часовъ.

Графъ полулежалъ въ креслѣ у топившагося камина. Несмотря на красноватый отблескъ, лицо его казалось смертельно-блѣднымъ, глаза, устремленные на дверь, лихорадочно горѣли.

Муся порывисто подошла къ нему и взяла его за руку. Но онъ съ ужасомъ, весь дрожа, отдернулъ свою руку.

— Не надо, не надо! Не прикасайтесь ко мнѣ.

Муся отступила.

— Что-нибудь случилось?

Онъ поникъ головой.

— Дайте мнѣ собраться съ мыслями... такъ трудно говорить объ этомъ... такъ трудно.

Наступило молчаніе. Графъ обѣими руками схватился за голову и его выразительное лицо отражало душевную борьбу.

— Присядьте, Марія Николаевна, — наконецъ проговорилъ онъ тихимъ голосомъ.

Она опустилась на стулъ вдаль отъ него, потому что именно зтотъ стулъ указывали ей его глаза.

— Что же случилось? — съ мольбой повторила она.

— Она здѣсь, — какъ стонъ, сорвалось съ его губъ. — Она здѣсь, Сюзанна Мельвиль...

Муся смертельно поблѣднѣла и ея головка бессильно откинулась и глаза закрылись. Она что-то хотѣла сказать и... и не могла.

— Это ужасно... не правда-ли? Я зналъ, я чувство-

валь, что это васъ разстроитъ. Но это такъ мѣняетъ нашу жизнь, что скрыть я отъ васъ не могъ.

Она овладѣла собой и подняла головку.

— Вамъ нужна свобода?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Никогда! Но она на все согласна... Кажется, чувство заговорило въ ея сердцѣ.

— Значить, я была права, она васъ любитъ!

— Теперь она невѣста князя Малаева, но готова отказаться отъ союза съ нимъ и готова ѣхать за мной, куда я пожелаю и когда... За всѣ мои страданія я въ этомъ нахожу извѣстное удовлетвореніе...

— Конечно, — мертвымъ тономъ согласилась она съ нимъ.

— Но почему вы не спросите, какъ она попала сюда?

— Не все-ли равно, „какъ“? Приѣхала...

— Не приѣхала, а ее сюда привезли...

— Кто же могъ ее привезти?

— Конечно, не ея женихъ. Привезла ее сюда... ваша мать.

Муся тихо вскрикнула и закрыла лицо руками. Этого она не ожидала отъ Долли Евграфовны. Ея поступокъ превосходилъ все то, что только можно было предположить!

— Бѣдняжка, — грустно проговорилъ графъ, — какъ я васъ огорчилъ! Но я не могъ скрыть правду. Чудовищный поступокъ, не правда-ли?

Муся съ мольбой сложила руки.

— Объ одномъ я васъ прошу, — избавьте меня отъ встрѣчи съ моею матерью. Я такъ вамъ благодарна, что на многія жертвы пойду ради васъ... но... избавьте меня отъ свиданія съ матерью... это выше моихъ силъ!

— Дорогое дитя, — его голосъ зазвучалъ глубоко и нѣжно, — развѣ могли вы подумать, что... что я позволю себѣ такъ васъ пытаться и такъ васъ оскорблять? Спокойно занимайтесь вашей работой... и забудьте обо мнѣ, о несчастномъ рабѣ страсти, предоставленномъ горькой участи. Забудьте обо мнѣ, о всѣхъ насъ. Ваша мать специально для того, чтобы помочь Сюзаннѣ Мельвилъ захватить меня, купила здѣсь по сосѣдству имѣніе-дачку и при-

везла съ собой всю ватагу... Она рѣшила и здѣсь отравить вамъ жизнь.

— Но за что? За что?

— Я догадываюсь, бѣдное дитя, она вамъ мститъ за Липарскаго.

Муся тихо заплакала, — она уже не могла сдерживаться, это было выше ея силъ.

Движимый невольнымъ порывомъ, графъ Грегоровъ вскочилъ съ своего кресла, подбѣжалъ къ ней и ласково опустилъ руку на склоненную золотистую головку.

— Они не стоятъ ни одной вашей слезинки, всѣ вѣстѣ взятыя, милое, бѣдное дитя... Не думайте о нихъ... не ужасайтесь. Въ жизни много гадкаго, но не только одно гадкое... примѣромъ можете служить вы сами... И для васъ найдется счастье. Вы еще ребенокъ, и все ваше будущее впереди... Я замѣню вамъ отца, котораго вы такъ любили... Что бы ни случилось въ моей жизни, даю вамъ клятву, что буду заботиться о васъ, какъ о родномъ ребенкѣ... Вы сокровище, — голосъ его дрогнулъ, — и это сокровище я передамъ только въ самыя лучшія, честныя руки.

Муся влупивалась въ его слова. И сладко ей было, и больно, и стыдно. Последнее чувство побѣдило. Она вытерла слезы и выпрямилась.

— Не заботьтесь такъ обо мнѣ, — въ ея тонѣ слышалась невольная горечь. — Конечно, я не могла равнодушно узнать о... подлости... той, которую я должна была бы любить больше всѣхъ на свѣтѣ... Но предыдущимъ... я была уже подготовлена. Первое страшное горе я ужъ перенесла тогда... въ Петербургѣ. А вы... васъ мнѣ жалъ отъ всей души, но я поняла, что бессильна вамъ помочь. Только могила вырветъ васъ изъ когтей этой женщины... Я только постараюсь вамъ не мѣшать, а если... понадобится какая-нибудь моя услуга... я въ вашемъ распоряженіи...

Она поднялась.

— А теперь... простите, я пойду къ себѣ... мнѣ тяжело продолжать эту бесѣду... Я должна взять себя въ руки... примириться.

Онъ ея не удерживалъ. Прощаясь съ нею, онъ почти

тельно и нѣжно поцѣловаль ея руку и пробормоталь едва внятно:

— Господь да сохранить васъ, дорогое дитя...

Но Муся не пошла въ свои комнаты, а выскользнула въ садъ. Шатаясь, какъ пьяная, бродила она по аллеямъ, роняя слезы, прозрачныя, алмазныя капельки.

— Что со мной? — шептала она. — Почему такъ больно, почему такъ горько?

XXIX

ОСКОРБЛЕНИЕ

Въ обширной бесѣдкѣ, утопавшей въ зелени и цвѣтахъ, среди сада, въ глубокой задумчивости сидѣль князь Малаевъ. Его темныя брови были сдвинуты, и по загорѣлому, красивому лицу пробѣгали нервныя судороги. Ревнивое сомнѣнiе заползло въ душу этого полудикаря, и теперь оно росло не по днямъ, а по часамъ. Никакія хитро-сплетенія „невѣсты“, Сюзанны, не помогали.

— Нѣтъ! — рѣшительно тряхнулъ онъ темной головой. — Такъ больше не можетъ продолжаться. Если она меня любитъ и хочетъ быть моею женою, то пусть бросить эту двойную игру. Мнѣ надоѣла эта фальшивая баронесса фонъ-Саксъ, надоѣлъ этотъ глупый „Орликъ“, надоѣла вся эта суета. Я такъ больше не могу жить. Кажется, я ей все даю, что только могу дать. Всю свою душу и всю свою жизнь.

Малаевъ нетерпѣливо поглядываль на дорожку сада.

— Что-же она не идетъ? Она избѣгаетъ объясненія наединѣ, но... я заставлю ее объясниться.

Еще нѣсколько минутъ тревожнаго ожиданья, и на дорожкахъ показалась Сюзанна, изящная и стройная въ своемъ бѣломъ кружевномъ платьицѣ. Бѣлокурые волосы, раздѣленные на проборъ, были поэтично перевязаны ярко-зеленою бархатной лентой, заканчивавшейся бриллиантовой пряжкой. Маленькія ножки, обутыя въ бѣлыя ботинки, храбро ступали по посыпанной пескомъ дорожкѣ.

Малаевъ поднялся, чтобы идти ей навстрѣчу, но бѣ-

лымъ кружевнымъ зонтикомъ она ему сдѣлала знакъ, повѣвавшій оставаться на мѣстѣ. И онъ стоялъ, какъ прикованный, въ ожиданіи. Брови его разгладились, улыбка освѣщала все лицо, глаза, обращенные къ Сюзаннѣ, сіяли любовью.

Съ кокетливымъ смѣхомъ вбѣжала она въ бесѣдку, отбросила зонтикъ и протянула ему обѣ руки.

— Ну, вотъ и я. Опоздала на полчаса, и ты уже, навѣрно, бѣсишься. А, вѣдь, ты еще только женихъ. Вижу, какой ты будешь требовательный мужъ! Тогда уже придется приходить за полчаса до назначеннаго времени.

— Я тебя не упрекаю, Сюзанна. Миѣ было неприятно, что ты опаздываешь, когда я тебя здѣсь ждалъ одинъ, но я тебя увидѣлъ и сразу все простилъ.

— Ну, слава Богу! А то я боялась нарваться на жестокую сцену съ упреками, сомнѣніями и прочими прелестями.

— Во всякомъ случаѣ, это смѣшно, Сюзанна, что миѣ, твоему будущему мужу, приходится назначать тебѣ свиданія. Я-бы могъ по праву постоянно видѣть тебя наединѣ.

— Ахъ, какой ты смѣшной! Да кто-же отнимаетъ у тебя это право? Просто въ домѣ баронессы фонъ-Саксъ слишкомъ оживленно и постоянно кто-нибудь попадаетъ. Сегодня еще ждутъ новаго гостя. Въ такомъ шумномъ домѣ приходится искать уединенія. Ты хотѣлъ со мной поговорить о чемъ-то важномъ наединѣ. Я и выбрала эту бесѣдку, чтобы никто намъ не помѣшалъ. Итакъ говори, да поскорѣе, а то я насилу удрала отъ баронессы фонъ-Саксъ и убѣждена, что она меня теперь разыскиваетъ.

— Между вами такая дружба, словно вы дышать другъ безъ друга не можете. Я-бы хотѣлъ иную подругу для моей будущей жены.

— Когда я стану твоей женой, — насмѣшливо усмѣхнулась Сюзанна, — мы съ тобой поѣдемъ далеко, далеко... въ твое кавказское имѣніе. Баронесса фонъ-Саксъ, конечно, за нами туда не послѣдуетъ, она слишкомъ любитъ Петербургъ и веселье. И тогда я себѣ выберу новыхъ подругъ среди кавказскихъ княженъ и княгинь.

— Ахъ, скорѣй-бы! Какъ ты будешь блистать между ними, бѣлокурая фея!

— Итакъ, говори, въ чемъ дѣло, а то мы опять отклонились отъ цѣли нашего свиданія.

— Мнѣ не нравятся твои отношенія къ графу Грегору, и я-бы тебя попросилъ ихъ измѣнить.

— Вотъ какъ?.. Ты меня удивляешь. Насъ съ графомъ Грегоровымъ связываетъ давняя дружба. Не что иное.

— Я тебѣ вѣрю, иначе я-бы съ тобой не такъ разговаривалъ... но я страдаю... я ревную... ты должна меня пожалѣть.

— Такъ чего-же ты хочешь? Чтобы я съ нимъ не разговаривала? Не кланялась ему?

— Не то, Сюзанна, ты понимаешь, о чемъ я говорю. Когда онъ приходитъ, у тебя сразу мѣняется лицо. Ты всегда ему какъ-то особенно улыбаешься... ему одному. Ты говоришь съ нимъ нѣжнымъ голосомъ, ты всегда стараешься сидѣть около него и въ столовой, и на прогулкахъ. Конечно, все это пустяки, но я чувствую, что онъ тебѣ нравится... и я боюсь... не только за наше счастье, но за нашу жизнь я боюсь, Сюзанна.

— Я тебя не понимаю.

— А, кажется, я говорю ясно! Я — дикарь... Трудно было меня обуздать и покорить... Но ты, волшебница, побѣдила мою душу, и теперь я вѣчный твой рабъ. Но въ то-же время я и властелинъ. Ни одного твоего взгляда я не отдамъ другому. Въ семьѣ князей Малаевыхъ, когда уступаютъ поцѣлуй невѣсты или жены, то за него берутъ дорогую плату — самую жизнь!..

Слишкомъ много искренности и огня было въ его словахъ, и Сюзанна невольно содрогнулась. Только бѣгствомъ можно спастись изъ рукъ этого дикаря. Теперь, когда онъ что-то почуялъ, онъ будетъ слѣдить за нею. А развѣ можетъ она всегда быть осторожной?!

— Мой милый, я вижу, что малаевская любовь — вещь пріятная, но опасная, — натянуто смѣясь, пошутила она. — Но я предпочитаю, чтобы все было благополучно, и кавказскій кинжалъ не былъ-бы пущенъ въ ходъ. Я тебя люблю... этимъ все сказано.

— Когда-же мы уѣдемъ изъ этого проклятаго „Орлика“? Когда, наконецъ, будетъ наша свадьба?

— Ты такъ нетерпѣливъ, мой милый, но я тебя вполне понимаю. Я и сама начинаю горѣть отъ нетерпѣнія. Можешь-ли ты мнѣ дать еще двѣ недѣли?

— Но къ чему тебѣ онѣ? Зачѣмъ ты медлишь, разъ все уже рѣшено?

— По глупости я дала слово баронессѣ фонъ-Саксъ и волей-неволей должна его сдержать. Но ровно черезъ двѣ недѣли — я вся твоя... Ты ждалъ такъ долго... двѣ недѣли — это пустякъ.

Она склонила бѣлокурую головку къ нему на плечо и потянулась къ нему губами, прося поцѣлуя.

— Драгоценная, — прошептала онъ, полный любви, и страстными и горячими губами прильнулъ къ ея губкамъ.

Но она выскользнула какъ змѣйка.

— Ха-ха-ха!.. Довольно, милый.. голова кружится. Такіе поцѣлуи вредны. Я тебѣ ихъ дамъ тысячу, когда ты будешь моимъ мужемъ, но не теперь. Теперь эти поцѣлуи опасны.

Въ порывѣ мгновеннаго бѣшенства онъ топнулъ ногой.

— Другіе поцѣлуи тебѣ не были опасны! О, я знаю, ты многихъ цѣловала въ твоей жизни. Ты такъ строга только со мной, съ человѣкомъ, который даетъ тебѣ свою жизнь, свою душу и вручаетъ тебѣ свою честь.

Подобные порывы князя Малаева не были рѣдкостью, и Сюзанна отлично умѣла съ ними справляться. Ея лицо приняло холодное и гордое выраженіе.

— Опять вы меня упрекаете? Какъ будто я вамъ навязываю свою особу? И сейчасъ вы еще можете отказаться отъ вашего намѣренія. Видите, какъ я права, что затягиваю нашу свадьбу. Развѣ это вамъ не доказываетъ, что я васъ не ловлю и не желаю воспользоваться вашей горячностью? У васъ еще достаточно времени, чтобы обдумать и отказаться отъ меня.

Онъ виновато опустилъ голову.

— Прости меня, Сюзанна. Это не я говорю, это говорить моя ревность! Отказаться отъ тебя, это все равно, что отказаться отъ жизни. Прости меня, я подчиняюсь твоей волѣ. Еще двѣ недѣли смиренія и мученій, и ты моя.

— Ну, вотъ и прекрасно! Значить, помирились, и ты будешь себя корректно вести эти двѣ недѣли.

Сюзанна еще разъ протянула ему губы для поцѣлуя, но, едва онъ только прикоснулся къ нимъ своими губами, какъ она со смѣхомъ отскочила.

— Ай-ай-ай! Вотъ и накрыли насъ на мѣстѣ преступленія. Баронесса фонъ-Саксъ сюда идетъ... и видѣла... и все видѣла!

И Сюзанна разыгрывала молодую дѣвушку, застигнутую врасплохъ за первымъ поцѣлуемъ и безконечно смущенную.

— Вотъ вы куда удалились, голубки! — еще издали грозила пальцемъ Долли Евграфовна. — Воркуете? Цѣлуетесь? Bravo! Въ нашъ вѣкъ это такая рѣдкость — истинно-нѣжная любовь. Я жду васъ съ завтракомъ. А потомъ вы останетесь одни, потому что я тороплюсь. У меня сегодня еще маленькое дѣльце.

— Какое дѣльце? — поинтересовалась Сюзанна.

Долли Евграфовна лукаво покачала головой.

— Не скажу.

— Ваша воля... — ей въ тонъ отвѣтила Сюзанна.

Едва только сѣли за столъ, какъ подѣхалъ графъ Григоровъ. Онъ сильно измѣнился за эти дни. Воздухъ родныхъ полей уже не дѣйствовалъ на него. Легкій румянецъ опять смѣнился блѣдностью, а лихорадочный взглядъ отражалъ тяжелую душевную борьбу.

— Милости просимъ, графъ. Присаживайтесь. Вашъ приборъ уже васъ ждетъ, — привѣтствовала его баронесса.

Онъ съ усиліемъ еле прикоснулся къ ея рукѣ, потомъ съ глубокимъ чувствомъ поцѣловалъ руку Сюзанны. На лицѣ его ясно отразилось смущеніе, когда онъ пожалъ руку князя Малаева, и пренебреженіе, когда онъ подошелъ къ Липарскому. Онъ не могъ смотрѣть на Липарскаго иначе, какъ съ презрѣніемъ.

Все человѣческое, пробужденное въ Липарскомъ любовью къ Мусѣ, теперь снова заглохло. Сытое, пошлое, самодовольное лицо.

Среди остальныхъ гостей была нѣкая Рагозина, пикантная женщина, лѣтъ 32-хъ, пріѣхавшая къ баронессѣ повеселиться вдаль отъ мужа. Назовемъ еще поручика

Лисьева, проводившаго свой отпускъ у баронессы фонъ-Саксъ, и отставнаго генераль-маіора старичка Ланьева, давняго поклонника баронессы фонъ-Саксъ. Остальные гости еще не съѣхались. Сегодня ждали еще одного, считавшагося интереснымъ кавалеромъ.

Это былъ богатый баринъ баронъ Липецъ, недавно купившій имѣніе по сосѣдству съ „Орликомъ“. Баронъ Липецъ пріѣзжалъ специально для того, чтобы осмотрѣть свое новое имѣніе. Долли Евграфовна воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и залучила къ себѣ интереснаго кавалера.

— Послѣ завтрака, друзья мои, мнѣ придется уѣхать на какой-нибудь часикъ, и гости мои будутъ сами себя развлекать. Сюзанна Леонтьевна и Екатерина Васильевна останутся въ роли хозяекъ.

Баронесса повернулась къ Грегорову.

— Я особенно рада, что вы здѣсь, милѣйшій графъ, такъ какъ въ мое отсутствіе можете пріѣхать одинъ изъ вашихъ старинныхъ друзей.

— Осмѣливаюсь спросить, кто именно?

— Баронъ Липецъ!

— Володя!

Въ голосъ Грегорова послышалась неподдѣльная радость.

— Вотъ, дѣйствительно, неожиданная и пріятнѣйшая встрѣча. Вы даже не подозреваете, баронесса, какое мнѣ доставляете удовольствіе.

— Я всегда забочусь, чтобы всѣмъ вамъ было хорошо, — кротко улыбнулась Долли Евграфовна — только вы не особенно меня цѣните, господа.

Послышались протесты со всѣхъ сторонъ, и кроткая улыбка баронессы смѣнилась самодовольной.

— Когда же именно вы ждете барона Липецъ? — продолжалъ интересоваться графъ Грегоровъ.

— Съ минуты на минуту.

Долли Евграфовна встала.

— Извиняюсь, дорогіе гости. Сейчасъ вамъ подадутъ кофе, и вы обойдетесь безъ меня. Я не прощаюсь, такъ какъ скоро вернусь.

Сюзанна поглядывала на баронессу съ любопытствомъ,

она рѣшительно не могла сообразить, куда направляется баронесса. Но если-бы она догадалась, „куда именно“, то въ ея любопытствѣ не было бы такого спокойствія. Долли Евграфовна еще разъ кивнула головой и покинула столовую.

У подѣзда ее уже ждалъ экипажъ. Въ роскошной кружевной мантильѣ и въ панамѣ, богато разубранной бѣлыми страусовыми перьями, она была очень эффектна. Красиво развалившись въ коляскѣ, она защитила себя отъ солнца шелковымъ розовымъ зонтикомъ, бросавшимъ пріятный, мягкій оттѣнокъ на ея лицо. Вѣрная Марфа Ивановна вышла ее провожать на крыльцо. Вѣроятно, только для нея одной не была тайной цѣль поѣздки баронессы фонъ-Саксъ, потому что, наклонившись къ Долли Евграфовнѣ и цѣлуя ея руку, она прошептала:

— Дай Господь, чтобы это было удачно.

И, когда лошади помчались, Марфа Ивановна еще долго смотрѣла вслѣдъ удалявшемуся экипажу. Потомъ она глубоко вздохнула, троекратно перекрестилась и вошла въ домъ.

И кучеръ, очевидно, зналъ, куда надо ѣхать, потому что онъ ни разу не спросилъ госпожу, а мчался все впередъ, сворачивая то вправо, то влѣво, и пощелкивалъ кнутомъ.

Часа черезъ два коляска баронессы фонъ-Саксъ, проѣхавъ черезъ роскошный барскій паркъ, лихо остановилась у крыльца господскаго дома „Красовки“. Казачокъ, сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ, соскочилъ съ козелъ и позвонилъ.

Черезъ нѣсколько мгновений дверь распахнулась и показался старый Захаръ, важный и почтительный въ одно и то-же время.

— Графиня Грегорова дома? — звонко спросила баронесса фонъ-Саксъ.

— Какъ прикажете доложить?

Долли Евграфовна протянула старому слугѣ заранѣе уже приготовленную визитную карточку, запечатанную въ маленькій конвертъ. На карточкѣ были начертаны слѣдующія слова:

„Я надѣюсь, что ты примешь свою мать, дорогая Муся,

которая хочет забыть все старое и протягиваетъ тебѣ свои объятія для примиренія. Если до сихъ поръ я была злой матерью и только разбивала твое счастье, то теперь самое искреннее мое желаніе вновь создать его. У твоихъ дверей я жду его и надѣюсь, что ты протянешь руку примиренія твоей матери, хотя-бы въ память твоего покойнаго отца, котораго ты такъ любила.“

Захаръ скрылся за дверью, и Долли Евграфовна, спустивъ зонтикъ, въ нетерпѣннн теребила его. Не прошло и пяти минутъ, какъ Захаръ возвратился. Лицо его было важно и холодно.

— Графиня Марія Николаевна очень извиняются, онѣ никакъ не могутъ васъ принять. Въ деревнѣ онѣ вообще никого не будутъ принимать.

Вся кровь бросилась въ голову Долли Евграфовны, и цѣнная ручка зонтика затрещала въ ея рукахъ. Больше ни одного слова не сказала она Захару, а только съ бѣшенствомъ приказала кучеру:

— Поворачивай! Домой! И какъ можно поживѣй!

Кучеръ хлыстнулъ лошадей, и онѣ помчались. Прошло около четверти часа, когда, наконецъ, баронесса хоть немного пришла въ себя. Самолюбіе ея было унижено, и злоба наполняла ея сердце.

— погоди, дѣвчонка! Теперь ужъ я рассчитаюсь съ тобой какъ слѣдуетъ... Никто еще меня такъ не унижалъ, какъ ты. Я рассчитаюсь съ тобой. Я пришла къ тебѣ съ распростертыми объятіями, хотѣла вернуть тебѣ твое счастье... а ты... ты меня выгнала, какъ собаку... Меня! Баронессу фонъ-Саксъ! Свою мать! Ты убила во мнѣ послѣднее родственное чувство. Теперь — берегись...

И она ломала свой зонтикъ, какъ бы срывая на немъ свою злобу.

XXX

ДРУЗЬЯ

Когда баронесса фонъ-Саксъ вернулась домой, она уже успѣла обуздать себя. На видъ она была совершенно спо-

койна, даже весела, хотя въ ея сердцѣ попрежнему бушевала злоба.

Всѣ ея гости на верандѣ пили чай, и къ нимъ присоединился новый гость, баронъ Липецъ. Интересный мужчина лѣтъ 32—35, онъ являлся полной противоположностью своего друга Грегорова. Высокій, широкоплечій, съ открытымъ загорѣлымъ лицомъ, съ пышной бѣлокурой шевелюрой, съ большими свѣтлоголубыми глазами, отражавшими доброту и мужество.

Баронесса привѣтствовала его особенно любезно и забросала сотней всевозможныхъ вопросовъ. Когда же снова завязалась общая бесѣда, Долли Евграфовна сдѣлала незамѣтный знакъ рукой Сюзаннѣ и какъ бы случайно вышла въ садъ. Смѣтливая Сюзанна послѣдовала за нею. Когда онъ обѣ скрылись въ аллею за густыми деревьями, Сюзанна спросила:

— Что-нибудь новенькое случилось, дорогая Долли Евграфовна?

— Скажите мнѣ, — сурово спросила баронесса свою союзницу, — почему вы такъ тянете всю эту исторію? Я сдержала свое слово, я привезла васъ къ границѣ „Красовки“, я „зацѣпила“ для васъ графа. Онъ снова у вашихъ ногъ. Чего вы ждете? Развѣ вы не чувствуете, что въ воздухѣ назрѣваетъ гроза? Вамъ надо какъ можно скорѣе увезти отсюда графа. Посмотрите, на что похожъ послѣднее время князь Малаевъ? Даже онъ начинаетъ понимать, въ чемъ дѣло, а когда онъ пойметъ, тогда — бѣда намъ всѣмъ... Вы играете огнемъ, Сюзанна.

— Боже мой, баронесса, — съ отчаяніемъ подхватила Сюзанна, — неужели я не понимаю всего этого? Но что я могу подѣлать съ упрямымъ? Раньше, какъ черезъ двѣ недѣли, онъ не желаетъ ѣхать!

— Я вижу, что вы не вполне уясните себѣ положеніе вещей, иначе вы дѣйствовали бы энергичнѣе. Графа Грегорова здѣсь держать чары его жены, онъ уже въ ихъ власти, хотя еще самъ себѣ не отдаетъ въ этомъ яснаго отчета. Но когда онъ разберется въ своемъ сердцѣ, тогда уже поздно будетъ увозить его отсюда. Онъ не поѣдетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — вся блѣдная, прервала баронессу Сюзанна. — Графъ и не думаетъ о своей женѣ, онъ при-

надлежитъ мнѣ всецѣло. Это подтверждаютъ мнѣ его ласки, полныя безумной страсти.

— Можетъ быть, я и ошибаюсь, — дразнила баронесса свою союзницу. — Но, во всякомъ случаѣ, вы должны провѣрить, кто изъ насъ правъ.

— Какъ же провѣрить?

— Очень просто. Заставьте графа Грегорова пригласить насъ всѣхъ завтра вечеромъ въ „Красовку“. Если вамъ это удастся, — то я беру назадъ свои слова. Но я думаю, что это вамъ никогда не удастся, такъ какъ я права въ своемъ предположеніи.

Подъ темными рѣсницами сверкнули глаза Сюзанны.

— Онъ пригласитъ насъ въ „Красовку“, я этого добьюсь! Я докажу вамъ, что онъ меня любить и всегда принесетъ въ жертву моему капризу свою супругу по названію!

Торжествующая улыбка заиграла на губахъ Долли Еврафовны.

— Посмотримъ, посмотримъ.

— И я должна сейчасъ же устроить все это, такъ какъ графъ сегодня пригласилъ барона Липецъ къ обѣду въ „Красовку“, а часа черезъ 2—3 они насъ покинутъ. Отвлеките куда-нибудь князя Малаева, а я займусь графомъ.

— Слушаю и повинуюсь.

И баронесса фонъ-Саксъ удивительно ловко увлекла своихъ гостей играть въ кегли, за исключеніемъ, конечно, Сюзанны и графа Грегорова. Игра въ кегли была любимой игрой князя Малаева, и онъ отдавался ей съ увлеченіемъ иногда цѣлыми часами.

— Наконецъ-то мы одни! — радостно обнявъ графъ Грегоровъ свою возлюбленную, но Сюзанна отстранила его.

— Здѣсь жарко на верандѣ, — сказала она недовольнымъ тономъ. — Пройдемся по саду.

Онъ послушно взялъ шляпу и предложилъ ей руку.

— Ты, вѣроятно, скоро уѣдешь, такъ какъ пригласилъ къ обѣду своего друга?

— Не сердись, Сюзанна. Мы давно съ нимъ не видѣлись, а, вѣдь, это лучший другъ моего дѣтства и моей юности.

— А графъ Марковъ?

— Съ нимъ я никогда не былъ такъ близко, какъ съ Володей Липецъ. Алексѣй себѣ на умѣ, а у Володи нѣжная и благородная душа, умѣющая тонко чувствовать чужое горе.

— Почему же ты думаешь, что я сержусь, что ты оставляешь меня ради друга? Я привыкла играть незначительную роль въ твоей жизни.

— Сюзанна! Развѣ я мало тебя люблю?

— И, — продолжала она, — я бы хотѣла сблизиться съ твоимъ другомъ. Можетъ быть, онъ пойметъ мое горе и образумитъ тебя. Расскажи ему откровенно обо всемъ. Будетъ ли твой другъ сочувствовать тому искусу, которому ты подвергаешь меня? Мое положеніе по отношенію къ князю Малаеву съ каждымъ днемъ все нестерпимѣе. Ну, да Богъ съ тобой... какъ-нибудь выдержу еще двѣ недѣли, но за мое долготерпѣніе ты долженъ наградить меня.

— Какимъ образомъ, дорогая?

— Завтра ты устроишь въ твой „Красовкѣ“ маленькій пиръ въ честь твоего друга и пригласишь насъ всѣхъ.

— Это невозможно! — отшатнулся онъ.

— Но почему? Или старый барскій домъ будетъ шокированъ моимъ появленіемъ? Ты снова меня оскорбляешь... и снесу ли я и это оскорбленіе — не знаю!

— Сюзанна, мѣръ великъ... и мы вездѣ можемъ праздновать торжество нашей любви. Зачѣмъ же забираться въ скромный уголокъ, который я предоставилъ той, которая все-таки носить мое имя и заслуживаетъ мое уваженіе?

— Ого?! Я вижу, что велики права этой жены „по названію“. Но мнѣ надоѣла вся эта комедія! Я требую уваженія и къ себѣ! Ты такъ много заставилъ меня выстрадать это время... я требую удовлетворенія... Тутъ не жди уступки! Лучше вѣчная разлука, лучше смерть, чѣмъ весь этотъ ужасъ!

Сюзанна разрыдалась. Грегоровъ не могъ противиться ей слезамъ. Послѣ короткой душевной борьбы онъ уступилъ своей возлюбленной.

— Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь, Сюзанна.

Она тихо вскрикнула и радостно прильнула къ нему:

— Милый!

— А все-таки я сознаю, что мы поступаемъ гадко и не честно. Не надо было нарушать покой бѣдняжки. Какую массу неприятныхъ для нея толковъ вызоветъ эта нелѣпая пирушка!

— Толковъ и безъ пирушки достаточно. Наконецъ, кто-же ей мѣшаетъ разыграть хозяйку?

— Врядъ ли она на это согласится. Встрѣча съ матерью и Липарскимъ была бы для нея ужасна. Конечно, я предоставлю ей свободный выборъ. Все-таки ее теперь въ „Красовкѣ“ знаютъ, какъ хозяйку, и любятъ за ея доброту и заботу о бѣдныхъ.

— Съ какимъ увлеченіемъ ты говоришь о ней! — ядовито остановила его Сюзанна.

— Я отдаю ей должное.

— Ты, кажется, влюбленъ въ нее! — съ бѣшенствомъ крикнула Сюзанна.

— Какъ тебѣ не стыдно!

Онъ круто повернулся и быстро зашагалъ по аллеѣ. Сюзанна догнала его.

— Прости меня!... Благодаря всѣмъ этимъ „испытаніямъ“, нервы мои издерганы, и я говорю глупости... Прости меня, мой любимый... И завтра я буду царицей на твоёмъ пиру... въ твоей „Красовкѣ“!...

Графъ поцѣловалъ ея руку, но слова пылкой любви не разсѣяли тучъ на его челѣ... Недовольный и сумрачный, онъ разыскалъ барона Липецъ на кегельной площадкѣ и предложилъ ему немедленно ѣхать въ „Красовку“.

— Правда, автомобиль насъ домчитъ въ полчаса, но надо все-таки предупредить мою жену, — разсѣянно говорилъ онъ другу. — Она привыкла къ одиночеству, и новое лицо можетъ ее смутить.

Когда пріятели, наконецъ, въ моторѣ мчались по пыльному шоссе, баронъ Липецъ спросилъ своего друга:

— Что тутъ происходитъ? Объясни мнѣ, ради Бога. Я ничего не понимаю. Я давно тебя не видѣлъ, слышалъ, правда, о женитбѣ „чудака графа Грегорова“, но ни въ чемъ не могу разобраться. На комъ ты женатъ? Я чувствую какую-то трагедію въ твоей жизни, но не понимаю, въ чемъ дѣло?

Грегоровъ въ нѣсколькихъ словахъ откровенно разска-
заль другу и о своей любви къ Сюзаннѣ, и объ оригиналь-
ной женитьбѣ, и о новыхъ своихъ планахъ.

— Да, тутъ трудно разобратъся, — покачалъ головой
баронъ Липецъ. — Думаю, что и самъ ты плохо сообража-
ешь, въ чемъ дѣло.

— А что бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ? Скажи от-
кровенно, Володя?

— Прежде всего, я постарался бы побѣдить нелѣпую
страсть.

— Это невозможно... Сдѣланы всѣ усилія... и ни къ
чему не привели... Да и чѣмъ заполнилъ бы я душевную
пустоту, если-бы удалось вырвать эту страсть?

На этотъ вопросъ баронъ Липецъ не успѣлъ дать от-
вѣтъ, такъ какъ моторъ остановился у крыльца.

— Ахъ, мнѣ предстоитъ еще тяжелая бесѣда съ гра-
финей Маріей Николаевной. Надо подготовить ее къ зав-
трашнему пиру.

— Я охотно отъ него отказался бы.

— Этимъ ты меня не выручилъ бы, а, наоборотъ, по-
ставилъ бы въ еще худшее положеніе. Все равно, мы бу-
демъ пировать, такъ какъ я далъ слово... Но было бы
пріятнѣе... свалить вину на тебя.

Пріятели прошли въ кабинетъ графа... Тутъ барону
Липецъ все было знакомо. Не разъ ребенкомъ, а потомъ
юношей гостилъ онъ въ „Красовкѣ“ по цѣлымъ мѣсяцамъ.
Пріятели разговорились о быломъ, охваченные воспоминаніями.

— Когда же ты познакомишь меня съ женой?

— Сію минуту.

Графъ позвонилъ.

— Скажи графинѣ Маріи Николаевнѣ, — приказалъ
онъ Захару, — чтобы она была такъ добра и пришла бы къ
намъ сюда, или намъ разрѣшила бы подняться въ ея ком-
наты. Скажи, что я хочу ей представить моего друга, ба-
рона Липецъ.

Захаръ скорѣй вернулся, удачно выполнивъ порученіе.

— Графиня Марія Николаевна сейчасъ пожалуютъ
сюда, — доложилъ онъ.

Баронъ Липецъ задумчиво смотрѣлъ на дверь въ ожиданіи появленія молодой графини.

— Я не вижу у тебя ни одного портрета твоей жены. Скажи мнѣ, красива ли она?

— Сейчасъ ты ее увидишь и самъ будешь судить. Помоему, она прелестна и...

Графъ не договорилъ. Раздался легкій стукъ и онъ бросился навстрѣчу Мусѣ, открывая ей дверь.

Она появилась въ свѣтломъ лѣтнемъ туалетѣ, воздушная и граціозная, прекрасная и грустная принцесса Греза. Въ голубыхъ глазахъ барона Липецъ отразилось восхищеніе. Онъ почтительно приложился къ тонкой, нѣжной ручкѣ.

— Простите, что мы васъ потревожили, Марія Николаевна, — дружески сказалъ графъ Грегоровъ — но баронъ Липецъ такъ жаждалъ съ вами познакомиться.

— Еще бы, графиня, я вѣдь самый старый другъ вашего мужа, мы вмѣстѣ съ нимъ росли.

— Другъ графа будетъ и моимъ другомъ, — сказала она своимъ нѣжнымъ голосомъ, грустно вздохнувъ.

— Я такъ благодарна графу за все, что онъ сдѣлалъ для меня! Въ горькую минуту, на мое счастье, Господь послалъ мнѣ рыцаря-защитника. И теперь ради счастья моего спасителя я готова отдать всю мою жизнь. Говорю съ вами откровенно, такъ какъ надѣюсь, что отъ своего лучшаго друга графъ не скрываетъ правды. А для меня это благодѣяніе. Вѣчно притворяться такъ тяжело.

Друзья стояли разстроенные и молчаливые. Что могли они отвѣтить этому ребенку, жалобно смотрѣвшему на нихъ своими чистыми бархатными глазами? А Муся, овладѣвъ собой, продолжала уже самымъ обычнымъ тономъ:

— Можно сейчасъ обѣдать или вы еще побесѣдуете?

Вдругъ, рѣшаясь, графъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Марія Николаевна, я часто васъ огорчалъ, а сегодня мнѣ придется особенно васъ огорчить.

Она печально улыбнулась.

— Если это необходимо для вашего счастья и спокойствія, пожалуйста, огорчайте меня.

— Какъ я ни старался отклонить нелѣпую просьбу

моихъ знакомыхъ... мнѣ все-таки пришлось ихъ всѣхъ пригласить на завтра... вечеромъ... сюда, въ „Красовку“...

Муся слегка покачнулась и поблѣднѣла, но быстро овладѣла собой.

— Вы — хозяинъ въ своемъ домѣ, графъ, — сухо проговорила она. — Благодарю васъ, что все-таки вы меня предупредили... и избавили отъ несчастной тягостной встрѣчи.

— Вы развѣ не будете... присутствовать?

Глубоко оскорбленная, она почти съ гнѣвомъ посмотрѣла на него.

— О, нѣтъ... Вы говорите, вы всѣхъ пригласили, значить, и мою мать, и Липарскаго. Такъ развѣ я могу присутствовать?

Колѣблющейся походкой она подошла къ двери и взялась за ручку.

— Ахъ, да... я еще не успѣла вамъ сказать... моя матушка пріѣзжала сегодня ко мнѣ съ визитомъ.

— Баронесса фонъ-Саксъ? Вы съ нею бесѣдовали?

— Я не приняла ея, — отчеканила молодая женщина. И другимъ тономъ она спросила:

— Такъ вы сейчасъ будете обѣдать?

— Черезъ полчаса мы встрѣтимся въ столовой.

Съ чарующей улыбкой она повернулась къ барону Липецъ.

— До очень, очень скорого свиданья, баронъ.

Когда Муся скрылась за дверью, баронъ Липецъ долго и пристально съ удивленіемъ смотрѣлъ на графа, какъ будто видѣлъ его впервые.

— Ну, голубчикъ... Я ровно ничего не понимаю. Ты живешь подъ одной кровлей, какъ мужъ, съ прелестнѣйшей женщиной и предпочитаешь ей какую-то...

Баронъ запнулся и пожалъ плечами.

— Ты, кажется, меня плохо понялъ, Володя, несмотря на то, что я откровенно рассказалъ тебѣ все. Мой выборъ уже былъ сдѣланъ раньше, чѣмъ я женился. Союзомъ съ Маріей Николаевной я, съ одной стороны, спасалъ ее отъ матери и всѣхъ могущихъ встрѣтиться въ ея жизни искушеній, а, съ другой стороны, я какъ бы страховалъ себя отъ слабости. Несмотря на все мое безуміе, я сознаю

необычайную силу вліянія на меня Сюзанны Мельвиль, и я борюсь всѣми тѣми средствами, которыя въ моей власти.

— Не особенно ты борешься, если позволилъ себя уговорить устроить этотъ завтрашній фестиваль.

— Но ты же видѣлъ, Марія Николаевна приняла извѣстіе вполне равнодушно.

— Или ты слѣпъ, или ты не хочешь замѣчать. Я въ первый разъ видѣлъ сегодня твою жену и сразу же замѣтилъ то ужасное впечатлѣніе, которое произвело на нее извѣстіе о готовящемся на завтра празднествѣ. И ты былъ жалкимъ безумцемъ, когда согласился пригласить въ свой домъ баронессу фонъ-Саксъ и ея гнуснаго любовника — людей, сыгравшихъ такую неблагоприятную роль въ жизни твоей законной жены.

Графъ Грегоровъ нахмурился.

— Можетъ быть, ты и правъ, но теперь уже поздно обсуждать этотъ вопросъ. Я далъ слово и сдержу его. И, конечно, надѣюсь видѣть тебя среди моихъ гостей.

— Разъ ужъ это неизбѣжно, то, конечно, я прійду, хотя бы для того, чтобы поддержать графиню Марію Николаевну.

Графъ Мишель усмѣхнулся.

— Неужели ты думаешь, что я позволилъ бы когда-нибудь грубо къ ней отнестись? Она будетъ присутствовать на торжествѣ, какъ хозяйка. Это я уже подчеркнул Сюзаннѣ, и въ ней найдется столько такта, чтобы съ достоинствомъ вести себя въ моемъ домѣ. Она все еще питаетъ надежду сломить меня и женить на себѣ. Такъ для нея это будетъ своего рода экзаменъ на свѣтскую даму.

Захаръ доложилъ пріятелямъ, что обѣдъ поданъ, и они поднялись. Въ столовой ихъ уже ждала Муся, вполне оправившаяся.

За обѣдомъ она искусно поддерживала отвлеченную бесѣду и по ея любезному, оживленному личику трудно было предположить о той драмѣ, которая происходила въ ея сердцѣ.

Послѣ обѣда она предложила мужчинамъ отправиться пить кофе въ кабинетъ графа.

— Неужели вы лишите насъ своего общества? — не вытерпѣлъ положительно увлекшійся ею баронъ Липецъ.

Красота, умъ, грація и романтическая судьба сразу привлекли къ Мусѣ сердечнаго мечтателя-барона. Какъ искренно и глубоко онъ сожалѣлъ ее и какъ ненавидѣлъ Сюзанну Мельвиль, нагло врывающуюся въ домъ, чтобы задѣть и оскорбить молодую графиню, чтобы показать ей свое могущество.

И въ его головѣ уже мелькала мысль явиться счастливымъ спасителемъ, вырвать принцессу Грезу изъ заколдованнаго круга.

— Я найду къ вамъ, — улыбнулась ему Муся своей свѣтлой и кроткой, послѣднее время грустной улыбкой.

Въ кабинетѣ откровенный, пылкій и сантиментальный баронъ Липецъ не выдержалъ.

— Я тебя не понимаю, Мишель. То, что ты творишь, вѣдь, это преступленіе. Женитьбой ты спасъ прелестную дѣвушку — это похвально. Но почему ты заточилъ ее въ деревнѣ? Кто ее здѣсь увидитъ? Какую она можетъ сдѣлать партію? Ты любишь другую жизнь, но и такой женѣ надо дать жизнь и свѣтъ, чтобы и она могла полюбить. Она способна очаровать самое закоренѣлое сердце.

— Пожалуй, твое она уже очаровала?

— Сознаюсь откровенно, что если я ее увижу еще нѣсколько разъ, я могу потерять голову. Но достоинъ-ли я подобной дѣвушки?

— Ты — честный и славный, то достоинъ всякой дѣвушки, самой лучшей. И если Марія Николаевна тебя полюбитъ, то я безъ всякаго страха отдамъ ее тебѣ. Я, вѣдь, скорѣе ея опекунъ, чѣмъ мужъ. Постарайся завоевать ея сердце. И тогда я буду завидовать твоей судьбѣ... ты сдѣлаешь выборъ, несравненно лучший, чѣмъ я..

И съ тяжелымъ вздохомъ графъ закрылъ лицо руками.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Муся сама себя не понимала. Почему так нестерпимо болить ей сердце? Графъ Грегоровъ хозяинъ въ своемъ домѣ и въ правѣ приглашать кого угодно. Конечно, онъ не долженъ считаться съ желаніями и вкусами жены „по названію“.

Такъ говорить разсудокъ, но сердце не слушается, — оно протестуетъ и болить. О, какъ оно болить! А, въ сущности, какое ей, Мусѣ, дѣло до всего того, что происходитъ? А, между тѣмъ, сердце такъ бьется, словно разрывается на части. И все-таки у нея хватило силы спуститься къ обѣду и она бесѣдовала со своимъ мужемъ и его пріятелемъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Съ дѣтства она научилась владѣть собой и теперь ей особенно было цѣнно это искусство.

Баронъ Липецъ произвелъ на нее самое лучшее впечатлѣніе. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ей, что она видитъ въ немъ лучшаго друга. А какъ ей быть нуженъ другъ въ эти дни! Прежде откровенная съ Вѣрой Ивановной, теперь она замкнулась въ себѣ. Гордость не позволяла ей быть откровенной. Но если-бы она могла имѣть друга преданнаго и благороднаго! Жалкія мечты, ничего болѣе!

Муся не зашла въ кабинетъ своего мужа, хотя и обѣщала, — слишкомъ ужъ ей было тяжело. Она выскользнула въ садъ и уныло бродила по тѣнистымъ дорожкамъ.

А ночь была такъ упоительно хороша! Звѣздное покрывало спускалось надъ землей. Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ. Подъ лаской нѣжнаго вѣтерка чуть слышно перешептывалась листва. Поборовшись съ крохотнымъ облачкомъ, шалуныя-луна, наконецъ, выскользнула въ открытое небо и своимъ мягкимъ свѣтомъ заливала садъ.

Полная какого-то непонятнаго ей томленія, Муся опустилась на скамью около бесѣдки. Она вдумывалась въ то, что происходило вокругъ нея, старалась разгадать свою душу.

Но напрасно, на тысячи вопросов она не находила отвѣтовъ. Что-то томило ее, что-то заставляло ее страдать, что-то внутри ея было сильнѣе ея самой.

И вдругъ пронесся сильный порывъ вѣтра и шумно зашелестѣли листья, и маленькая тучка снова скрыла сияющую луну. Въ бесѣдкѣ рядомъ послышался какой-то странный стукъ.

Невыразимый страхъ охватилъ Мусю.

Словно чья-то невидимая рука отодвинула полотно, скрывавшее выходъ изъ бесѣдки, и показалась тонкая, стройная фигура, окутанная чернымъ покрываломъ. Ея ноги еле касались земли, она скользила, какъ тѣнь. Она промелькнула такъ быстро мимо Муси, что та въ полутьмѣ даже не успѣла разглядѣть ее. Муся замѣтила только ея бѣлыя, тонкія руки, которыя она ломала въ отчаяніи. И со стономъ вѣтра и шелестомъ листья сливались ея стоны и рыданія.

Быль то дѣйствительно призракъ или мечта разстроеннаго воображенія, Муся не могла себѣ дать отчетъ. Но сердце ея похолодѣло отъ страха, невольный крикъ ужаса сорвался съ ея устъ. Теряя сознаніе, она склонилась на скамью.

Когда она очнулась отъ своего легкаго обморока, она все еще полулежала на скамьѣ въ саду. Внезапный порывъ вѣтра затихъ и снова было свѣтло, потому что луна выплыла изъ-за тучки.

По аллеѣ кто-то быстро шелъ, направляясь къ ней, и, снова охваченная страхомъ, Муся окликнула:

— Кто тамъ?

Но прежде, чѣмъ ей успѣли отвѣтить, она уже узнала друга своего мужа, барона Липецъ, и онъ ее узналъ.

— Боже мой, это вы, графиня! Я вышелъ въ садъ подышать воздухомъ и вдругъ услышалъ чей-то крикъ. Это былъ крикъ ужаса! Онъ раздавался тутъ вблизи васъ. Неужели вы его не слышали?

Ея зубы все еще стучали отъ страха и руки были холодны, какъ ледъ.

— И вы больше ничего другого не слышали? Не слышали ужасныхъ рыданій и стоновъ?

— Нѣтъ, графиня, я только былъ свидѣтелемъ вдругъ

налетѣвшаго порыва вѣтра, такого сильнаго, что стонали деревья.

— О, если-бъ это было такъ! Мнѣ кажется, что я схожу съ ума. Вокругъ меня творится что-то ужасное. Вы слышали крикъ ужаса, баронъ, это былъ мой крикъ. Мнѣ кажется, что я видѣла ее такъ ясно, покойную графиню Серафиму. Она прошла такъ близко около меня, что ея черное покрывало задѣвало мои колѣни, и я видѣла, какъ въ отчаяніи она ломала свои блѣдныя, тонкія руки. Она проскользнула, какъ тѣнь, мимо меня вмѣстѣ съ порывомъ вѣтра, и ея жалобные стоны слились со стонами потревоженнаго сада.

Баронъ Липецъ опустился на скамью рядомъ съ трепетавшей Мусей и дружески обѣими руками взялъ ея холодныя руки.

— Успокойтесь, графиня. Всѣ эти ужасы созданы вашимъ разстроеннымъ воображеніемъ. Никакихъ привидѣній нѣтъ и быть не можетъ, мертвые не встаютъ изъ гробовъ. Я вижу, что ваши нервы разстроены до-нельзя и что вамъ нужно лѣчиться. Сегодня же я серьезно поговорю объ этомъ съ вашимъ мужемъ. Наша давняя дружба даетъ мнѣ на это право.

Но ея руки задрожали въ его рукахъ, какъ нѣжные цвѣты въ осеннюю бурю.

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ умоляю, не говорите ни одного слова графу Грегорову. Обѣщайте мнѣ, что вы будете молчать.

— Но я не понимаю, кому же заботиться о васъ, какъ не вашему мужу?

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Когда-нибудь вы поймете. Теперь я ничего не могу объяснить, но, я прошу васъ, не говорите, не говорите ему.

— Я повинуюсь вамъ, графиня, и сожалью, что вы не вполне со мной откровенны. Вы правы, конечно, потому что вы еле меня знаете. И жаль, что мы не встрѣтились съ вами раньше, можетъ быть, вы не были бы теперь въ такомъ состояніи.

— О, — это все пройдетъ. Вы можете смѣяться надо мной, но даю вамъ слово, что меня испугало видѣніе. Не мнѣ первой является призракъ покойной графини. Едва

я приѣхала въ „Красовку“, какъ я узнала о томъ, что мятежная душа ея блуждаетъ, что стоны ея наводятъ ужасъ на мѣстныхъ крестьянъ. Въ первую же ночь я видѣла ее во снѣ. Потомъ я ее видѣла во снѣ второй разъ, и ея явленіе предвѣщало мнѣ неожиданное горе. А теперь она пронеслась мимо меня легкою тѣнью, ломая руки, и ея стоны наполняли весь садъ. И я знаю, я чувствую, что ея появленіе предвѣщаетъ мнѣ какое-то несчастье.

— Я твердо стою на своемъ, графиня. Вы чѣмъ-нибудь огорчены, ваши нервы разстроены, воображеніе ваше было подготовлено, а тутъ еще этотъ неожиданный порывъ вѣтра... И, по всей вѣроятности, въ такую минуту, когда вы замечались... Можно только удивляться, что вамъ одно видѣніе явилось, а не десятокъ.

— Но графиня Серафима являлась и многимъ другимъ.

— Вотъ эти-то сплетни и сыграли важную роль, подготовивъ васъ къ разнымъ чудесамъ. Успокойтесь, пройдитесь немного по воздуху, а потомъ и ложитесь спать. Утро вечера мудренѣе.

— Но не для меня, — вырвалось у Муси. — Не для меня, — повторила она съ горечью.

— Понимаю... Вы намекаете на завтрашнее торжество... Повѣрьте, графиня, я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы разстроить этотъ безобразный пиръ. Я былъ безсиленъ... Вашъ мужъ неосторожно, не подумавъ, далъ слово и долженъ его сдержать.

— Я не претендую... и моя глубокая благодарность къ графу не уменьшится. Я знаю свое мѣсто... Я — жена по названію, жена — изъ милости... Если-бы не графъ... можетъ быть, меня уже не было бы на свѣтѣ.

Она вздохнула.

— И, пожалуй, это было бы лучше...

— Что вы говорите, графиня? Вся жизнь передъ вами, чистое дитя. Когда вы полюбите, — а это несомнѣнно должно случиться, — тогда графъ дастъ вамъ свободу и устроитъ вашу жизнь. Онъ хорошо сознаетъ эту свою обязанность и нисколько не тяготится ею.

— О, думаю, что онъ съ удовольствіемъ выполнитъ бы эту свою задачу, и какъ можно поскорѣе, чтобы изба-

виться отъ меня, — тономъ обиженного ребенка бросила Муся.

— Нѣтъ, графиня, онъ такъ васъ уважаетъ, такъ цѣнить ваши достоинства...

— Можетъ быть, и любить меня? — съ ироніей спросила она.

— Конечно, любить, какъ дорогую, славную сестренку... Женою онъ считаетъ другую женщину...

— И я вижу, что мѣшаю ей, — со слезами въ голосѣ сказала Муся. — Да, я ей мѣшаю даже здѣсь, въ далекой „Красовкѣ“! И для ихъ обоюднаго счастья мнѣ лучше уйти отсюда, навсегда уйти... Графъ можетъ быть спокоенъ за свое имя, я съ достоинствомъ буду носить его... я...

Муся расплакалась и не могла продолжать.

— Ахъ, Боже мой, я хочу васъ утѣшить... и не могу... Жалкій я человѣкъ, я еще больше васъ разстроилъ.

Она осушила слезы маленькимъ батистовымъ платочкомъ и грустно улыбнулась. Такъ улыбается солнце въ дождливый день.

— Никто меня не утѣшитъ, — нѣжно проговорила она. — Никто. Весь міръ мнѣ чуждъ и я чужая всему міру. Отецъ мой въ могилѣ, онъ только одинъ искренно любилъ меня.

И Муся заплакала.

Покачивая головой, пристально глядѣлъ на нее баронъ Липецъ.

— Я бы хотѣлъ сказать вамъ одну правду, графиня. Разрѣшите?

Она утвердительно кивнула головой.

— Мнѣ кажется, что вы любите своего мужа... но сами еще не отдаете себѣ отчета въ своемъ чувствѣ.

Вся кровь бросилась ей въ голову.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — съ отчаяніемъ проговорила она. — Это было бы слишкомъ большое для меня несчастье.

— Но почему?

— Я изъ тѣхъ, которыя разъ и навѣки отдаютъ свое сердце... Таковъ былъ мой отецъ, и потому онъ страдалъ всю жизнь.

— И все-таки вы любите своего мужа...

Она поднялась, пылающая, вся еще въ слезахъ. Она стыдилась теперь взглянуть на этого друга. Она боялась самой себя. Сердце стучало въ ея груди, билось, какъ испуганная птичка.

Безпощадная рука „друга“ сорвала завѣсу съ ея глазъ, и теперь бѣдняжка Муся познала самое себя. Онъ сказалъ то слово, котораго она такъ боялась. Любовь? Неужели онъ правъ? Неужели она любитъ?

— Да, да, я устала, мои нервы натянуты, мнѣ нуженъ отдыхъ, — безсвязно залепетала она. — Я пойду въ свои комнаты. Вѣдь надо еще подумать о завтрашнемъ днѣ...

— О завтрашнемъ днѣ? Что же вы рѣшили относительно завтрашняго дня?

Она нервно и горько размѣялась.

— О, пусть веселятся. Развѣ я могу имъ мѣшать? И развѣ они будутъ вспоминать обо мнѣ? Но я не хочу быть свидѣтельницей ихъ торжества. Я не считаю себя хозяйкой „Красовки“. Я не хочу ихъ видѣть и не хочу, чтобы они видѣли меня.

Она вздохнула.

— Я подумаю еще. Завтра утромъ у меня экзамень. Послѣдній экзамень. Я распушу свою школу. И съ часу дня я уже буду принадлежать самой себѣ. Я не останусь, они не будутъ тѣшиться. Я найду себѣ укромное мѣстечко, гдѣ меня никто не разыщетъ. Я вернусь въ свои комнаты, когда смолкнетъ музыка, когда погаснутъ огни, когда развѣдутся всѣ экипажи.

Она крѣпко, по-мужски пожала ему руку.

— Благодарю васъ за добрыя слова, за добрыя чувства. Спокойной ночи.

Нѣсколько порывистыхъ шаговъ, и она снова остановилась.

— Только ваше предположеніе невѣрно. Глубокая благодарность и дружба привязываютъ меня къ графу, а любовь... О, это было бы слишкомъ страшнымъ наказаніемъ. Нѣтъ, нѣтъ, Господь помилуетъ меня, избавитъ меня отъ страданій.

И быстрыми, легкими шагами, не оглядываясь, не останавливаясь, Муся вышла изъ сада.

Придя въ свои комнаты, она достала дневникъ и взялась за перо.

„Люблю ли я его? О, зачѣмъ этотъ другъ сказалъ мнѣ это слово! Инстинктивно я себя хранила отъ всякихъ мыслей о любви. Но, кажется, онъ правъ, этотъ другъ. Иначе мое сердце не разрывалось бы такъ на части отъ мучительной боли. Когда графъ приближался ко мнѣ и когда я слышала его голосъ, — это бѣдное сердце такъ радостно трепетало. Но онъ любить другую. Я не имѣю никакихъ правъ. Я не смѣла надѣяться и не смѣю протестовать. Но развѣ могла я приказать своему сердцу? Въ самую тяжелую минуту, когда мнѣ казалось, что я гибну, явился онъ на моемъ пути, прекрасный рыцарь. Боже мой, могла ли я воспротивиться чарамъ этого образа? И развѣ преступное что я совершила, — я — его жена передъ Богомъ и людьми? О, насмѣшка! Святая церковь насъ соединила, но онъ не былъ моимъ и никогда не будетъ моимъ. Я люблю, люблю... А завтра?! Зажгутся пышные огни, заиграетъ веселая музыка и душистыми цвѣтами посылетъ онъ путь своей избранницы. А мое сердце будетъ разрываться отъ боли. И подъ ихъ веселья пѣсни и смѣхъ я буду плакать горькими слезами“.

XXXII

ПИРУШКА

Слѣдующій день, день, назначенный для веселаго пира, былъ упоительно хорошъ. Весна уже стояла у границы лѣта, и солнце свѣтило ярко, и пышный бутонъ природы превратился въ полураспустившійся цвѣтокъ.

Въ „Красовкѣ“ царила суматоха. Аллеи, домъ, двери украшались зелеными гирляндами и разноцвѣтными фонариками. На кухнѣ шла стряпня, готовился Лукулловскій ужинъ. Верховые съ разными порученіями помчались въ городъ. Въ саду были срѣзаны почти все цвѣты

и ими украшались парадныя комнаты въ господскомъ домѣ.

Грегоровъ всталъ поздно, хмурый и блѣдный, и самъ всюду вмѣшивался, распорядясь и приказывая. Суетился хозяинъ дома, а съ нимъ суетились управляющій, его помощникъ и вся челядь.

Одна только молодая графиня казалась спокойной и невозмутимой. Правда, она была блѣднѣе обыкновеннаго и легкая тѣнь лежала подъ ея глазами, но она была спокойна и невозмутима. Встала рано, въ свой обычный часъ отправилась въ школу, экзаменовала послѣднюю серію дѣтишекъ, сказала имъ на прощанье сердечное „слово“ и отпустила ихъ на все лѣто помогать родителямъ въ работѣ.

Въ часъ ранняго деревенскаго обѣда графъ Грегоровъ еще спалъ, и потому молодая графиня отобѣдала въ обществѣ Вѣры Ивановны, а затѣмъ приказала себѣ осѣдлатъ лошадь.

Вѣра Ивановна съ тревогой слѣдила за блѣднымъ личикомъ Муся, за ея нервными, порывистыми движеніями.

— И вы надолго, графиня? — не вытерпѣла Вѣра Ивановна, когда Муся, простившись съ ней, заявила, что идетъ въ свои комнаты, чтобы переодѣться.

— Право, не знаю, Вѣра Ивановна. Какъ захочется. Ахъ, да, забыла совсѣмъ, вѣдь у меня къ вамъ просьба. Можетъ быть, вы подниметесь со мной въ мои комнаты?

— Съ удовольствіемъ, графиня.

Муся не позвала горничной, а переодѣлась сама, съ помощью Вѣры Ивановны, въ темно-синюю амазонку изъ тонкаго сукна съ бѣлыми отворотами и бѣлыми пуговками.

— Какая же у васъ просьба ко мнѣ, графиня? — прервала долгое молчаніе Вѣра Ивановна.

Краснѣя и опустивъ глаза, Муся заговорила:

— Видите ли... сегодня здѣсь пиръ... чуждый мнѣ и, конечно, я не буду среди пирующихъ.

— Вы не будете? Но развѣ это не разсердить графа?

— О, я думаю, что онъ даже и не вспомнитъ обо мнѣ, — горько разсмѣялась Муся, — но хотя бы и вспомнилъ... я, все равно, отказалась бы присутствовать на этомъ пиру. Слишкомъ много будетъ лицъ, мнѣ непріятныхъ, ко-

торымъ я не могла бы подать руку и которыя не посмѣли бы смотрѣть мнѣ прямо въ глаза... Такъ ужъ лучше я удалюсь... И вотъ, въ чемъ заключается моя просьба, Вѣра Ивановна. Когда ужъ мнѣ некуда будетъ себя дѣвать, разрѣшите мнѣ воспользоваться вашимъ приглашеніемъ.

— Я такъ буду рада, графиня!

— Изъ вашихъ оконъ мы вмѣстѣ полюбуемся блескомъ праздничныхъ огней и насладимся веселой музыкой. Я даже не откажусь выпить бокалъ шампанскаго и чокнуться съ вами за здоровье дорогихъ графу гостей.

— Кто же будетъ среди этихъ гостей? Кто именно вамъ такъ непріятенъ? — осмѣлилась спросить Вѣра Ивановна.

Муся уже стояла передъ зеркаломъ, тоненькая, стройная и элегантная въ своей амазонкѣ, и надѣвала бѣлую фуражку съ синимъ окольшемъ.

— О, какъ вы любопытны, Вѣра Ивановна! — насмѣшливо улыбнулась она. — Но я не буду скрывать отъ васъ то, что сегодня же будетъ достояніемъ всей „Красовки“. Среди гостей вы увидите баронессу фонъ-Саксъ, мою мать, господина Липарскаго, котораго баронесса любить гораздо больше, чѣмъ свою родную, единственную дочь, и Сюзанну Мельвиль, фарсовую актрису, которая графу Грегорову, моему мужу, дороже всего на свѣтѣ...

Тонъ молодой графини, бравурный и полный горечи, былъ новымъ въ ея устахъ, и Вѣра Ивановна съ удивленіемъ къ нему прислушивалась. Случилось что-то, что заставило графиню Марію Николаевну такъ заговорить.

— Будьте добры, Вѣра Ивановна, позвоните, — попросила Муся, натягивая бѣлыя перчатки.

И приказала впорхнувшей Мотѣ:

— Дай мнѣ хлыстикъ и пусть лошадь подаютъ къ крыльцу.

Какъ разъ въ это время графъ Грегоровъ и баронъ Липецъ прогуливались по двору, осматривая развѣшенные гирлянды и фонарики.

— Къ вечеру, — распоряжался графъ, — всю эту аллею, идущую отъ крыльца, надо будетъ усыпать цвѣтами...

И, повернувшись, онъ увидѣлъ гнѣдаго подь дамскимъ сѣдломъ, обитымъ бѣлой замшей.

— Кто это собирается кататься?

— Наша графиня! — бойко заявила Мотя, державшая лошадь подь узды.

— А... — не то съ удивленіемъ, не то съ досадою протянулъ графъ.

А баронъ Липецъ слегка взволновался.

— Вѣроятно, графиня Марія Николаевна хорошая наѣздница, если ты отпускаешь ее одну?

— Не знаю, — съ досадою отвѣтили графъ. — Когда я просилъ ее поѣхать со мной верхомъ, она отказалась... А если-бы она поѣхала, все, можетъ быть, было бы иначе... и мы теперь не готовились бы къ пиру.

— Графиня, какъ видно, очень мало занята твоими приготовленіями, — съ ироніей сказала баронъ Липецъ. — Но если ты ничего не имѣешь противъ, я предложу ей свои услуги и поѣду съ ней... Право, я не умѣю устраивать всѣ эти „фестивалы“ и только мѣшаю твоимъ хлопотамъ.

Очевидная досада отразилась на лицѣ графа Грегорова.

— Миѣ ты нисколько не мѣшаешь, и я радъ твоему обществу. Конечно, я ничего не имѣю противъ твоей поѣздки съ графиней Маріей Николаевной, но... но врядъ ли ей это будетъ пріятно... Она привыкла къ самостоятельности и къ уединенію...

Баронъ Липецъ отвѣтилъ просьбой подать и ему осѣдланную лошадь, „на случай согласія“ молодой графини.

Но Муся вышла на крыльцо раньше, чѣмъ подали лошадь барону. Она замѣтила устремленныя на нее двѣ пары глазъ и въ смущеніи остановилась. Яркіе лучи солнца заливали ее, и какъ она была прекрасна въ эти мгновенія! Нельзя было ею не любоваться.

Но вотъ ей подали стремя. Въ одно мгновеніе она уже сидѣла на сѣдлѣ, стройная, изящная, ловкая.

— Одну минуту, графиня!

И оба друга поспѣшили къ ней.

— Мы съ вами еще не видѣлись сегодня, — пробормоталъ графъ Грегоровъ.

— Къ сожалѣнію, — улыбулась она, — я не могу подать вамъ руку, такъ какъ обѣ заняты.

— Добрый день, графиня, — раскланялся баронъ Липецъ.

— И вамъ я не могу подать руку по той же причинѣ.

— За это „оскорбленіе“ вы, можетъ быть, захотите вознаградить меня? — пошутил баронъ Липецъ.

— Не знаю только какъ?

— Я подскажу. Сейчасъ мнѣ приведутъ осѣдланную лошадь. Разрѣшите васъ сопровождать въ вашей прогулкѣ.

Нѣсколько мгновеній она колебалась.

— Я не могу отказать въ первой просьбѣ другу моего мужа, — лукаво отвѣтила она. — Особенно послѣ нашей съ вами дружеской бесѣды вечеромъ въ саду.

Графъ съ удивленіемъ взглянулъ на Мусю, а потомъ на своего друга.

— Вчерашнюю вечернюю бесѣду? — переспросилъ онъ.

— Ну, да... Когда мы съ тобой разстались, я прошелъ въ садъ, чтобы прогуляться передъ сномъ, и встрѣтилъ тамъ твою жену, мечтавшую при лунѣ. Вчера послѣ этого мы съ тобой не видѣлись, а сегодня я еще не успѣлъ тебѣ „доложить“... И вотъ, мы разговорились съ графиней...

— Что жъ... теперь, во время прогулки, вы можете продолжать дружескую бесѣду, — съиронизировалъ графъ Грегоровъ.

— Ого, ты, кажется, ревнуешь?

— Я не имѣю права ревновать, — подчеркнул графъ.

Яркая краска заливала щеки Муси, бесѣда эта была для нея крайне тягостна, и она обрадовалась, когда увидѣла осѣдланную лошадь, которую вели для барона Липецъ.

— А вотъ и ваша лошадь. Если хотите раздѣлить мою прогулку, не теряйте времени.

Въ одно мгновеніе баронъ Липецъ былъ уже въ сѣдлѣ.

— Я къ вашимъ услугамъ, графиня.

— Не забудь только, что ты сегодня со мной пируешь.

— Баронъ вернется во-время, — небрежно проговорила Муся, хлыстнувъ своего гнѣдого.

Баронъ Липецъ послѣдовалъ ея примѣру, и они дружно поскакали рядомъ.

„Красивая пара! — съ досадою подумалъ графъ Григоровъ, глядя имъ вслѣдъ. — Что-жъ, можетъ быть, Володя сумѣетъ побѣдить это нетронутое сердце. Ему я могу ее отдать спокойно, это надежныя, честныя руки.“

И на душѣ становилось какъ-то тяжело при мысли, что надо Мусю кому-нибудь отдать. И онъ самъ себя не понималъ, почему ему тяжело?

— Она такая славная, я привыкъ къ ней, — отвѣтилъ онъ на свой вопросъ. — Сейчасъ я въ роли „отца“ или „опекуна“, которому непріятно разстаться съ милымъ существомъ, о которомъ приходилось заботиться.

И, какъ бы желая стряхнуть съ себя ненужныя мысли, онъ снова энергично принялся за свои распоряженія.

Муся долго мчалась быстрымъ галопомъ, пока, наконецъ, не скрылись всѣ строенія „Красовки“. И только въ паркѣ она сдержала гнѣдого. Баронъ Липецъ внимательно вглядывался въ ея лицо.

— Вы очень красивы, графиня, и вамъ идетъ амазонка, вы въ ней прелестны, но... все-таки вашъ сегодняшній видъ мнѣ не нравится. Вы нездоровы, можетъ быть?

— Да, у меня сегодня плохой видъ... и не мудрено... Я провела безсонную ночь.

— И виною этому, конечно, злосчастное празднество?

— О, только отчасти! А главный виновникъ моей безсонницы — это вы.

— Я?! Вы огорчаете меня, графиня! Если вы не шутите, я на колѣняхъ готовъ каяться!

— Теперь ужъ поздно.

Пунцовая, какъ маковъ цвѣтъ, она прошептала:

— Неосторожнымъ словомъ вы сорвали повязку съ моихъ глазъ, вы открыли мнѣ мое собственное сердце... Да, вы угадали, я люблю графа.

Она тяжело вздохнула.

— Это самое ужасное изъ всѣхъ несчастій, которыя до сихъ поръ посылала мнѣ судьба. Сердцемъ, которое

можетъ отдаться только разъ и навѣки, завладѣль, самъ того не подозрѣвая, человѣкъ, который любитъ другую... И теперь, когда я узнала страшную для меня правду, мнѣ остается только одно: какъ можно скорѣе бѣжать отсюда. Я, обычно такая скрытная, такъ откровенна съ вами, съ человѣкомъ, котораго я едва знаю, но мое отчаянное положеніе вынуждаетъ меня къ этому. Во-первыхъ, вы другъ графа, во-вторыхъ, вы произвели на меня самое лучшее впечатлѣніе. Сердце мое никогда меня не обманываетъ и я чувствую, что вамъ можно вполне довѣриться. И у меня къ вамъ такая большая, большая просьба.

— Я весь въ вашемъ распоряженіи, графиня.

— Теперь, когда я поняла, что... люблю графа Грегорова, теперь у меня нѣтъ больше силъ здѣсь оставаться. Даже для работы я не могу быть полезна... нарушенъ мой покой, я страдаю... нѣтъ равновѣсія... Какая же я теперь работница? Я должна бѣжать отсюда какъ можно скорѣе. Переговорите съ графомъ. Только, умоляю васъ, даже не намекайте ему на мое чувство. Это было бы для меня униженіемъ... Говорите ему все, что хотите, только не это. Повліяйте на него, чтобы онъ меня какъ можно скорѣе отпустилъ. Я предпочла бы перебраться въ мой родной городъ, чтобы жить вблизи дорогой могилы, могилы моего отца. Согласны ли вы взять на себя трудное порученіе?

— Я сдѣлаю все, что будетъ въ моихъ силахъ, графиня. Все мое краснорѣчіе къ вашимъ услугамъ. И, думаю, что мнѣ удастся убѣдить графа. Онъ устроитъ вашу жизнь вдали отъ себя.

Муся вздохнула.

— Устроить? Что вы хотите этимъ сказать? Неужели вы думаете, что я приму отъ графа Грегорова какую-нибудь денежную помощь? Я и такъ его неоплатная работница.

— Но развѣ у васъ есть свои средства?

— Никакихъ! Но я буду работать.

— Тутъ ужъ я впередъ вамъ заявляю, что мнѣ не удастся убѣдить Мишеля. Вамъ придется считаться съ тѣмъ, что вы носите его имя. Онъ далъ его вамъ съ полнымъ довѣріемъ и не потерпитъ, чтобы графиня Грегорова

рова бѣгала по урокамъ, я его хорошо знаю. Снобизмъ въ его крови, и тутъ вы его не передѣлаете. Самая пылкая любовь не могла его заставить жениться на Сюзаннѣ Мельвиль. Онъ предпочелъ этому жестокия муки и предпочтетъ самую смерть. И я не сумѣю уговорить его позволить вамъ трудомъ зарабатывать вашъ хлѣбъ, какъ не сумѣлъ бы его уговорить жениться на Сюзаннѣ Мельвиль. Теперь рѣшайте, какъ я долженъ поступить.

Нервный ударъ хлыста, и гнѣдой снова помчался, минуя паркъ, межъ полей. Лошадь барона Липецъ не отставала.

— Если-бы вы знали, какъ я несчастна! — проговорила Муся. — Я прямо теряю голову... Неужели вы ничего мнѣ не посовѣтуете?

Она опять сдержала гнѣдого.

— Вотъ мой совѣтъ: уѣзжайте изъ „Красовки“ въ вашъ родной городъ, но предоставьте графу, какъ вашему мужу, заботиться о вашей судьбѣ, пока она не устроится иначе... И если вы меня уполномачиваете, въ этомъ духѣ я могу съ нимъ переговорить.

— Я васъ уполномачиваю, но не откладывайте. Завтра же.

— Отлично! Завтра же! Вдали отъ графа и всей этой оскорбительной для васъ суеты вы успокоитесь и сумѣете вырвать изъ сердца робкое зарождающееся чувство... и сердце ваше будетъ открыто для новой любви.

— Никогда!

Это слово съ такою горячностью сорвалось съ ея устъ, что ей стало стыдно... и смущенно она добавила:

— Графъ, конечно, недоволенъ, что вы такъ долго отсутствуете. Поѣзжайте обратно въ „Красовку“.

— Я не могу васъ оставить одну въ такомъ состояніи.

— О, не бойтесь за меня... Я еще проѣдусь немного... и потомъ проведу весь остальной день и вечеръ въ квартирѣ управляющаго съ его женой.

— Я не оставлю васъ одну, — упрямо повторилъ баронъ Липецъ, — поѣдьте вмѣстѣ обратно, когда вамъ вздумается.

— Въ такомъ случаѣ, повернемъ...

Галопомъ, почти не разговаривая, они вернулись въ

„Красовку“. Добрыхъ часовъ пять или шесть потратили они на прогулку. Сумерки уже надвигались, и графъ Грегоровъ послалъ за ними гонца.

Муся прямо сошла у подъѣзда флигеля, занимаемого управляющимъ. Мотя принесла бѣлое платице и Муся переодѣлась. Вѣра Ивановна предложила ей отдохнуть, и послѣ бессонной ночи и долгой прогулки верхомъ она не могла противостоятъ искушенію.

Вѣра Ивановна помогла Мусѣ раздѣться и уложила ее въ мягкую постельку въ маленькой уютной комнаткѣ. И Муся заснула, какъ убитая. Ни звуки музыки, ни стукъ колесъ, ни веселый говоръ и смѣхъ, ничто не могло разбудить Мусю отъ ея крѣпкаго сна, тѣмъ болѣе, что Вѣра Ивановна заботливо закрыла окна.

— Ты, кажется, серьезно начинаешь ухаживать за моей женой? — недовольнымъ тономъ спросилъ графъ Грегоровъ своего друга.

— Почему тебя это сердить? Я знаю твои отношенія къ графинѣ Маріи Николаевнѣ, и если-бы сталь за нею ухаживать, то только съ самымъ серьезнымъ намѣреніемъ и съ твоего согласія.

— Нужно ея расположеніе, а не мое согласіе.

— Постой, Мишель, до пріѣзда твоихъ гостей остается еще добрый часъ и я вижу, что все у тебя готово къ ихъ пріему... такъ что ты можешь удѣлить четверть часа для серьезной бесѣды.

— Можетъ быть, ты уже сегодня хочешь сдѣлать предложеніе моей женѣ? — съ ѣдкимъ сарказмомъ спросилъ графъ.

— Не глупи! Бѣдняжка страдаетъ, страданій этихъ она не заслужила и ты долженъ придти ей на помощь. Не буду лгать, ни одна женщина въ мірѣ такъ меня не привлекала обаяніемъ, полнымъ гармоніи, какъ графиня Марія Николаевна... И, защищая свое сердце, я долженъ буду бѣжать отсюда, потому что ея сердца мнѣ никогда не завоевать! Оно уже занято.

— Еще одна новость! Интересно знать, кто именно завоевалъ эту на видъ неприступную крѣпость?

Брось свои шутки, я въ нихъ тебя не узнаю. Неужели ты не замѣчаешь, что бѣдняжка полюбила именно тебя?

— Меня?!

— И чему ты удивляешься — не понимаю. Единственный порядочный человекъ, котораго она видѣла въ Питерѣ — это былъ ты. Ну, и здѣсь она вообще, кромѣ тебя, никого не видѣла.

— Почему же ты знаешь?

— Ахъ, Боже мой, если бы я не зналъ, то не говорилъ бы. И она такъ боится, что ты проникнешь въ ея тайну. А, между тѣмъ, она хочетъ бѣжать отсюда, отъ тебя, отъ всего того, что можетъ ей тебя напоминать. И надо ей помочь вылѣчиться отъ безнадежнаго чувства. Только, ради Бога, не подай виду, что я все тебѣ открылъ. Она меня такъ просила, но я не могъ иначе поступить. Я долженъ былъ тебѣ все сказать.

— Ты такъ меня поразилъ.

— Не поражайся, а лучше помоги ей какъ можно скорѣе отсюда уѣхать. Она избрала свой родной городъ. Тамъ все-таки она кое-кого знаетъ и тамъ могила ея отца.

— Я подумаю.

— Ты долженъ завтра мнѣ дать отвѣтъ.

— Черезъ два-три дня ты его получишь.

— Но, Мишель...

Зазвенѣли колокольчики, возвѣщавшіе пріѣздъ гостей, и волей-неволей пріятелямъ пришлось прекратить бесѣду.

Графъ Грегоровъ вышелъ навстрѣчу своимъ гостямъ, которые подѣзжали по цвѣтамъ, усыпавшимъ ихъ путь, въ яркомъ освѣщеніи, при веселыхъ звукахъ военной музыки.

— А графиня? — ядовито спросила Сюзанна.

— Ей нездоровится... но, можетъ быть, она еще придетъ, — отвѣтилъ смущенный хозяинъ.

— Намъ не будетъ скучно безъ нея, — игриво шепнула ему Сюзанна, и почему-то была неприятна эта фраза въ ея устахъ.

Пиръ совсѣмъ не былъ такимъ веселымъ, какъ можно было ожидать. Правда, угощеніе было на славу и вино лилось рѣкой, и гремѣла музыка, но истиннаго веселья не было.

Торжествовала баронесса фонъ-Саксъ, присутствуя

въ „Красовкѣ“ помимо воли дочери... Торжествовала и Сюзанна Мельвиль, разыгрывая роль хозяйки.

Но сумрачный видъ былъ у хозяина, а князь Малаевъ, сверкая глазами, упорно слѣдилъ за нимъ и за своей невѣстой.

Опьяненная шампанскимъ, Сюзанна выбрала минуту и и прошептала, склонившись къ графу Грегорову:

— Мнѣ нужно сказать тебѣ два слова... Я пройду въ садъ... а ты иди за мной.

И графъ Грегоровъ, опьяненный шампанскимъ и чарами весны, въ знакъ согласія, кивнулъ ей головой.

Сюзанна скользнула въ садъ, за нею скользнулъ графъ Грегоровъ, а минутъ пятнадцать спустя за ними осторожно, какъ крадущійся тигръ, послѣдовалъ князь Малаевъ. Но маневръ ревниваго жениха былъ замѣченъ барономъ Липецъ, и другъ графа также направился въ садъ.

XXXIII

ОСКОРБЛЕНІЕ

Весь цвѣтникъ былъ освѣщенъ фонариками и только въ глубинѣ сада, гдѣ начинались фруктовыя деревья, царилла ночь. Сквозь густую листву въ аллею не проникалъ даже лунный свѣтъ.

Встрѣтившись въ цвѣтникѣ, Сюзанна Мельвиль и Графъ Грегоровъ постепенно углублялись въ садъ. Очувшись въ темной аллеѣ, они вдругъ сразу остановились и движимые порывомъ страсти, бросились другъ другу въ объятія. Они замерли въ долгомъ поцѣлуѣ, и когда губы ихъ снова разъединились, то, взявшись за руки, пошатываясь, они подошли къ большой скамьѣ и опустились на нее.

— Любишь ли ты меня? — вся дрожа отъ страсти и любви, спросила Сюзанна.

— Если-бъ кто-нибудь другой могъ тебѣ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ! Я не понимаю своего сердца, я самъ себя не понимаю. Сейчасъ мнѣ кажется, что я люблю тебя. За одинъ твой поцѣлуй я не взялъ бы сокровищъ цѣлаго міра. Но...

— Какое же „но“, мой милый? — съ тоскою спросила Сюзанна.

— Но еще нѣсколько часовъ тому назадъ я тебя смертельно ненавиждѣлъ.

— За что?

— Ты лучше спроси меня, за что я люблю тебя сейчасъ такъ безумно? Скорѣй я долженъ тебя ненавиждѣть, чѣмъ любить. Ты сдѣлала меня своимъ рабомъ, рабомъ низменной страсти.

— Низменной?

— Да, да, низменной... Ни мое сердце, ни мой умъ не одобряютъ этой любви. И нѣтъ во мнѣ ни капли уваженія къ той женщинѣ, которую я въ безумной страсти сжимаю въ своихъ объятіяхъ.

— Почему ты такъ жестокъ со мной сегодня?

— Я и самъ не знаю. Я словно весь горю въ какой-то лихорадкѣ. Хуже всего то, что я себя не понимаю. Но теперь ты меня ни о чемъ не выпрашивай. Теперь я люблю тебя, я жажду твоихъ ласкъ, и все остальное мнѣ уже не нужно. Бери меня такимъ, какой я есть, безъ разсужденія, безъ допросовъ. Ты часто лгала въ своей жизни, Сюзанна, но теперь мнѣ кажется, что ты не лжешь, когда говоришь, что любишь меня. Такъ во имя этой любви, во имя мгновеній нашего безумнаго счастья — не заставляй меня разбираться въ моей душѣ. Къ хорошему это не приведетъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ выслушивала Сюзанна слова своего возлюбленного, но въ эту чудную весеннюю ночь ей самой не хотѣлось допрашивать и вывѣдывать. Ей хотѣлось ласкъ и нѣжныхъ увѣреній въ любви.

— Да, да, мой милый. Не будемъ философствовать,— сказала она, склоняя голову къ нему на плечо.

— Сейчасъ ты меня любишь и я люблю тебя. Сейчасъ весь міръ намъ принадлежитъ, потому что онъ весь въ насъ самихъ. Цѣлуй меня.

И руки ихъ сплелись въ тѣсномъ объятіи и губы ихъ соединились.

Весенняя ночь была дивно хороша и дышала страстью; напоенный чудеснымъ ароматомъ, садъ замеръ, объятый волшебной тишиной.

Въ кустахъ слышались порохъ и чьи-то заглушенные шаги. Но въ упоеніи поцѣлuya страсти Сюзанна и графъ Грегоровъ не слышали ничего, ничего не страшались.

И вдругъ кто-то словно выросъ передъ ними съ подавленнымъ крикомъ, чья-то рука угрожающе поднялась, и въ ночной темнотѣ сверкнуло лезвіе кинжала.

Дико вскрикнувъ, Сюзанна отскочила отъ графа Грегорова.

Онъ выпрямился, блѣдный.

Въ этой темной фигурѣ, въ искаженныхъ чертахъ, онъ узналъ жениха своей возлюбленной.

Но почему кинжалъ, съ дикимъ бѣшенствомъ направленный въ его грудь, остановился?

— Вы жестоко оскорблены, князь, — слышался въ темнотѣ голосъ барона Липца, — но простымъ убійствомъ порядочные люди не сводятъ личныхъ счетовъ. Это пріемъ преступника. Убѣжденъ, что другъ мой, графъ Грегоровъ, не откажется дать вамъ справедливое удовлетвореніе.

— Я къ услугамъ князя Малаева, — спокойно подтвердилъ графъ Грегоровъ.

— Дуэль! Боже мой, дуэль! — съ отчаяніемъ проговорила Сюзанна.

При звукѣ ея голоса, князь Малаевъ задрожалъ отъ бѣшенства и снова рука его искала рукоятку кинжала. И снова твердая рука барона Липца остановила его руку.

— Въ присутствіи женщины, — хладнокровно, съ отѣнкомъ презрѣнія, проговорилъ баронъ Липецъ, — мы не можемъ продолжать нашъ разговоръ.

— Я ни минуты не останусь въ этомъ домѣ! — съ гнѣвомъ крикнулъ князь Малаевъ. — У насъ, на Кавказѣ, никто не посмѣлъ бы остановить мою справедливую месть! Довѣрчиво пришелъ я сюда, какъ гость, — и хозяинъ подъ своей кровлей смертельно оскорбилъ меня. И вы еще будете меня увѣрять, что такъ поступаютъ порядочные люди!

Блѣдное лицо графа Грегорова ярко вспыхнуло и глаза его загорѣлись.

— Ни слова болѣе. Я васъ оскорбилъ и своею кровью

готовъ заплатить за оскорбленіе. О днѣ и часѣ вы можете переговорить съ моимъ другомъ, барономъ Липецъ.

Графъ Грегоровъ корректно поклонился и быстрыми шагами направился въ глубину аллеи. Сюзанна все еще стояла растерянная, хлопая широко открытыми глазами, молчаливая, — сразу вдругъ потерявшая даръ слова.

Весь бѣшенный гнѣвъ дикаго человѣка обрушился на нее.

— Подлая! Какъ умѣла лгать и обманывать! Со мною разыгрывала роль неприступной, чтобы женить меня на себѣ, а сама отдавалась первому встрѣчному. Дѣвка....

Сюзанна тихо вскрикнула и закрыла лицо руками, какъ будто это невольное движеніе могло ее предохранить отъ оскорбленій.

Но снова вмѣшался великолѣпно владѣвшій собою, холодный и разсудительный баронъ Липецъ.

— Перестаньте, князь... вѣдь, передъ вами женщина! Полное презрѣніе и неудавшіеся планы будутъ лучшимъ наказаніемъ для этой особы... Предоставьте ее ея собственной судьбѣ. Сейчасъ же поѣдьте ко мнѣ, и тамъ мы обсудимъ форму „удовлетворенія“.

Глаза барона Липецъ съ холоднымъ презрѣніемъ остановились на Сюзаннѣ.

— И вамъ, сударыня, я позволю себѣ дать маленькій совѣтъ: уѣзжайте отсюда немедленно къ своей гостепріимной подругѣ, баронессѣ фонъ-Саксъ. Послѣ того, что здѣсь случилось, вамъ не мѣсто въ домѣ графини Грегоровой, которую вы такъ оскорбили, рѣшившись на интрижку съ ея мужемъ подъ ея же кровлей.

О, какъ много могла бы возразить ему Сюзанна на эти презрительныя слова, но сейчасъ она была слишкомъ подавлена. Мысль о предстоящей дуэли сводила ее съ ума. О, надо помѣшкать имъ во что бы то ни стало! Но какъ она можетъ помѣшкать?!

Баронъ Липецъ объ руку съ княземъ Малаевымъ удалился, и она осталась одна въ темной аллеѣ у скамьи, сидя на которой она съ такимъ наслажденіемъ, еще десять минутъ тому назадъ, отдавалась ласкамъ любимаго человѣка. А, можетъ быть, завтра она уже потеряетъ его навсегда!

И, покачнувшись, она снова невольно опустилась на скамью, поникла бѣлокурой головкой и горько заплакала.

Такихъ слезъ она уже давно не знала, — съ тѣхъ поръ, какъ покинула шляпочную мастерскую, въ которой служила на побѣгушкахъ. Да, съ тѣхъ поръ она знала только рѣдкія слезы досады, злобы, оскорбленнаго самолюбія. А теперь это снова были жалобныя слезы обиженнаго ребенка, — слезы сердца.

Потерять графа Грегорова! Эта мысль сводила ее съ ума. Потерять теперь, когда она поняла, какъ искренно и глубоко она его полюбила. Никогда не считала она себя способной на такую любовь. О, зачѣмъ прислушивалась она къ ядовитымъ жизненнымъ совѣтамъ баронессы фонъ-Саксъ, а не къ жалобному голосу собственнаго сердца!

Но теперь не время сожалѣть о минувшемъ. Теперь надо думать только объ одномъ — о спасеніи жизни дорогаго человѣка. И тутъ ужъ всѣ средства хороши.

Много думала Сюзанна, ломая руки и обливаясь слезами, и, наконецъ, ея мысль остановилась на молодой графинѣ Грегоровой. Муся не можетъ ревновать ее къ мужу, такъ какъ бракъ ея „особенный“. Она выходила замужъ не по любви, и знала о чувствахъ графа Грегорова къ Сюзаннѣ. Да, ревновать она не будетъ, но, конечно, пойдетъ на встрѣчу Сюзаннѣ, поможетъ ей спасти жизнь графа Грегорова.

Безъ сомнѣнія, она, Сюзанна, должна будетъ удалиться изъ „Красовки“, пока вѣсть о разыгравшемся скандалѣ не разнеслась между всѣми обитателями „Красовки“ и гостями графа. Не теряя ни минуты, она должна сообщить молодой графинѣ о происшедшемъ и должна бѣжать, какъ воръ, изъ этого дома, который сегодня былъ освѣщенъ въ ея честь тысячею огней и осыпанъ цвѣтами. Но какъ извѣстить графиню обо всемъ? Оскорбленная присутствіемъ любовницы мужа, молодая графиня куда-то скрылась и трудно ее разыскать. Наконецъ, если-бъ даже это удалось, то могутъ замѣтить ихъ встрѣчу, и это вызоветъ новый скандалъ. Остается только одно — написать записку и приказать прислугѣ отдать ее графинѣ.

Сюзанна вытерла слезы и рѣшительно поднялась. Какъ

кошка, пробиралась она по аллеямъ сада и выскользнула во дворъ.

— Дайте мнѣ карандашъ, бумагу и конвертъ, — повелительно приказала она первому слугѣ, попавшемуся ей навстрѣчу. — Принесите сюда, я буду васъ здѣсь ждать.

Двѣ-три минуты ожиданія показались ей вѣчностью. Она радостно вспыхнула, когда, наконецъ, показался слуга, которому она отдала приказаніе принести ей бумагу.

Забравшись въ укромный уголокъ, Сюзанна начертала:

„Спѣшу васъ предупредить, графиня, что въ вашемъ домѣ разыгралась трагедія, и что вашъ мужъ будетъ драться на дуэли съ моимъ женихомъ, княземъ Малаевымъ. Примите какія-нибудь осторожныя мѣры, чтобы помѣшать ненужному кровопролитію. Я — безсильна, только вы одна можете имъ помѣшать. Не забывайте, графиня, что въ такомъ щекотливомъ вопросѣ огласка, шумъ, неосторожность могутъ только повредить, и дѣйствуйте такъ, какъ подскажетъ вамъ ваше доброе сердце“.

Написавъ и запечатавъ конвертъ, Сюзанна снова стала искать кого-нибудь, кто-бы могъ передать это письмо молодой графинѣ. На глаза ей попалась летѣвшая съ какимъ-то порученіемъ по двору горничная Мотя.

— Дѣвушка, — остановила ее Сюзанна, — поди-ка сюда!

Мотя подбѣжала къ красивой, нарядной барынѣ, звавшей ее.

— Что прикажете, ваше сіяніе?

— Передай, пожалуйста, это письмо молодой графинѣ Маріи Николаевнѣ, да какъ можно скорѣе, — оно очень важное, и графиня на тебя разсердится, если ты его удержишь.

— Коли проснулись графиня, такъ сейчасъ передамъ, а коли не проснулись, такъ передамъ, какъ встанутъ, ужъ будьте спокойны.

И, запрятавъ письмо въ широкой карманъ своего передника, Мотя помчалась дальше.

Сюзанна вздохнула свободнѣе.

Эта глупая дѣвушка будетъ, пожалуй, надежнымъ посломъ. Теперь оставалось только предупредить баронессу

фонъ-Саксъ, чтобы она какъ можно скорѣе оставила домъ графа, и Сюзанна, какъ ни въ чемъ не бывало, стала разыскивать баронессу. Она прошла по всеѣмъ комнатамъ господскаго дома и, наконецъ, разыскала Долли Евграфовну въ палисадникѣ, на маленькой скамьѣ рядомъ съ Липарскимъ.

— На два слова, баронесса.

Долли Евграфовна вскочила.

— Что съ вами, голубушка? — шопотомъ спросила она Сюзанну, — на васъ нѣтъ лица, вы вся дрожите!

— Надо какъ можно скорѣй уѣхать отсюда, — быстро заговорила Сюзанна. — Тутъ случилось большое несчастье: произошло столкновение между графомъ Грегоровымъ и моимъ женихомъ. Я боюсь, что дѣло кончится дуэлью. Баронъ Липецъ уже увезъ князя Малаева. Такъ какъ и все остальные, здѣсь присутствующіе, ваши гости, то поскорѣе увозите ихъ. Я больше здѣсь не останусь ни одной минуты.

И Сюзанна кивнула головой баронессѣ фонъ-Саксъ и торопливо вышла изъ палисадника. Пока ей запрягали лошадей, баронесса успѣла уже каждому изъ гостей на ушко сказать о происшедшемъ, и всей ватагой они поспѣшили покинуть „Красовку“. Четверти часа было достаточно для запряжки лошадей, и вскорѣ экипажи покатали вереницей, весело позвякивая колокольчиками.

И нарядная „Красовка“, вся въ гирляндахъ, со своими разноцвѣтными фонариками, съ увядшими цвѣтами, разбросанными по аллеямъ, опустѣла.

Только оркестръ разыгрывалъ какой-то веселый изящный вальсъ.

Ошеломленный происшедшимъ, графъ Грегоровъ не скоро пришелъ въ себя. Онъ забрался въ глубину сада и тамъ, въ одной изъ уединенныхъ бесѣдокъ, въ ночной темнотѣ, обдумывалъ свое положеніе.

Князь Малаевъ былъ вполне правъ и могъ ему бросить въ лицо заслуженное оскорбленіе. Позорная страсть завлекла его на позорную дорогу. Всегда честный и откровенный, презиравшій пошлый обманъ, онъ самымъ гнуснымъ образомъ обманывалъ этого дикаря, ослѣпленнаго любовью. И завтра онъ дастъ ему кровавый отвѣтъ. Ахъ,

напрасно его другъ, баронъ Липецъ, удержалъ лезвіе, направленное въ его грудь. Въдь, все-равно, эта дуэль будетъ только одной комедіей, такъ какъ онъ не посмѣетъ стрѣлять въ оскорбленнаго имъ человѣка, а спокойно подставить ему свою грудь. Въдь, рано или поздно, все-равно, князь Малаевъ узналъ бы о гнусномъ обманѣ и потребовалъ бы удовлетворенія. Но ни одной минуты графъ Грегоровъ не сожалѣлъ о случившемся. Въ той лихорадочной и, въ то же время, безцвѣтной жизни, изъ которой не было никакого жизненнаго выхода, — смерть являлась единственнымъ и лучшимъ исходомъ.

Графъ Грегоровъ порывисто поднялся. И какъ это раньше онъ не подумалъ о смерти? Давно было пора прикончить безцѣльное, глупое существованіе. Все свое имущество онъ могъ оставить Маріи Николаевнѣ съ просьбой, въ случаѣ ея второго брака, передать ея будущему старшему сыну его имя и его родовыя помѣстья.

Но если-бъ ему отказали въ этой посмертной просьбѣ и прекратился бы родъ графовъ Грегоровыхъ, то не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, онъ не оставилъ бы чернаго пятна на снѣжно-бѣломъ генеалогическомъ древѣ своихъ предковъ.

И надо готовиться къ предстоящему. Надо сказаться больнымъ, чтобы какъ-нибудь выкурить гостей. Надо написать всѣ свои послѣднія распоряженія, надо помолиться у могилы матери. Можетъ быть, наступающій день — послѣдній день въ его жизни, но съ удивительнымъ равнодушіемъ думаетъ онъ о близкой смерти.

Размышляя о своемъ завѣщаніи, о своей послѣдней волѣ, графъ Грегоровъ немедленно спустился въ садъ и направился къ палисаднику. Ни въ саду, ни въ палисадникѣ, ни во дворѣ графъ никого не встрѣтилъ изъ своихъ гостей. Когда графъ вошелъ въ домъ, ему доложили, что всѣ гости разъѣхались по домамъ.

„Вѣроятно, пронюхали что-нибудь, — съ неудовольствиемъ соображалъ графъ. — Тѣмъ лучше. Избавили меня отъ неприятной необходимости притворяться больнымъ. Вѣроятно же всего, что ни съ кѣмъ изъ нихъ мнѣ больше не придется встрѣтиться.“

И графъ Грегоровъ прошелъ въ свой кабинетъ. Нѣ-

сколько мгновений онъ пристально вглядывался въ портреты своихъ родителей, потомъ съ легкимъ вздохомъ опустился въ кресло у письменнаго стола, вооружился перомъ и принялся за работу.

Прежде всего онъ составилъ домашнее духовное завѣщаніе. Передъ самой дуэлью онъ въ качествѣ свидѣтелей пригласилъ своего управляющаго и барона Липецъ. Потомъ онъ принялся за письмо къ своей женѣ.

Когда онъ заканчивалъ послѣднія строки, въ дверь кто-то постучался.

XXXIV

ДУЭЛЬ

— Войдите, — машинально сказалъ графъ Грегоровъ. И дверь его кабинета отворилась. На порогъ стояла блѣдная и дрожащая Муся.

Когда она проснулась въ комнатѣ Вѣры Ивановны отъ своего глубокаго сна, сквозь закрытыя окна она явственно слышала звуки веселой музыки. Она быстро встала и подошла къ окну. Сквозь густыя занавѣски въ ея комнату рвался свѣтъ.

— Неужели свѣтаетъ? — подумала Муся.

Она распахнула окно и тутъ сразу при видѣ этихъ разноцвѣтныхъ фонариковъ припомнила все. Острая боль сразу защемила ея сердце. Пиръ въ честь ея соперницы, въ честь любовницы ея мужа! Любимаго мужа!

Празднично горѣли тысячи фонариковъ, заливая дворъ яркимъ, фантастическимъ свѣтомъ. Громко и весело переливались звуки вальса. Но поражала какая-то странная пустота. Очевидно, всѣ гости спрятались въ господскій домъ, окна котораго ярко горѣли огнями. Тамъ они пируютъ и веселятся. Тамъ звучитъ торжествующій и злой смѣхъ Сюзанны Мельвилъ. Муся закрыла лицо руками и отошла отъ окна. Что же теперь дѣлать? Опять лечь спать? Но она чувствовала, что уже больше не заснетъ.

Надо разыскать Вѣру Ивановну. Она пріотворила дверь и выплянула въ сосѣдную комнату. У большого

стола Вѣра Ивановна раскладывала пасьянсъ. На открывшуюся дверь она оглянулась.

— Ахъ, Боже мой, вы проснулись, графиня! — вскочила она.

— Да, — я, кажется, много спала. На небѣ ужъ свѣтаетъ полоска разсвѣта.

— Вы правы. Теперь ужъ четвертый часъ и всѣ гости разѣхались.

— А я думала, что они будутъ пировать до утра.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ часъ, какъ здѣсь ни души. Ахъ, да! — вдругъ вспомнила Вѣра Ивановна. — Тутъ Мотя принесла вамъ какое-то письмо. По ея словамъ, ей его передала красивая, нарядная дама. Я подумала, что это ваша мать, Марія Николаевна. Хотя Мотя увѣряла, что велѣли подать какъ можно скорѣе вамъ въ руки, но я не рѣшалась васъ будить.

Муся молча взяла письмо и распечатала конвертъ. Едва только она прочла первыя строки письма, какъ со стономъ проговорила:

— Боже мой, Боже мой!

Потомъ уже съ лихорадочнымъ волненіемъ она дочитала письмо. Затѣмъ, смявъ письмо въ рукѣ, она жалобно, со слезами, проговорила:

— Что же теперь дѣлать? Какой ужасъ! Она пишетъ, что я могу помочь, но какъ я могу помочь, если она, любимая, безсильна?

— Что же случилось, графиня? — робко спросила Вѣра Ивановна.

— Ахъ, могу ли я знать, что они тутъ натворили! Ясно, что она вела его къ гибели, бѣднаго графа! Безъ сомнѣнія, или князь Малаевъ или графъ наткнулся на какую-нибудь любовную сцену, и вотъ теперь — дуэль, — дрожащимъ голосомъ добавила она.

— Дуэль?! — вскрикнула Вѣра Ивановна.

— Тихе, тихе! — со страхомъ остановила ее Муся. — Огласка, шумъ, неосторожность могутъ только повредить, и я должна дѣйствовать, какъ подскажетъ мнѣ мое доброе сердце. Ха, ха, ха... мое доброе сердце!

То плача, то нервно смѣясь, металась она по комнатѣ, закрывъ лицо руками. Вѣра Ивановна смотрѣла на нее,

испуганная и молчаливая, не смѣя утѣшать, не зная, что совѣтовать.

И вдругъ Муся остановилась передъ ней, рѣшительная, взволнованная, блѣдная.

— Я пойду къ нему, къ графу, и онъ мнѣ все скажетъ. Тогда только я узнаю, могу ли я помочь и какъ. Помогите мнѣ разыскать графа, Вѣра Ивановна.

— Пройдемте въ домъ, и Захаръ намъ скажетъ, гдѣ онъ.

— А, можетъ быть, уже поздно? Можетъ быть, онъ уже поѣхалъ туда, на дуэль? — схватилась Муся за сердце.

— Такъ не будемъ же терять время въ бесполезныхъ предположеніяхъ, — заволновалась и Вѣра Ивановна.

Муся въ бѣломъ, легкомъ платьицѣ, которое она набросила со сна, Вѣра Ивановна въ какой-то широкой ситцевой кофтѣ, такъ и побѣжали въ господскій домъ. Дверь имъ отворилъ Захаръ, утомленный безсонной, безпокойной ночью.

— Ваше сіятельство, — пробормоталъ онъ, увидѣвъ Мусю.

— Дома ли графъ, гдѣ онъ? — быстро спросила Вѣра Ивановна.

— Они въ своемъ кабинетѣ, спать еще не ложились.

— Какое счастье! — воскликнула Муся. — Такъ я пойду къ нему... А вы, Вѣра Ивановна, подождите меня здѣсь. Боже мой, Захаръ, если-бъ только я могла его спасти!

И вдругъ она остановилась, осѣненная внезапною мыслью. Захаръ, вѣдь, долженъ знать, что тутъ произошло. Пусть онъ ей скажетъ, и это облегчитъ ей тяжелую бѣсѣду съ графомъ.

— Захаръ, ради Бога, — бросилась Муся къ старому слугѣ, — скажите мнѣ, что тутъ было? Почему графъ долженъ драться на дуэли? Вы навѣрно всѣ знаете?

Старый слуга поблѣднѣлъ и покачнулся.

— На дуэли? Неужто и до этого дошло? А я то, старый болванъ, ничего не вѣдаю. Видно, не спроста гости вдругъ разбѣжались! Ахъ, люди, люди! Это, значить, халда тутъ что-нибудь наегозила... Бѣда, бѣда...

Но Муся ужъ не слушала дальнѣйшихъ изліяній Захара, она уже направлялась къ кабинету мужа.

Она постучалась.

— Войдите...

И вотъ она стоитъ у порога кабинета, блѣдная, дрожащая, въ своемъ бѣломъ пеньюарѣ, какъ сказочное, прекрасное видѣніе.

— Вы? Это вы, Марія Николаевна...

Онъ поднялся въ невольномъ порывѣ и пошелъ къ ней навстрѣчу съ протянутыми руками.

— Какъ я счастливъ, что вижу васъ, что могу съ вами проститься, могу вамъ на словахъ передать всѣ мои распоряженія... Сегодня утромъ я уѣзжаю... неожиданно для самого себя...

— Нѣтъ, нѣтъ! Не лгите! Я знаю все, — вы будете драться на дуэли, вы рискуете своей жизнью... Я все, все знаю.

— Кто могъ вамъ сказать? — съ удивленіемъ отшатнулся онъ.

— Та женщина, ради которой вы ставите на карту свою жизнь.

— Сюзанна Мельвиль? Какая подлость!

— И теперь, когда я знаю такъ много, вы должны мнѣ все сказать! Я васъ молно объ этомъ, какъ другъ, какъ сестра.

Она вся дрожала и въ чудесныхъ глазахъ ея блестяли слезы. И графъ Грегоровъ невольно вспомнилъ слова, сказанныя ему его пріятелемъ, барономъ Липецъ: „Она тебя любитъ, твоя жена“.

— Нѣтъ, никогда не скажу я вамъ всей правды! Я не хочу загрязнять ваши чистыя уши! Прекрасная и чистая, вы пойдете по свѣтлому пути и даже кончикъ вашей ноги никогда не коснется той грязи, въ которую я весь погрузился... Я подло и пошло поступилъ по отношенію къ тому человѣку, который требуетъ у меня удовлетворенія, и я долженъ его дать. Воспитанная благороднымъ отцомъ, вы не можете думать иначе, вы сами должны были бы мнѣ посовѣтовать то, что я дѣлаю. Графы Грегоровы никогда не бывали ни трусами, ни подлецами.

Побѣжденная его доводами, она печально склонила голову.

— Но, все-таки, скажите мнѣ всю правду, я васъ умоляю.

— Вы знаете, что я увлекался госпожей Мельвиль, вы знаете, что, когда я твердо рѣшилъ все съ нею порвать, то пріѣхалъ въ „Красовку“ разбитый, но увѣренный въ побѣдѣ надъ самимъ собою... И вотъ, Сюзанна Мельвиль вмѣстѣ съ вашей матерью и съ несчастнымъ княземъ Малаевымъ, котораго она совершенно опутала, явилась сюда по моимъ слѣдамъ. Я узналъ, что она объявлена невѣстой князя Малаева, и я видѣлъ, какъ обожаетъ ее женихъ. И все-таки она снова сумѣла меня бросить къ своимъ ногамъ. Когда я протестовалъ противъ пошлаго обмана и требовалъ, чтобы она отказала князю, она въ свою очередь требовала взаменъ, чтобы я немедленно бросилъ все и съ нею вмѣстѣ тайно уѣхалъ за границу. Очевидно, она боялась мести князя и хотѣла тайкомъ бѣжать. Этому требованію я не уступилъ. Я чувствовалъ, что, если только уѣду съ нею, покорюсь, то ужъ никогда, до самой смерти, не вырвусь изъ ея когтей. И вотъ сегодня... бѣдный женихъ узналъ о пошломъ обманѣ, узналъ, какъ надъ нимъ издѣвались... и въ правѣ былъ требовать удовлетворенія... Вотъ вамъ правда, нѣсколько прикрашенная. Вы понимаете, что теперь нѣтъ другого выхода, и я долженъ подставить свою голову подъ пулю оскорбленнаго князя... Вы понимаете, что моя рука не поднимется на оскорбленнаго мною же человѣка и что моя пуля пролетитъ надъ головою князя...

— Да, я понимаю! — тихо проговорила она. — И это смерть!

— Моя жизнь въ рукахъ Господа, Марія Николаевна. Я вѣрю въ судьбу... и, если мой часъ насталъ, я долженъ спокойно умереть. Въ случаѣ моей смерти тутъ вы найдете письмо (онъ указалъ на письменный столъ) на ваше имя и мое духовное завѣщаніе. А теперь... теперь мнѣ хочется сказать вамъ отъ всей души спасибо за все то...

Но новый стукъ въ дверь прервалъ его слова.

— Можно? Это я, Володя! — послышался голосъ барона Липецъ.

— Одну минуту! — нервно крикнулъ графъ и поры-

висто обѣими руками схватилъ безжизненно висѣвшую руку Муси.

— И еще я хочу вамъ сказать, Марія Николаевна, что теперь мнѣ особенно тяжело умирать, потому что придется навѣки разстаться съ вами.

И къ своимъ горячимъ сухимъ губамъ онъ прижалъ ея руку и долго, долго не отрывался отъ нея.

— Войди, Володя! — наконецъ крикнулъ онъ.

Увидѣвъ Мусю, баронъ Липецъ въ смущеніи остановился. Онъ почтительно поклонился молодой женщинѣ и впросительно смотрѣлъ на друга.

— Говори все въ присутствіи моей жены, — съ волненіемъ подсказалъ ему графъ Грегоровъ. — Графиня Марія Николаевна все знаетъ и все должна знать....

— Вы позволите, графиня?

Въ знакъ согласія она только кивнула головкой.

— Я и твой управляющій будемъ твоими секундантами. Сейчасъ четыре часа, а дуэль назначена въ семь. У князя Малаева тоже два секунданта — мои сосѣди. Дуэль произойдетъ на „Красной“ полянѣ въ твоемъ лѣсу, это какъ разъ половина пути между твоимъ и моимъ имѣніемъ. Всѣ условія дуэли уже выработаны.

Графъ Грегоровъ спокойно выслушалъ своего пріятеля, но Муся вся дрожала.

— Господи, Господи! — простонала она.

— Марія Николаевна! — съ укоромъ остановилъ ее графъ, — а я такъ былъ увѣренъ въ вашей твердости. Тѣмъ болѣе, что теперь нельзя терять ни одной минуты. До „Красной“ поляны часъ ѣзды, такъ что къ шести часамъ надо заказать экипажъ. А теперь-то и мой управляющій поможетъ мнѣ составить завѣщаніе... и я долженъ еще помолиться у могилы моей матери.

Онъ поднялся.

— Съ вами я сейчасъ прощусь, графиня. Будьте мужественны, не забывайте, что жизнь человѣческая только въ рукахъ Божьихъ, и что, если что-нибудь со мной и случится, то, значить, такъ должно было быть.

Послѣ короткаго молчанія онъ снова съ усиліемъ проговорилъ:

— Этимъ пиромъ, на которомъ присутствовала госпо-

жа Мельвиль, я васъ оскорбилъ, Марія Николаевна. Простите меня. Можетъ быть, васъ удовлетворитъ сознание, что въ самую страшную послѣднюю минуту жизни я буду думать только о васъ одной.

И еще разъ сухія, горячія губы прижались къ рукѣ Муси; пошатываясь, она вышла изъ кабинета мужа. Какъ пьяная, насилу добралась она до столовой, гдѣ въ страхѣ ждали ея возвращенія Захаръ и Вѣра Ивановна.

— Вамъ, мои друзья, — черезъ силу проговорила она, — довѣряю: я знаю, что вы меня не выдадите и... къ шести часамъ съ четвертью пусть будетъ готова коляска, мы всѣ втроемъ... поѣдемъ... туда... гдѣ будетъ эта дуэль... это убійство. Но никто, никто не долженъ знать...

Блѣдный разсвѣтъ смѣнился яркимъ сіяющимъ днемъ...

Лучи солнца заливали „Красную“ поляну, названную красной потому, что лѣтомъ она вся была покрыта алыми ягодами земляники. Сейчасъ она зеленѣла земляничными листьями, сквозь которые бѣлѣли чашечки цвѣтовъ.

„Красная“ поляна была окружена густымъ сосновымъ лѣсомъ, богатымъ душистыми рыжиками.

Ласково улыбалась „Красная“ поляна, кейфируя въ своемъ спокойствіи и тишинѣ, нарушаемой только легкимъ шелестомъ деревьевъ, веселымъ чириканьемъ птишекъ и жужжаніемъ насѣкомыхъ.

Но вотъ вдали послышались все приближавшіеся топотъ копытъ и стукъ колесъ... Экипажи остановились вблизи „Красной“ поляны, и цѣлая группа людей своимъ появленіемъ нарушила тишину и спокойствіе, царившія въ этомъ уединенномъ мѣстѣ

Первыми ступили на „Красную“ поляну графъ Григоровъ и его секунданты. Черезъ нѣсколько минутъ явился воинственный и злобно настроенный князь Малаевъ въ своей традиционной кавказской черкескѣ.

Противники и секунданты обмѣнялись вѣжливыми поклонами. Затѣмъ дуэлянты разошлись въ разныя стороны, и секунданты занялись приготовленіями къ дуэли.

Время мчалось, какъ на крыльяхъ. Все готово.

— О примиреніи не можетъ быть и рѣчи! — заявилъ

князь Малаевъ, а графъ Грегоровъ только кивнулъ головой, какъ бы соглашаясь съ мнѣніемъ своего противника.

Отсчитаны шаги, осмотрѣны револьверы. Противники стоятъ на мѣстахъ другъ противъ друга.

Графъ Грегоровъ блѣденъ, но спокоенъ. Рука его твердо поднимаетъ револьверъ. По жребію онъ стрѣляетъ первый.

Выстрѣлъ прогремѣлъ. Разсѣялся дымъ. Князь Малаевъ стоитъ весь красный, взволнованный, но невредимый.

Его очередь. Онъ весь горитъ жаждой мести и ненависти. Круглые, черные глаза его положительно выходятъ изъ орбитъ.

Раздался выстрѣлъ. Слѣдомъ за нимъ тихій стонъ. Всѣ бросились къ графу Грегорову. Онъ лежалъ на „Красной“ полянѣ, откинувъ голову, заливая траву, цвѣты и землю своею кровью. Отъ боли онъ потерялъ сознаніе.

Въ одно мгновеніе были поданы носилки. Тутъ же на мѣстѣ докторъ сдѣлалъ первую перевязку.

— Будетъ ли онъ живъ? — съ волненіемъ спросилъ баронъ Липецъ, и всѣ присутствовавшіе обступили доктора.

— Рана опасна, но не смертельна. Могутъ быть осложненія. Трудно предсказать исходъ, — мудро отвѣтилъ эскулапъ.

Въ суматохѣ никто не слышалъ стука копытъ и колесъ, не видѣлъ подѣхавшаго экипажа. Всѣ опомнились только въ то мгновеніе, когда молодая графиня Грегорова, блѣдная какъ смерть, подбѣжала къ раненому мужу.

— Боже мой, ози его убили!

Ея голосъ прозвучалъ такой тоской, такой мукой, что самое равнодушное сердце должно было содрогнуться.

— Успокойтесь, графиня, — мягко и ласково проговорилъ баронъ Липецъ. — Мишель только раненъ и, дастъ Богъ, онъ оправится.

— Графу абсолютный покой и хорошій уходъ нужны, — подтвердилъ докторъ. — Рана опасна, но не смертельна. Необходимо вызвать опытную сестру милосердія.

— Я сама буду ухаживать за моимъ мужемъ, — горячо заявила Муся. — Скорѣе повеземъ его домой.

И она слѣдовала за носилками до самой кареты, а потомъ сѣла на подножку кареты и всю дорогу поддерживала голову больного. Ея глаза, полныя любви и муки, не отрывались отъ его лица, смертельно-блѣднаго, но прекраснаго, какъ никогда.

Съ предосторожностями графа вынесли изъ кареты. Докторъ не посовѣтовалъ устраивать больного въ нижнемъ этажѣ, и потому Муся уступила ему свою спальню.

Опытную сестру милосердія все-таки выписали на всякій случай, если растеряется молодая графиня во время операціи, предстоявшей ей мужу.

Послѣ вторичной перевязки больной пришелъ въ себя. Онъ узналъ Мусю и ласковая полуулыбка промелькнула по его губамъ. Но отъ слабости онъ не могъ говорить. Обморокъ смѣнился сномъ.

Больной стоналъ, бредилъ и голова его пылала, какъ въ огнѣ.

Часа черезъ два послѣ дуэли явилась Сюзанна, чтобы навѣдаться о здоровьѣ графа. Ее встрѣтилъ Захаръ сурово и недружелюбно.

— Его сіятельство больны и никого не велѣно пускать. Молодая графиня сами ухаживаютъ за ихъ сіятельствомъ. Такъ что вамъ нечего беспокоиться... и не ходите сюда. Все равно, никого пускать не будемъ.

XXXV

СОПЕРНИЦЫ

Въ ночь передъ дуэлью Сюзанна не сомкнула глазъ. Давно уже всѣ спали въ „Орликѣ“: и возвратившіеся съ пира гости, и слуги, только Сюзанна сидѣла на балконѣ, кутаясь въ большую бѣлую шаль.

Передъ разсвѣтомъ повѣяло холодкомъ, и она вся дрожала, и зубы ея стучали, и лицо ея было блѣдно до синевы. Лихорадочно блестящимъ взоромъ впивалась она въ виднѣвшуюся издали бѣлую ленту шоссеиной дороги.

Передали ли ей письмо графинѣ Маріи Николаевнѣ?

Возможно ли предотвратить дуэль? Возможно ли спасение?

И воображение рисует ей страшныя кровавыя картины, и она холодѣетъ и кутается въ свой большой бѣлый платокъ.

— Могла ли я думать, что сумѣю такъ полюбить? Что участь другого будетъ для меня дороже собственной? — шепчетъ она дрожащими устами. — Какъ я несчастна... и только себя самое могу я обвинять... Въ прекрасной любви прекраснаго рыцаря нашла я свое первое истинное счастье. Онъ пробудилъ страсть, годами безмятежно дремавшую въ моей крови. Онъ нашелъ въ моемъ ледяномъ сердцѣ горячія струны любви, и для него онъ заплѣли божественную пѣснь. Изъ моихъ насмѣшливыхъ глазъ онъ исторгъ драгоценныя слезы, слезы тоски и жалости... И въ этомъ было счастье... Но злобные демоны, владѣвшіе моею душой, нашептывали мнѣ тщеславныя мысли. Къ чему мнѣ былъ этотъ законный бракъ? Развѣ украсила бы графская корона мое позорное прошлое? О, если-бы раньше пришла я къ этимъ мыслямъ, кровавый призракъ смерти не стоялъ бы теперь передо мной!

И, словно въ отвѣтъ на ея мысли, кровавое солнце показалось на востокѣ. Сюзанна вскрикнула и закрыла лицо руками, какъ бы прячась отъ страшнаго призрака.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не будетъ крови... Помилуй, Господи...

И она, никогда не думавшая о Создателѣ міра и святой молитвѣ, въ эту страшную ночь, въ невольномъ порывѣ, бросилась на колѣни.

— О, Господи, — со слезами шептала она, — не надо крови, не надо крови... Сохрани мнѣ любимаго, и всю жизнь я ему посвящу... Клянусь, я забуду свой эгоизмъ, я заслужу прощенье, я смою позоръ своего прошлаго... О, Господи, помилуй, спаси, сохрани... Я буду его слугой, его рабыней, его возлюбленной... всю жизнь я посвящу его счастью... только сохрани его, Господи.

И долго молилась Сюзанна, обливаясь горькими слезами. Когда она поднялась съ колѣнъ, солнце уже ярко сіяло и развернулось роскошное утро, — свѣжее, теплое, ароматное... Радостно ликовали птицы, весело жужжали

трудолюбивыя пчелы, и цвѣты, орошенные росой, кокетливо поднимали пышныя головки.

Проснулась челядь и засуетилась во дворѣ, въ саду и въ домѣ.

Сюзанна прошла въ садъ и тамъ бродила, вся во власти своихъ ужасныхъ мыслей... Потомъ она подошла къ пыльному забору и съ тоскою вглядывалась въ бѣлую длинную ленту дороги.

И вдругъ раздался стукъ быстро мчавшагося экипажа. Сюзанна распахнула калитку сада и выбѣжала на дорогу. Стукъ все приближался и, наконецъ, показалась и коляска, запряженная парой быстрыхъ лошадей.

Какъ вкопанныя, остановились взмыленные лошади у воротъ... Стройная мужская фигура въ черкескѣ прыгнула на дорогу.

— Князь Малаевъ! — видѣ себя крикнула Сюзанна. — Скажите, что вы сдѣлали съ моимъ возлюбленнымъ?!

Онъ быстро повернулся. Лицо его залилось краской негодованія, и искры презрѣнія сыпались изъ его круглыхъ темныхъ глазъ... Кинжалъ былъ тутъ подъ рукой, и насмѣявшаяся надъ его любовью женщина стояла передъ нимъ. Но крови уже не жаждала его насытившаяся кровавой мстью душа... Съ злымъ смѣхомъ онъ бросилъ ей вызовъ:

— Что я сдѣлалъ съ твоимъ любовникомъ, дѣвка?! Я убилъ его, какъ собаку!

Она вскрикнула и схватила за сердце.

— Ты лжешь, ты лжешь!

— Въ моихъ жилахъ не течетъ ни капли той проклятой крови, которая заставляла тебя безстыдно лгать! Я убилъ твоего любовника! И теперь мы квиты! Ногой я отброшу тебя, ядовитая гадина, и никогда уже не вспомню о тебѣ, чтобы не было горько во рту отъ омерзѣнія!

И онъ круто отвернулся отъ ошеломленной Сюзанны и удалился поспѣшными шагами.

Сюзанна бросилась къ экипажу.

— Не распрягайте лошадей! — крикнула она кучеру. — Подождите, я сейчасъ поѣду въ „Красовку“.

— Лошади устали, — проворчалъ кучерь.

— О, я щедро заплачу вамъ, только доведите меня до „Красовки“.

Сюзанна забѣжала въ свою комнату, схватила первую попавшуюся ей подъ руку шляпу и кое-какъ надѣла. Черезъ двѣ-три минуты она уже сидѣла въ экипажѣ.

— Скорѣй, скорѣй! — торопила она кучера.

Какой долгой, томительной и безотрадной показалась ей дорога. Сколько жгучихъ слезъ она пролила за эти два часа! Какъ изстрадалось ея сердце! Какъ будто она платила за годы своего ледяного сна, своего безчувствія!

Вотъ и „Красовка“. Слезы высохли на глазахъ Сюзаннны, она словно вся замерла отъ страха и муки. Ей казалось, что сейчасъ она услышитъ погребальную молитву, увидитъ окровавленный трупъ любимаго.

Но тихо кругомъ. Молчить огорченная „Красовка“. Коляска лихо остановилась у крыльца. Сюзанна ступила на крыльцо и дрожавшей рукой позвонила. Ей открылъ ея врагъ — старый камердинеръ Захаръ.

— Что графъ? — пробормотала она.

— Его сіятельство больны, и никого не велѣно пускать.

Онъ боленъ, онъ только боленъ, но онъ живъ! Господь внялъ ея молитвѣ. Онъ живъ, онъ живъ! Теперь ея къ нему не пускаютъ, жена по названію заявила свои права, но, когда онъ оправится, она, Сюзанна, у его ногъ, полная любви, будетъ просить прощенія. Тогда настаетъ ея часъ!

Весь обратный путь въ „Орликъ“ она истерически рыдала, прижавшись къ подушкѣ экипажа, рыдала отъ счастья, что онъ живъ, отъ муки, что не можетъ его видѣть, не можетъ ухаживать за нимъ. О, какая она была бы сидѣлка!

Вернувшись въ имѣніе баронессы фонъ-Саксъ, Сюзанна застала гостей на верандѣ, въ уныломъ молчаніи распивавшихъ утренній кофе и чай, но хозяйки между ними не было. Сюзанна прошла въ спальню баронессы и тамъ застала ее разстроенную.

— Онъ умеръ? — со слезами въ голосъ спросила Долли Евграфовна. — Мы его убійцы.

— Онъ живъ, и Господь сохранить его жизнь. Я знаю.

Лицо баронессы просвѣтлѣло.

— Какое счастье, что онъ живъ. Князь Малаевъ, прощаясь со мной, сказалъ мнѣ, что убилъ его.

И ежедневно Долли Евграфовна и Сюзанна какъ-нибудь да узнавали о здоровьѣ графа Грегорова... Недѣлю не было надежды, и молодой организмъ тщетно боролся со смертью... Сюзанна и Долли Евграфовна обѣ безумно волновались и проливали слезы.

Наконецъ, на десятый день, имъ сообщили, что наступилъ переломъ къ лучшему. Съ тѣхъ поръ уже изо дня въ день вѣсти были все утѣшительнѣе.

Теря всякое терпѣніе, Сюзанна рѣшилась снова навѣдаться въ „Красовку“. На этотъ разъ она натолкнулась на Вѣру Ивановну.

— Я требую, чтобы графу Грегорову доложили о моемъ визитѣ, — настаивала она, и старушка какъ могла защищалась отъ назойливыхъ притязаній.

Муся, сидя у открытаго окна въ своей гостиной наверху, разслышала отдѣльныя фразы, споръ. Краска негодования бросилась ей въ лицо. Притворивъ окно, она спустилась въ нижній этажъ и предстала передъ Сюзанной.

— Вы, графиня, — нагло обратилась къ ней Сюзанна, — лучше другихъ знаете, что я имѣю всѣ права на свиданье съ графомъ. Я только прошу извѣстить его о моемъ желаніи его видѣть.

— Прежде всего — тише, — холодно и спокойно проговорила Муся. — Графъ еще не настолько оправился, чтобы безъ вреда для здоровья прислушиваться къ подобному шуму. Я разслышала его изъ окна моей гостиной и поспѣшила закрыть окно... Или вы сожалѣете, что вамъ все-таки не удалось еще уложить его въ могилу?

— Я люблю его больше жизни, и онъ принадлежитъ мнѣ одной.

— Но не теперь... Я — покорная жена по названію, когда графъ здоровъ, но теперь — я его жена, я сидѣлка, которой врачи довѣрили его жизнь... И вы не увидите графа, пока совершенно не возстановятся его силы.

— Вы пользуетесь своимъ положеніемъ... Прекрасно, я подчиняюсь... Но, надѣюсь, потому вы не скроете отъ графа, что я все время рвалась къ нему, такъ же, какъ и вы, жаждала быть его сидѣлкой, но вы меня къ нему не пропустили?!

— Чтобы быть полезной сидѣлкой, я училась и за многими больными уже ухаживала... Вы же умѣете только играть на сценѣ и въ жизни.

— Вы хотите оскорбить меня? Вы не достигнете цѣли.

— Я только говорю вамъ правду... стараюсь объяснить вамъ мое нежеланіе видѣть васъ у постели графа... Вы знаете, что ради васъ онъ подставилъ свою грудь подъ пулю оскорбленнаго вами и имъ человѣка, и съ большимъ трудомъ графъ вырвался изъ когтей смерти.

— Вижу, что вы хорошо освѣдомлены о причинѣ дуэли.

— Графъ не считалъ нужнымъ скрывать ее отъ меня, — гордо отвѣтила Муся. — Только я вижу, что нашъ разговоръ совершенно лишній для насъ обѣихъ.

— Я пришла сюда не для разговора съ вами, но для свиданія съ моимъ любовникомъ.

Муся вздрогнула всѣмъ тѣломъ, но, овладѣвъ собой, почти спокойно она сказала:

— Будьте увѣрены, какъ только графъ совсѣмъ оправится, я передамъ ему и о вашихъ визитахъ, и о моемъ властномъ поведеніи, и о вашемъ желаніи его видѣть.

— Благодарю васъ... Можетъ быть, вы исполните еще одну мою просьбу? Последнюю.

— Говорите.

— Я пришлю вамъ запечатанное письмо на имя графа и вы его передадите графу, когда это позволитъ его здоровье.

— Пришлите мнѣ письмо, я даю вамъ слово, что передамъ его въ руки графу, когда только позволитъ его здоровье.

Сюзанна церемонно поклонилась, Муся ей отвѣтила легкимъ кивкомъ и повернулась, чтобы идти въ свои комнаты. За ея спиной стоялъ баронъ Липецъ.

— Я и восхищаюсь вами, графиня, и возмущаюсь въ одно и то же время.

— Почему? — слабо улыбнулась она.

— Какъ много въ васъ силы воли и достоинства! Кто бы могъ подумать, что все это таится въ слабомъ, воздушномъ существѣ?.. Но какъ вы допускаете на порогъ вашего дома эту тварь?.. Простите, что я такъ грубо выражаюсь... Но, вѣдь, она чуть не довела до гибели моего бѣднаго Мишеля.

— Вы — благородный и искренній другъ... но... но вы неправы. Я — жена по названію, а графъ хозяинъ въ этомъ домѣ.

— Но вы спасли ему жизнь.

— Я сдѣлала только то, что сдѣлала бы каждая сидѣлка. Но, вѣдь, лучше другихъ я знаю, какъ велики права госпожи Мельвиль на моего мужа, разъ даже жизни своей онъ для нея не пожалѣлъ... Теперь она изъ-за него разошлась съ Малаевымъ... Я не знаю чувства графа къ этой женщицѣ. Его дѣло рѣшать — какъ ему поступить, принять ее или нѣтъ. Теперь я не могла ее къ нему допустить, онъ еще слишкомъ слабъ, и волненіе могло бы отразиться на его здоровьѣ... Но, когда онъ оправится, я скажу ему о посѣщеніяхъ госпожи Мельвиль и передамъ ему ея письмо, которое она обѣщала мнѣ прислать.

— А о своемъ сердцѣ вы не думаете?

— Я махнула на него рукой, — горько улыбнулась она. — И... у меня къ вамъ просьба: никогда не вспоминайте о моей любви къ графу, о тѣхъ безпомощныхъ, случайно сорвавшихся съ моихъ устъ, признаніяхъ. Не вспоминайте, я васъ прошу.

— Я исполню эту вашу просьбу, если вы мнѣ позволите вмѣшаться въ вашу жизнь.

— Какимъ образомъ?

— Потому, что нельзя такъ жить, какъ вы живете. Если кровавая развязка все-таки не излѣчитъ графа отъ его неизменной любви къ порочному созданію, то онъ долженъ будетъ дать вамъ разводъ и возможность на новую жизнь, болѣе открытую и людную.

— А если это не въ моемъ характерѣ? Я увѣрена, что графъ пошелъ бы вамъ навстрѣчу, если-бы вы заго-

ворили съ нимъ на эту тему. Съ большимъ удовольствіемъ онъ развязался бы съ женою „по названію“. Думаю, что моя услуга, какъ „страховка“, ему теперь не нужна. Госпожа Мельвиль образумилась и не будетъ теперь настаивать на невозможномъ законномъ бракѣ.

— Еще бы!

— Она очень измѣнилась, осунулась и по ея лицу видно, какъ много она страдаетъ... Теперь, мнѣ кажется, она познала свое сердце и не будетъ такой требовательной и эгоистичной. Пожалуй, теперь графъ будетъ съ ней счастливъ.

— И вы можете такъ хладнокровно объ этомъ разсуждать? Я начинаю сомнѣваться въ любви вашей къ графу!

— Тѣмъ лучше для меня, — сомнѣвайтесь... Я всегда была честной... и должна говорить такъ, какъ я думаю.

— О, какъ счастливъ будетъ вашъ мужъ... Только настоящій мужъ, а не мужъ по названію! И какъ я буду ему завидовать!

Муся покраснѣла, и брови ея сердито сдвинулись.

— Который теперь часъ? — холодно спросила она.— Кажется, пора дать графу лѣкарство.

— Вы сердитесь? — его голосъ прозвучалъ отчаяніемъ. — О, простите меня... Я не могъ сдержаться. Каждый вашъ поступокъ, ваше слово, вашъ взглядъ невольно восхищаютъ... Простите, простите!

Такое искреннее горе свѣтилось въ его глазахъ, такъ приниженно склонилась передъ нею богатырская фигура!.. И Муся невольно улыбнулась.

— Я не сержусь, — сказала она и ласково протянула ему руку.

Онъ крѣпко пожалъ эту исхудавшую, прозрачную руку и медленно поднесъ ее къ своимъ губамъ. Но, прежде чѣмъ эти горячія губы коснулись нѣжной руки, Муся вырвала ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

И покраснѣвшая, смущенная, она проскользнула къ лѣстницѣ и быстро поднялась въ верхній этажъ.

На другой же день она получила отъ Сюзанны Мельвиль объемистый пакетъ, адресованный на имя графа

Грегорова... Муся заперла посланіе въ свой комодикъ и ключъ положила къ себѣ въ карманъ.

Прошла еще недѣля... Кажется, графъ настолько оправился, что уже можно передать ему письмо... И тайное сожалѣніе, что графъ уже совсѣмъ поправился, томило сердце Муси.

Тяжелые дни и ночи пережила она, когда онъ боролся со смертью, когда онъ угасалъ на ея глазахъ... Присутствуя во время операціи, она лишилась чувствъ и до сихъ поръ не могла себѣ простить свою слабость... Но она слишкомъ любила этого человѣка, чтобы быть спокойной свидѣтельницей, когда ножъ хирурга распоряжался въ окровавленной ранѣ.

И сколько бессонныхъ ночей провела она у его постели, съ тоской прислушиваясь къ лихорадочному бреду. Какъ часто призывалъ онъ ту, которая была причиной его страданій! Въ этихъ безсвязныхъ словахъ рисовались передъ Мусей картины дикой страсти, и ей казалось, что она начинаетъ понимать, чѣмъ держала Сюзанна у своихъ ногъ ея мужа.

Но, часто вспоминая Сюзанну, графъ въ своемъ бреду не забывалъ и Муси. Почти всегда онъ называлъ ее „Марія Николаевна“, иногда „графиня“, и только нѣсколько разъ съ его устъ сорвалось нѣжное „Муся“. О, какъ сладко замерло сердце въ ея груди, когда впервые она услышала въ любимыхъ устахъ свое уменьшительное имя!.. Но не любовью звучало оно, не страстью, а снисходительной благодарностью.

А когда сердце ея терзала нестерпимая тоска, тогда, какъ утѣшеніе, она себѣ повторяла послѣднія слова графа Грегорова, обращенныя къ ней:

„И еще я хочу вамъ сказать, Марія Николаевна, что теперь мнѣ особенно тяжело умирать, потому что придется на вѣки разстаться съ вами“.

И потомъ:

„Можетъ быть, васъ удовлетворитъ сознаніе, что въ послѣднюю, самую страшную минуту жизни я буду думать только о васъ“.

Но тутъ же Муся сама себя разочаровывала.

— Оскорбленный Сюзанной, осужденный ею на

смерть, онъ мстиль ей этими словами, обращенными ко мнѣ.

И снова безнадежно тоскливо становилось на сердцѣ. Теперь онъ поправляется, зато она теряетъ послѣднія силы. Баронъ Липецъ правъ — ей больше нечего здѣсь дѣлать. Она передастъ его, спасеннаго отъ смерти, женщину, которую онъ любитъ, и...

Сердце ея сжималось, и слезы жгли глаза.

— Нѣтъ, не хватить силъ быть свидѣтельницей ихъ счастья, торжества соперницы... Баронъ Липецъ правъ, надо бѣжать! Завтра я передамъ ему письмо Сюзанны и попрошу отпустить меня. Скажу, что я устала, что мнѣ нуженъ отдыхъ. И онъ мнѣ повѣритъ, нельзя мнѣ не повѣритъ. Такая я стала блѣдная, изможденная, прозрачная. Я сама себя не узнаю.

Съ тѣхъ поръ, какъ графъ поправляется, онъ часто бесѣдуетъ съ нею... Все это отвлеченная бесѣда, онъ словно экзаменуетъ ее... Онъ всегда относится къ ней почтительно и нѣжно, какъ человѣкъ, вѣчно обязанный быть благодарнымъ.

Но не благодарности жаждетъ ея сердце, а любви... Увы, его любовь уже отдана другой!

Въ горячей молитвѣ Муся находитъ успокоеніе... Она забросила всѣ свои занятія. Раза два пришлось ей встрѣтиться съ учителемъ. Онъ какой-то блѣдный, грустный и смотритъ на нее съ укоромъ.

Раза два была она въ церкви, и тамъ блѣдный, исхудалый отецъ Антоній пронизывалъ ее горящими, испытующими глазами.

Да, она дала слово всѣмъ имъ здѣсь помогать, но нѣтъ силъ... Нѣтъ... надо бѣжать, куда глаза глядятъ.

XXXVI

ДРУЗЬЯ

Грегоровъ сидѣлъ у раскрытаго окна въ глубокомъ старинномъ креслѣ, въ которомъ словно тонуло его исхудалое тѣло. Голубой воротничокъ темно-синяго теп-

лаго халата подчеркивалъ желтизну его заострившагося лица. Ярко горѣли его красивые зеленые глаза, глубоко ушедшіе въ орбиты.

Тонкой, словно прозрачной рукой онъ придерживалъ раскрытую книгу, лежавшую на его колѣняхъ. Откинувъ голову на голубыя подушки, прикрѣпленныя къ креслу, графъ словно вглядывался въ далекое небо. Заботливо опущенная маркиза защищала его глаза отъ яркихъ лучей солнца.

Дверь тихо пріотворилась, и раздался нѣжный голосъ Муси:

— Я вамъ не помѣшаю, графъ?

Онъ встрепенулся, и ласковая улыбка промелькнула по его губамъ.

— Развѣ моя спасительница можетъ когда-нибудь мнѣ помѣшать?!

Легкая тѣнь грусти пробѣжала по ея лицу. Опять онъ намекаетъ на свою благодарность за то, что она его „спасла“. А если-бы онъ зналъ, какъ это ей горько...

— Сегодня вы, кажется, хорошо себя чувствуете, графъ?

— Отлично, Марія Николаевна. Теперь остается только побѣдить нѣкоторую слабость, и я совсѣмъ здоровый человѣкъ.

— А эта слабость не помѣшаетъ-ли вамъ прочесть одно письмо? — осторожно спросила Муся.

— Какое письмо, графиня?

Она покраснѣла и опустила глаза, встрѣтившись съ его вопросительнымъ взглядомъ.

— Возьмите, — прошептала она. — Это письмо адресовано на ваше имя.

Муся передала графу письмо и отступила въ сторону, но глаза ея зорко за нимъ наблюдали. О, онъ узналъ почеркъ Сюзанны. Какъ задрожали его руки! Но почему онъ не вскрываетъ конверта? Онъ какъ будто размышляетъ, какъ поступить ему съ письмомъ.

— Читать-ли? — тихо проговорилъ графъ, словно вопрошая самого себя.

Еще нѣсколько мгновений онъ колебался. Сердце громко колотилось въ Мусиной груди. Но вотъ онъ ра-

зорваль конвертъ, и въ рукахъ его очутилась цѣлая пачка исписанныхъ листовъ.

Графъ внимательно перечитывалъ страницу за страницей, и цѣлый рядъ душевныхъ ощущеній отражался на его выразительномъ лицѣ. Бархатные глаза съ тревогой за нимъ слѣдили.

Вотъ онъ прочелъ послѣднюю страницу, и рука его, державшая письмо, медленно опустилась на колѣни. Взоръ его, задумчивый и грустный, снова устремился къ синѣвшему въ необъятной дали небу. Наступило долгое молчаніе, показавшееся Мусъ безконечнымъ.

Но вотъ вѣки графа медленно опустились и взглядъ его случайно упалъ на исписанные листки, лежавшіе на его колѣняхъ. Загадочная улыбка промелькнула на его губахъ. Онъ аккуратно сложилъ посланіе Сюзанны и спряталъ его въ карманъ своего халата.

— Марія Николаевна, — вдругъ повернулся онъ къ Мусъ, — вы столько сдѣлали для меня... исполните еще одну мою просьбу...

Она заволновалась.

— Если это въ моихъ силахъ, графъ...

— О, безусловно...

И снова загадочная улыбка промелькнула по его губамъ.

— Это письмо отъ Сюзанны Мельвиль... Она пишетъ о своей любви, о своихъ душевныхъ мукахъ, жалуется на то, что ея ко мнѣ не допустили, тогда какъ она могла быть лучшей для меня сидѣлкой...

— Конечно, госпожа Мельвиль жалуется на меня... Но могла-ли я допустить ея къ вамъ, когда вы боролись со смертью? Когда малѣйшее волненіе могло вамъ стоить жизни?

— Зачѣмъ вы такъ горячитесь, Марія Николаевна? Вѣдь, я васъ не осуждаю... и не упрекаю... Вы поступили вполне правильно, и, еще разъ повторяю, — я вамъ обязана жизнью.

— Я, вѣдь, васъ просила, графъ...

— Знаю, знаю... скромная добродѣтель не любитъ, когда ее восхваляютъ...

— Вы, кажется, смѣтаете надо мною, графъ!

— Марія Николаевна, какъ могли вы меня оскорбить подобнымъ предположеніемъ?!

Ея рѣсницы медленно опустились, бросая томную тѣнь на ея поблѣднѣвшія щечки.

— Вы, кажется, мнѣ сказали, что хотите обратиться ко мнѣ съ просьбой? Я къ вашимъ услугамъ, графъ...

— Я постепенно иду къ моей просьбѣ... Прежде позвольте вамъ рассказать краткое содержаніе письма Сюзанны Мельвиль... Изливъ свои чувства, она переходитъ къ просьбѣ о прощеніи. Она смиряется. Она отказывается отъ притязаній своихъ на законный бракъ и готова всю жизнь быть моей покорной рабой... Словомъ, рискуя жизнью, я одержалъ надъ нею полную побѣду... Мой соперникъ, князь Малаевъ, уѣхалъ, и Сюзанна Мельвиль вполне свободна. Въ заключеніе она, конечно, проситъ о свиданіи...

Послѣ короткаго раздумья графъ продолжалъ:

— Сначала я хотѣлъ отвѣтить письмомъ на ея письмо, но потомъ рѣшилъ, что писать не стоитъ, что лучше просто съ нею увидѣться и переговорить...

Теперь уже графъ наблюдалъ за вдругъ поблѣднѣвшимъ лицомъ Муси. Пересиливъ себя, она тихо промолвила:

— Да... конечно... свиданье лучше... чѣмъ письменный отвѣтъ...

— Я очень радъ, что вы согласны со мной... теперь мнѣ легче просить васъ.

— При чемъ же тутъ я, графъ? — съ плохо скрытой досадою спросила Муся.

— Видите-ли... я бы хотѣлъ отпраздновать свое выздоровленіе... и я хотѣлъ пригласить ихъ всѣхъ въ „Красовку“, всѣхъ тѣхъ, кто былъ здѣсь въ ту злополучную ночь... И потомъ... я хочу пригласить и остальныхъ моихъ сосѣдей... И я бы хотѣлъ, чтобы вы ничего не имѣли противъ этой моей новой затѣи...

— Что могу я имѣть противъ? — дрожащимъ голосомъ проговорила Муся. — Вы хозяинъ въ своемъ домѣ и вольны поступать, какъ вамъ заблагоразсудится...

— Если вы сердитесь, я откажусь отъ своей затѣи... А мнѣ бы такъ хотѣлось отпраздновать мое выздоровле-

ніе! И чтобы всё они присутствовали: и Сюзанна Мельвиль, и ваша мать, и всё... Но васъ, графиня, васъ, мою спасительницу, я просилъ бы быть хозяйкой на этомъ торжествѣ...

Она отступила на нѣсколько шаговъ, и руки ея невольно судорожно схватились за спинку кресла, словно она боялась упасть, искала опоры. Нѣсколько мгновений она молчала, потому что спазмы сдавили ея горло, и она не могла проронить ни единого слова. Но вотъ она овладѣла собой.

— Графъ, — произнесла она дрожащимъ отъ негодованія голосомъ, — графъ, я согласна выполнить вашу просьбу, но только съ однимъ условіемъ.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, графиня.

— На другой же день послѣ этого пира вы отпустите меня отсюда. Я устала... Эти недѣли волненія, бессонныя ночи... все это переутомило меня. Я чувствую, что я теряю силы... Мнѣ необходимъ серьезный отдыхъ, необходима перемѣна жизни и обстановки... Я не стала на себя похожа... Какая-то тѣнь, какое-то привидѣніе...

Теперь его глаза пристально и какъ бы съ удивленіемъ ее разглядывали, какъ будто только сейчасъ замѣтилъ онъ происшедшую въ ней перемѣну.

— Да, вы правы, Марія Николаевна, — спокойнымъ, ровнымъ голосомъ проговорилъ онъ, — вы очень измѣнились, устали, и вамъ необходимо позаботиться о вашемъ здоровьѣ... Я принимаю ваше условіе... и я вижу, что надо поторопиться съ празднествомъ... Я постараюсь устроить его завтра же... Сегодня мы разошлемъ приглашенія и начнемъ всё наши приготовления. Мой другъ, баронъ Липецъ, конечно, намъ поможетъ... А послѣзавтра вы можете покинуть „Красовку“, которая принесла вамъ только скуку и невзгоды. Я не смѣю васъ здѣсь удерживать...

— Отлично, графъ, — уже совершенно спокойно проговорила Муся, — я займусь приготовлениями къ завтрашнему дню, а къ вамъ попрошу барона Липецъ.

Гордо закинувъ золотистую головку, она направилась къ дверямъ. Но онъ торопливо поднялся съ кресла и нагналъ ее уже у самой двери.

— Одну минуточку, графиня!

— Въ чемъ дѣло? — прошептала она, снова теряя самообладаніе.

— И, надѣюсь, мы разстанемся друзьями?

— Конечно.

— Дайте же мнѣ вашу руку въ знакъ вѣчной нашей дружбы.

Она покорно протянула ему руку, и онъ задержалъ ее въ своей.

— Холодная льдина! Съ какимъ горячимъ милосердіемъ заботилась она обо мнѣ... И я благодарю ее, эту маленькую, милосердную ручку...

Но прежде, чѣмъ онъ поднесъ ее къ губамъ, Муся вырвала свою руку и выскользнула за дверь, дрожащая отъ волненія.

Медленными шагами графъ вернулся къ своему креслу. Задумчивая улыбка блуждала по его губамъ.

— Ты звалъ меня, Мишель? — раздался голосъ барона Липецъ, и его рослая фигура словно вдругъ выросла передъ графомъ, пробуждая его отъ глубокой задумчивости.

— Какъ ты подкрался, Володя! — вздрогнулъ графъ всѣмъ тѣломъ.

— Господь съ тобой, я и не думалъ подкрадываться. Мнѣ передала графиня Марія Николаевна, что ты зовешь меня, и я поторопился на твой зовъ. Развѣ я виноватъ, что ты такъ задумался, что даже не слышалъ моихъ шаговъ?!

— Ну, да, конечно, я просилъ мою жену пригласить тебя ко мнѣ... Видишь-ли, теперь я совсѣмъ бодръ, оправился, и мы съ женой рѣшили отпраздновать мое выздоровленіе...

— Отличная мысль!

— Только шумно отпраздновать! На завтра я приглашаю массу гостей — и будемъ пировать, какъ въ добрыхъ старыя времена пировали въ „Красовкѣ“ мои предки.

— Какихъ-же гостей ты думаешь позвать?

— Во-первыхъ, всѣхъ моихъ сосѣдей, во-вторыхъ, всѣхъ тѣхъ, кто присутствовалъ на прошломъ празднествѣ въ ту роковую ночь.

— За исключеніемъ Сюзанны Мельвиль и баронессы фонъ-Саксъ, конечно?

— Безъ всякихъ исключеній...

— Ты шутишь, Мишель? Но, прости меня, даже подобная шутка позорна въ твоихъ устахъ. Послѣ всего того, что Марія Николаевна для тебя сдѣлала...

— Я поступаю такъ съ ея согласіемъ.

— Ты просто пользуешься ея исключительной добротой и деликатностью. И разъ уже зашла объ этомъ бесѣда, то позволь ея продолжить.

Гнѣвный и взволнованный баронъ Липецъ опустился на стулъ рядомъ съ кресломъ графа.

— Когда ты былъ боленъ, Мишель, мнѣ былъ понятенъ твой эгоизмъ, эгоизмъ больного. Но теперь, когда ты настолько оправился, что даже собираешься шумно и весело пировать... теперь ты можешь подумать о той, которая съ такимъ самоотверженіемъ, совсѣмъ тобою незаслуженнымъ, отдавала тебѣ свое здоровье и всѣ свои силы...

— Дальше.

— Неужели ты слѣпъ и не видишь... Отъ цвѣтущей молодой женщины осталась только одна тѣнь?!

— Ты опоздалъ, дружище, по этому поводу мы уже бесѣдовали съ Маріей Николаевной, и послѣзавтра она покинетъ „Красовку“.

Глаза барона Липецъ радостно вспыхнули.

— Но куда же поѣдетъ графиня?

— Не знаю... Ей слѣдуетъ посоветоваться съ докторами, и они направятъ ее, куда найдутъ нужнымъ. Она можетъ взять съ собой Вѣру Ивановну.

— Прекрасно. Но зачѣмъ же графиня присутствовать на нелѣпомъ празднествѣ рядомъ съ Сюзанной Мельвиль?

— Я дѣлаю это съ цѣлью. Моя жена будетъ хозяйкой въ моемъ домѣ и сразу мы подрѣжемъ всѣ длинные языки, которые теперь въ волю судачатъ. Скромнымъ и запуганнымъ существомъ вошла она въ мою „Красовку“, но послѣ всего того, что она для меня сдѣлала, она выйдетъ отсюда гордой хозяйкой. Не надо забывать, что она носить мое имя!

— Пожалуй, твои доводы логичны, но... эта „гор-

дость“ будетъ ей дорого стоить... Слишкомъ много силы воли ты требуешь отъ хрупкаго созданія.

— Хрупкая тѣломъ, она сильна духомъ и выдержитъ это испытаніе, которое должно удовлетворить ея оскорбленное самолюбіе.

— А потомъ?

— А потомъ она поѣдетъ лѣчиться и отдыхать.

— А дальше?

— Боже мой, какъ ты любопытенъ!

Баронъ Липецъ порывисто поднялся и рѣзко проговорилъ:

— Напрасно ты думаешь, что мною руководить глупое любопытство, — я люблю Марію Николаевну.

Легкая краска выступила на блѣдныхъ щекахъ графа.

— Вотъ какъ? И Марія Николаевна въ курсѣ твоихъ пылкихъ чувствъ?

— Неужели ты думаешь, что я сталъ бы говорить съ нею о моихъ чувствахъ прежде, нежели съ тобой? Правда, она твоя жена только по названію, но она носитъ твое имя, и передъ людьми она — твоя жена.

— И давно эти пылкія чувства разыгрались въ твоемъ сердцѣ? — насмѣшливо спросилъ графъ.

— Или ты хочешь, чтобы всѣ были такъ же слѣпы, какъ ты? Ты не замѣтилъ сокровища и тянулъ, какъ глупый ребенокъ, къ мишурному блеску. Твоя ошибка чуть не стоила тебѣ жизни, и надо надѣяться, что она вылѣчила тебя отъ нелѣпой страсти! Ты спрашиваешь, когда я полюбилъ Марію Николаевну? Да развѣ я сумѣю отвѣтить на этотъ вопросъ? первый взглядъ на нее — и я обомлѣлъ отъ восторга. Такая красавица! Но когда я заглянулъ въ ея чистую, свѣтлую душу, — я погибъ окончательно и навсегда. О, если-бы она согласилась быть моею женой! Я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ! Я люблю ее больше собственной жизни. И я думаю, что ты съ удовольствіемъ отдашь ее именно мнѣ, потому что хорошо меня знаешь... Всю свою жизнь я посвящу тому, чтобы она забыла свое печальное дѣтство и горькія разочарованія своей юности.

Легкая краска волненія уже оставила щеки графа, и снова онъ былъ блѣденъ до желтизны. Темная голова его

прижалась къ глубокимъ подушкамъ, а опущенныя вѣки и длинна тѣнь рѣсницъ скрыли его взоръ. Въ его тихомъ, слегка замиравшемъ голосѣ прозвучали ноты усталости:

— Ну, и прекрасно, дружище... Теперь, когда ты все мнѣ сказалъ, адресуйся ужъ прямо къ Маріи Николаевнѣ... Она въ правѣ располагать собою, своимъ сердцемъ, своими чувствами, своимъ словомъ... Ей стоитъ пожелать, — и свобода будетъ къ ея услугамъ. Только... совѣтую тебѣ подождать съ твоимъ предложеніемъ... Надо ей оправиться сначала... А лучшаго мужа я не могъ бы пожелать и родной сестрѣ...

— О, я не буду торопиться. Тебѣ я во всякомъ случаѣ долженъ былъ все сказать. Теперь я могу спокойно продолжать за нею хотя бы на край свѣта и постараюсь завоевать, если не ея сердце, то хотя бы ея сочувствіе.

— Надо надѣяться, что тебѣ это удастся, — устало проговорилъ графъ. — Теперь, дружище, займись предстоящимъ празднествомъ. Прежде всего разошли приглашенія; адреса и имена моихъ сосѣдей ты получишь у управляющаго. Не забудь только пригласить баронессу фонъ-Саксъ и Сюзанну Мельвиль. А я хотѣлъ бы прилечь, мнѣ надо подкрѣпить мои силы къ завтрашнему дню. Пошли мнѣ Захара.

Старый слуга явился на смѣну барону Липецъ. Онъ, какъ любящая нянька, раздѣлъ своего барчука и уложилъ его въ постель.

Исхудалый, блѣдный, обезсиленный, лежалъ послѣдній потомокъ рода графовъ Грегоровыхъ на широкой старинной постели изъ венгерскаго ясеня, подъ бѣлымъ пологомъ изъ царственныхъ венеціанскихъ кружевъ. На этой кровати спали когда-то его предки, на ней спала его покойная мать.

Но не о предкахъ и не о покойной матери думалъ теперь послѣдній графъ Грегоровъ, онъ думалъ о своей безцѣльно прожитой жизни и о той, которая мѣсяцъ тому назадъ въ невинномъ сладкомъ снѣ почивала на этой кровати. Онъ думалъ о прекрасной принцессѣ Грезѣ, о своей женѣ по названію.

А въ маленькой гостиной-буль, отдѣленной отъ графа

только одной комнатой, сидѣла та, о которой онъ грезилъ, склонивъ золотистую головку надъ толстой тетрадю.

Она писала:

„Все кончено... Завтра мой послѣдній день въ „Красовкѣ“, и какой это будетъ горькій, безотраднѣйшій день! Я буду „хозяйкой“! О, какъ жестоко смѣется онъ надо мной! Онъ хочетъ видѣть полное торжество своей возлюбленной! Но нѣтъ, я не дамъ имъ торжествовать. Я соберу всѣ свои силы, чтобы съ честью выйти изъ этого испытанія... И онъ никогда не узнаетъ, какъ я его люблю... а она не узнаетъ, какъ они вмѣстѣ сумѣли заставить страдать мое сердце! Одинъ только день и одна только ночь! Прощай, „Красовка“! Сама не знаю, за что я и тебя полюбила... Мнѣ дороги, какъ родныя, твои поля, твой роскошный паркъ, тѣнистый лѣсокъ и... одинокая могила графини Серафимы. Не мало горькихъ слезъ я пролила у холодной мраморной плиты, скрывшей останки страдальцы. Почему же я, когда увидѣла его окровавленное, безчувственное тѣло, почему я не умерла отъ горя?! И, можетъ быть, теперь я спокойно отдыхала бы отъ нестерпимыхъ мукъ. Вѣчный отдыхъ! Холодный отдыхъ! И все же онъ лучше страданій! Прощай, мой любимый!.. Послѣзавтра, подѣ веселый звонъ дорожныхъ колокольчиковъ, я ѣду отсюда... чтобы уже никогда... никогда не возвратиться... Прощайте, моя школа, мои славныя дѣтишки!.. Прощай, больница... Милая, святая церковь! Для васъ я ужъ больше не буду трудиться, — самымъ скромнымъ моимъ мечтамъ не суждено было исполниться.“

Муся захлопнула тетрадку и спрятала ее. Горячія слезы струились по ея щекамъ, и она уже не могла ихъ сдерживать.

XXXVII

ФЕЯ И ДЕМОНЪ

Муся заканчивала свой туалетъ. Кажется, никогда въ жизни она не одѣвалась такъ тщательно; на каждую мелочь она обращала вниманіе. Никогда она еще не старалась такъ подчеркнуть свою красоту, какъ сегодня. О,

если-бы могла она явиться сегодня передъ своими врагами настоящей царицей красоты, обаятельной и прекрасной!

Воздушный бѣлый туалетъ удивительно шелъ и къ ея хрупкой, нѣжной фигурѣ, и къ ея блѣдному, словно выточенному изъ мрамора, личику, и къ ея пышнымъ волосамъ, отливавшимъ золотомъ. Изъ бѣлыхъ кружевъ поэтично выглядывали ея удивительно красивыя плечи и тонкая, чистая линия шеи.

Оставалось теперь только выбрать цвѣты, чтобы украсить голову. И Муся задумчиво перебирала лежавшіе передъ нею букетики. Выбрать-ли этотъ красный макъ съ золотыми колосьями или эти блѣдныя розы съ темно-зелеными листьями, или бѣлыя ромашки съ желтой серединой, или нѣжныя незабудки, или просто красивый вѣночекъ изъ зеленой пышной травки? Муся примѣрляла по очереди цвѣты, они всѣ были ей къ лицу, и она не знала, на какихъ остановиться.

— Можно, графиня? — послышался за дверью голосъ Вѣры Ивановны.

— Ну, конечно.

И когда Вѣра Ивановна вошла, Муся указала ей на цвѣты.

— Помогите мнѣ что-нибудь выбрать, дорогая. Я сегодня хочу украсить свою голову цвѣтами.

— Цвѣты могутъ быть украшены вашей красотой, но не вы цвѣтами. Боже мой, какъ идетъ къ вамъ это бѣлое, воздушное платье! Вы мнѣ кажетесь какой-то сказочной феей, слетѣвшей на землю на воздушномъ облакѣ. Но только вамъ не придется воспользоваться этими цвѣтами. Графъ поручилъ мнѣ передать вамъ эту шкатулку, а она мнѣ такъ хорошо знакома. Это любимый драгоценный уборъ покойной графини Серафимы. Онъ удивительно богатъ и красивъ и вы будете въ немъ сказочной королевой. Въ этомъ запечатанномъ конвертѣ вы найдете ключикъ, я его ощущаю рукой.

Муся разорвала конвертъ, изъ него дѣйствительно выпалъ ключикъ, но вмѣстѣ съ нимъ и маленькая душистая карточка. Вотъ что было написано на этой карточкѣ:

„Посылаю вамъ, Марія Николаевна, любимый уборъ моей матери и надѣюсь видѣть васъ сегодня украшенной имъ. Послѣ ея смерти еще никто его не надѣвалъ. Надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ этой маленькой просьбѣ.

Искренно преданный вамъ

М. Грегоровъ.“

Дрожащими руками Муся спрятала въ свой письменный столъ коротенькое посланіе мужа.

— Откройте шкатулочку, Вѣра Ивановна.

Когда Вѣра Ивановна открыла шкатулку, передъ восхищенными глазами Муси на зеленоватой парчѣ засверкали роскошныя драгоценныя украшенія изъ бриллиантовъ и жемчуга. Тутъ было и колье, и серьги, и уборъ для головы, и браслетъ, и брошь. Въ нѣсколько мгновеній все находившееся въ шкатулочкѣ уже было надѣто Вѣрой Ивановной на Мусю.

— Какая роскошь! — проговорила Вѣра Ивановна.

И въ это мгновеніе раздался раскатъ грома. Обѣ женщины вздрогнули и невольно подошли къ окну. Черная туча заволакивала небо. И вдругъ ярко блеснула молнія и освѣтила Мусю сказочнымъ свѣтомъ.

Но вотъ порывъ вѣтра распахнулъ окно, и погасли свѣчи. Раздался новый ударъ грома, и въ темнотѣ Вѣра Ивановна и Муся ясно различили какую-то тѣнь, скользнувшую мимо нихъ.

Муся вскрикнула, и обѣ женщины прижались другъ къ другу.

Внезапно хлынувшій дождь крупными каплями колотился въ окна.

— Это была тѣнь графини Серафимы! — прошептала Вѣра Ивановна. — Ради Бога, зажгите свѣчу, я теряю сознание отъ страха.

Муся ошущюю нашла коробку спичекъ и зажгла свѣчу. Она взглянула на Вѣру Ивановну и ее поразила смертельная блѣдность, разлившаяся по щекамъ старушки.

Губы Вѣры Ивановны посинѣли, а зубы стучали.

— Успокойтесь, голубушка.

Муся ласково взяла ея руку и крѣпко ее пожала.

Вѣра Ивановна опустила на кровать.

— До сихъ поръ ноги дрожать. Она прошла такъ близко мимо меня, что я почувствовала ея прикосновеніе. Одно мгновеніе мнѣ казалось, что я умираю отъ страха. Теперь, когда все это прошло, мнѣ немножко стыдно.

Она повернулась къ окну.

— Ахъ, посмотрите, графиня. Дождя уже нѣтъ и небо проясняется. Пожалуй, снова будетъ чудная погода.

— Весенняя гроза... — тихо проговорила Муся и подошла къ окну. Оно такъ и осталось открытымъ, а подоконникъ былъ мокръ, залитъ дождемъ. Но воздухъ былъ удивительно чистъ и дышалось легко, полной грудью. И вечеръ становился все свѣтлѣе, звѣзды загорались одна за другой. Тихо вышльвала луна изъ-за облачка.

— Да, чудный будетъ вечеръ, — и невольная досада послышалась въ голосѣ Муси. — Я думала, что природа противъ нихъ и испортитъ имъ торжество. Но нѣтъ, они будутъ веселиться, подъ покровомъ чудной весенней ночи.

— Какъ вы хороши, графиня... — пробормотала Вѣра Ивановна. — И какъ странно, что призракъ графини Серафины явился вамъ именно въ то мгновенье, когда вы надѣли ея любимыя фамильныя драгоценности.

Чуть замѣтная горькая усмѣшка промелькнула по губамъ молодой женщины.

— Можетъ быть, призракъ возмущенъ дерзостью жены по названію, осмѣлившейся вѣнчать себя короной, которая не принадлежитъ ей по праву!?

— Нѣтъ, нѣтъ! — высоко взмахнула рукой старушка, — я увѣрена, что призракъ предлагаетъ вамъ грозный союзъ для борьбы съ вашими врагами.

Муся тихо подошла къ Вѣрѣ Ивановнѣ и обняла ее.

— Моя дорогая, ваша преданность готова все объяснить въ мою пользу, но, увы, я то хорошо знаю, что мои враги одержали полную побѣду и что я побѣждена и бѣгу съ поля сраженія. До сихъ поръ мнѣ не хотѣлось васъ огорчать, Вѣра Ивановна, но сегодняшній день послѣдній день, который я проведу въ „Красовкѣ“.

— Что вы говорите, графиня! — съ непритворнымъ ужасомъ воскликнула Вѣра Ивановна.

Муся распахнула дверь въ уборную.

— Вотъ посмотрите, самый необходимый багажъ не

только уже сложенъ, но и запакованъ. Я беру съ собой только этотъ чемоданъ и эту корзиночку. Всѣ свои вещи я поручаю вамъ, я ихъ сложила, и когда я вамъ напишу, гдѣ остановилась, — пошлете ихъ ко мнѣ.

Вѣра Ивановна, молча, горестно смотрѣла на запакованный чемоданъ и слезы показались на ея глазахъ.

Муся ласково приникла золотистой, роскошно разубранной головкой къ ея плечу.

— Вы меня полюбили, я это чувствую, и вамъ больно расстаться со мной. Мнѣ еще тяжелѣе, я здѣсь оставляю свое сердце и въ опустѣвшей груди уношу только смертельную тоску. И тамъ я буду думать о томъ, какъ проживаютъ моя школа, мои дѣтишки, которыхъ я успѣла полюбить, мои безпомощные больные, моя маленькая церковка, въ которой я такъ горячо молилась и о которой я заботилась. Все это уходитъ отъ меня, уходитъ навсегда. И, пока я жива, я не перестану всѣмъ этимъ интересоваться. Постоянными письмами я буду васъ спрашивать, что и какъ!

Слезы уже обильно катились по щекамъ Вѣры Ивановны, и она всхлипывала, закрывъ лицо руками.

— Ну, моя милая, хорошая, старенькая, не надо такъ плакать. Съ вами-то мы еще увидимся. Когда я устроюсь гдѣ-нибудь, я напишу вамъ и вы прїѣдете ко мнѣ погостить.

— Ваше сіяніе! — стучалась у двери въ гостиную Мотя.

— Вытрите скорѣй слезы, а я пройду туда къ ней. Я не хочу, чтобы знали, что вы плачете.

И Муся прошла въ гостиную, притворивъ за собою дверь.

— Можешь войти, Мотя.

По обыкновенію, Мотя порывисто распахнула двери и быстро вбѣжала. Но тутъ-же остановилась, какъ вкопанная, разинувъ ротъ.

— Ваше сіяніе... — пробормотала она, пораженная красотою Муси, казавшейся ей сказочной волшебницей.

— Ну, чего ты? — улыбнулась Муся, довольная произведеннымъ впечатлѣніемъ. Значитъ, не даромъ потру-

дидась она надъ своимъ туалетомъ и прической и предста-
неть передъ своими врагами въ блескъ красоты.

— Ахъ, какъ хорошо, ваше сіяніе! — продолжала
восторгаться непосредственная Мотя. — Глаза слѣпнуть!
Ровно въ сказкѣ.

— Ты лучше скажи, зачѣмъ сюда принеслась? Тебя
кто-нибудь послалъ?

— Самъ графъ меня послали, ваше сіяніе, — торопи-
тесь, моль... гости ужъ подъѣзжаютъ. Много ихъ и та-
кіе все нарядные.

— Наряднѣе меня?

— Ой, нѣтъ! — замахала головой Мотя. — Куды имъ...
Я какъ васъ увидала, такъ чуть не присѣла! Какъ въ
сказкѣ. Ой, хорошо!

— Скажи графу, что я очень извиняюсь, я еще не со-
всѣмъ одѣта. Попроси его пока принять гостей, я приду
черезъ полчаса.

Въ этотъ день, предназначенный для празднествъ,
графъ Грегоровъ уже переселился въ свои комнаты, въ
нижній этажъ, снова предоставивъ верхній — своей женѣ.
Вѣдь наверху, въ бывшихъ комнатахъ покойной графини
Серафимы, хранились всѣ вещи, туалеты и мелочи Муси,
и тамъ ей гораздо удобнѣе было одѣться къ празднеству.

Отпустивъ Мотю, молодая графиня вернулась въ свою
спальню, гдѣ все еще плакала неугомонная Вѣра Ивановна.

— Ну, голубушка, перестаньте, я не уйду, пока вы не
успокоитесь. Вечеркомъ, когда разойдутся гости, зайдите
еще разъ ко мнѣ. Мы съ вами потолкуемъ... и потомъ... я
снова передамъ вамъ эти фамильные драгоценности, кото-
рыя я надѣла только по просьбѣ графа, на нѣсколько ча-
совъ. Онѣ мнѣ не принадлежатъ, онѣ — чужія.

Уныло и томительно медленно тянулись дни для Сю-
занны Мельвиль. Она вспоминала всю свою жизнь и рѣ-
шила, что худшихъ дней ей не приходилось еще видѣть въ
своей жизни.

Униженное самолюбіе, злоба, жажда мести, забубенное
веселье, нужда, отвращеніе... всѣ эти чувства, прежде вол-
новавшія ее въ тяжелыя минуты жизни, не были такъ му-

чительны, какъ то, что испытывала она теперь... Сердечныя муки, ужасъ возможности потери любимаго чело-вѣка, дикая ревность и нестерпимая тупая боль въ груди, физическая боль...

Когда она вернулась изъ „Красовки“ послѣ свиданья съ Мусей, она сейчасъ-же написала графу длинное посланіе. Никогда еще въ жизни она такъ много не писала. Она говорила о своей любви, о своихъ душевныхъ мукахъ, о безумной жадѣ встрѣчи.

„Только бы на нѣсколько мгновеній увидѣть тебя, мой дорогой, и сразу на сердцѣ станетъ легче.“ Она предлагала ему себя, какъ сидѣлку, общая безсонныя ночи у его кровати. Она увѣряла, что не переживетъ его и, въ случаѣ страшнаго исхода, сама сойдетъ въ могилу. „Жить безъ тебя — это все равно, что не жить.“ Потомъ со смиреніемъ она умоляла о прощеніи. Свои притязанія на законный бракъ она сама называла „безумной наглостью“. Нѣтъ, не женой его будетъ она, а рабой, возлюбленной, слугой. Теперь она будетъ знать свое мѣсто. Она сообщала графу о своей полной ссорѣ съ княземъ Малаевымъ и о его отъѣздѣ.

„Теперь тебѣ ужъ не придется краснѣть и лгать, обманывать изъ-за меня, я буду твоею вещью и всѣ это будутъ знать!“

Заканчивала она свое письмо пламенной и униженной просьбой о свиданіи, осторожно намекая на свои права, — права прошлаго.

На слѣдующій день посланный привезъ ея письмо въ „Красовку“ и передалъ его въ руки молодой графинѣ. Теперь оставалось только ждать отвѣта. И Сюзанна ждала его съ тоскою и нетерпѣніемъ, и каждый день казался ей вѣчностью.

Увѣренная въ томъ, что жизнь побѣдила смерть, баронесса фонъ-Саксъ уже перестала интересоваться здоровьемъ своего зятя, хотя уже прежняго остраго недружелюбнаго отношенія не было въ ея сердцѣ къ дочери.

Она рѣшила махнуть рукой на Мусину жизнь и заняться своей собственной.

Настроеніе Липарскаго ей не нравилось. На свою бѣду она искоренила въ его душѣ всякую сантиментальность.

И чувства сухости, корыстолюбія, жадности и наглости, окрѣпшія въ этой душѣ, теперь ее пугали. Она думала о большомъ красивомъ путешествіи вдвоемъ, она думала о немъ, какъ о полезномъ лѣкарствѣ для зачерствѣлаго сердца.

Такимъ образомъ присутствіе Сюзанны начинало ее тяготить, и она уже поговаривала о деревенской скукѣ и скоромъ отъѣздѣ.

Но развѣ Сюзанна двинется съ мѣста, пока здѣсь графъ Грегоровъ! Демоны страсти совсѣмъ завладѣли душой этой женщины! Долли Евграфовну изумляла переменѣна, происшедшая въ ея пріятельницѣ. Отъ черствой, эгоистичной Сюзанны кто могъ ждать всѣхъ этихъ пламенныхъ чувствъ?! И кто могъ считать ее способной на слезы горя?!

Въ такомъ положеніи находились обитатели „Орлика“, когда были получены приглашенія, призывавшія ихъ на торжество въ „Красовку“.

Сюзанна чуть-ли не въ сотый разъ перечитывала приглашеніе, адресованное на ея имя.

Оно и радовало, и пугало ее въ одно и то же время. Если графъ Грегоровъ жаждалъ свиданья съ нею, то, конечно, постарался-бы увидѣть ее до пиршества въ „Красовкѣ“. А, съ другой стороны, если-бы онъ рѣшилъ все съ нею порвать, то совсѣмъ не приглашалъ-бы ея въ „Красовку“.

Просто, послѣ всего того, что произошло за послѣднее время, ему хочется встрѣтиться съ нею въ первый разъ въ людномъ обществѣ, а потомъ все пойдетъ по старому. Такъ рѣшила Сюзанна.

На этомъ рѣшеніи она успокоилась и стала приготовляться къ празднеству. О, она должна явиться во всемъ своемъ блескѣ, какъ царица красоты!

Какъ женщина умная и понимающая, она не могла въ глубинѣ души не сознавать исключительной красоты молодой жены графа Грегорова. О, если-бы эта госпожа умѣла подчеркивать свою красоту и владѣла-бы искусствомъ очаровывать мужскія сердца! — Тогда нечего было бы и думать о соперничествѣ съ нею! Но, къ счастью, дочь Долли Евграфовны размазня и тихоня, она не умѣ-

еть пользоваться тѣми великолѣпными данными, которыми одарила ее природа. Какой-нибудь тихоня вроде нея-же можетъ влюбиться въ нее безъ памяти, но не графъ Грегоровъ, выдавшій виды, съ притупленнымъ чувствомъ. Ему нуженъ такой перецъ, такой острый сыръ, какъ она, Сюзанна!..

И, утѣшенная своими мыслями и соображеніями, Сюзанна стала обдумывать свой туалетъ. Она перебрала весь гардеробъ и выборъ ея остановился на воздушномъ туалетѣ, удивительно эффе́ктнаго и въ то же время мягкаго цвѣта, краснаго, слегка впадающаго въ малиновый. Отдѣланъ онъ былъ темными лентами въ тонъ. Одинъ только разъ надѣвала его Сюзанна въ Петербургѣ на благотворительный вечеръ и произвела эффе́ктъ; въ этотъ день ея красоту называли дьявольской, упиваясь ею.

Да, этотъ туалетъ для даннаго случая — великолѣпнень. Сюзанна будетъ дьявольски хороша, она будетъ прекраснымъ дьяволомъ, противъ чаръ котораго не устоять!

На слѣдующій день, день празднества, Сюзанна уже съ пяти часовъ занялась своимъ туалетомъ. Она придумала эффе́ктную прическу съ проборомъ посрединѣ и крупными локонами вокругъ головы. Красныя ленты скользили, какъ змѣйки, межъ локоновъ и заканчивались острыми полубантиками, похожими на рожки. Эту прическу съ большимъ искусствомъ выполнилъ парикмахеръ баронессы.

Въ ушахъ Сюзанны засіяли рубиновыя серьги, на шеѣ рубиновое ожерелье, а на головѣ рубиновая корона, все это — одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ подарковъ графа Грегорова.

Наконецъ Сюзанна была готова. Дѣйствительно, она была эффе́ктна и обаятельна въ своемъ яркомъ платьѣ и казалась демономъ-искусителемъ.

Баронесса фонъ-Саксъ еще заканчивала свой туалетъ, когда Сюзанна вошла въ гостиную. Тамъ она встрѣтилась съ затянутымъ въ смокингъ Липарскимъ.

— Вы очаровательны, — проговорилъ онъ, цѣлуя ея руку и заглядывая ей въ глаза.

— Я хочу быть побѣдительницей...

— И вы будете ею! Даже въ моемъ холодномъ сердцѣ загорѣлись огоньки страсти.

— Вы совсѣмъ не такъ холодны, какъ кажется, — кокетливо бросила ему Сюзанна.

Черезъ полчаса всѣ они уже мчались въ „Красовку“.

XXXVIII

ПОБѢЖДЕННАЯ

Пронеслась гроза, освѣжился воздухъ, и поздняя весна подарила чудную ночь. Царственной мантіей раскинулось звѣздное небо. И луна ярко сіяла, насмѣшливо улыбаясь бѣлому облаку, единственному въ прозрачномъ небѣ, не сумѣвшему ее догнать, чтобы скрыть отъ земли.

Опять принарядилась „Красовка“ въ ожиданіи гостей. Важно тянулись зеленыя гирлянды, обвѣшенные разноцвѣтными фонариками. Въ саду и палисадникѣ открыты были всѣ фонтаны, которые разбрасывали, тихо журча, освѣжающіе бриллиантовые брызги. И нѣжные, душистые цвѣты тысячами умирали на посыпанныхъ пескомъ дорожкахъ, устилая путь, предназначенный для гостей, отъ главной аллеи парка до самаго крыльца господскаго дома.

Парадная дверь была широко раскрыта и два лакея въ ливреяхъ почтительно встрѣчали гостей. Въ вестибюлѣ ждалъ ихъ Захаръ и немедленно докладывалъ господину.

Графъ привѣтствовалъ гостей въ громадномъ старинномъ залѣ. Почти всѣ приглашенные уже съѣхались, когда Захаръ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ доложилъ о прибытіи баронессы фонъ-Саксъ, Сюзанны Мельвилъ, Липарскаго и всей компаніи, нагрянувшей вмѣстѣ съ Долли Еврафовной.

Первой вошла баронесса фонъ-Саксъ. Графъ поклонился ей преувеличенно почтительно и губы его еле прикоснулись къ ея рукѣ.

— Счастливы васъ привѣтствовать, баронесса.

— А я безконечно счастлива, что вижу васъ здоровымъ и веселымъ.

— Меня вырвала изъ рукъ смерти и выходила моя жена, — тонко улыбнулся графъ Грегоровъ.

Несмотря на всю свою антипатію къ Долли Евграфовнѣ, баронъ Липецъ привѣтствовалъ ее почтительно и вѣжливо, какъ мать любимой женщины, въ будущемъ желанной жены.

Но вотъ въ громадномъ старинномъ залѣ появилась яркая эффектная фигурка граціозной Сюзанны Мельвилъ, дьявольски интересной въ красномъ туалетѣ и сверкающихъ рубинахъ. Съ блескомъ рубиновъ могли соперничать ея глаза, горѣвшіе страстью, любовью и блаженствомъ близкаго, давножданнаго свиданья.

Теперь эти глаза видѣли только одного графа Грегорова, и къ нему стремилось все существо Сюзанны. Похудѣвшій, блѣдный, измученный болѣзнію, онъ ей казался еще краше, чѣмъ прежде. Въ яркихъ зеленыхъ глазахъ видѣла она теперь какую-то новую глубину, что-то, что притягивало къ нимъ больше прежняго.

Въ невольномъ порывѣ она протянула ему обѣ руки, забывая все на свѣтѣ, но онъ пожалъ только одну правую руку. Онъ лучше владѣлъ собою, чѣмъ она. О, ей часто говорили, что въ любви всегда такъ: когда одна сторона начинаетъ безумствовать, — другая становится благоразумнѣе.

— Вы поправились... вы здоровы... я васъ вижу... какое счастье! — въ волненіи проговорила она.

— Счастливъ и я васъ привѣтствовать, Сюзанна Леонтьевна, будьте желанной гостей, — изысканно любезно и корректно проговорилъ графъ, и напрасно Сюзанна старалась найти въ его голосѣ отзвуки страсти.

И тутъ же она сама насмѣшливо улыбнулась своимъ сомнѣніямъ. Кажется, она изволила забыть, что графъ Грегоровъ изысканно воспитанный человѣкъ, великолѣпно владѣвшій собой, и „толпѣ“ ни за что на свѣтѣ не станеть выказывать свои сокровенныя чувства. И особенно всѣмъ „этимъ“, которые сейчасъ съ жаднымъ любопытствомъ вглядываются въ ихъ встрѣчу.

Но потомъ, конечно, графъ выберетъ минутку-другую и переговоритъ съ нею наединѣ. Теперь только не надо терять самообладаніе, надо снова постепенно забирать его въ свои руки тѣми же приѣмами, которые всегда такъ сильно на него дѣйствовали.

И Сюзанна постаралась въ столовой у чайнаго стола сѣсть рядомъ съ графомъ Грегоровымъ. Зеленые глаза, ярко сіяя невѣдомой ей глубиной, спокойно скользили по ея красивому, возбужденному лицу. И щеки графа были словно безъ кровинки, и дѣланная улыбка блуждала по его блѣднымъ губамъ.

Но вотъ дверь столовой широко распахнулась заботливыми руками стараго Захара, и молодая графиня Марія Николаевна появилась, какъ прекрасное сказочное видѣніе, въ бѣломъ, воздушномъ туалетѣ съ обнаженными плечами.

Драгоценное кольцо покойной графини Серафимы сверкало всѣми огнями радуги на тонкой бѣлоснѣжной шейкѣ, а въ золотистыхъ волосахъ гордо высилась драгоценная корона. Ея милое личико, освѣщенное бархатными глазами, было блѣдно, царственно-спокойно и строго хранило отъ любопытныхъ взоровъ бурю, клокотавшую въ сердцѣ.

Шопотъ невольнаго восхищенія, какъ шелестъ листьевъ, пронесся по старинной столовой. Всѣ поднялись, чтобы привѣтствовать хозяйку дома. Многіе сосѣди видѣли ее въ первый разъ.

Ошеломленный ея красотою, замеръ баронъ Липецъ. А Липарскій, вдругъ поблѣднѣвъ, кусаль себѣ губы до крови. Въ сердцѣ баронессы фонъ-Саксъ счастливая материнская гордость боролась съ ревностью старѣющей любовницы.

Сюзанна Мельвиль одинъ только разъ взглянула на молодую графиню Марію Николаевну, и сердце тоскливо заняло въ ея груди, и сейчасъ же перевела она свой взоръ на графа Грегорова. Онъ былъ такъ же спокоенъ и корректенъ, какъ и до появленія своей жены, только его блѣдныя щеки слегка окрасились румянцемъ и глаза какъ будто еще ярче загорѣлись въ бездонной глубинѣ.

Не торопясь, онъ всталъ и подошелъ къ своей женѣ. Овладевъ ея рукой, онъ почтительно поднесъ ее къ своимъ губамъ, и какъ будто продлилъ свой поцѣлуй долѣе, чѣмъ слѣдовало. Или это только показалось ревнивымъ глазамъ Сюзанны?

Ровнымъ, мягкимъ голосомъ, полнымъ уваженія, представлялъ онъ всѣхъ гостей своей женѣ. Къ дамамъ она под-

ходила сама, привѣтливо улыбаясь. И столько было въ ней свѣтской граціи и умѣнія владѣть собой, какъ будто она родилась въ этой сверкающей коронѣ и всю жизнь провела въ великосвѣтской гостиниой.

Она переродилась здѣсь, въ „Красовкѣ“, — отъ скромной, запуганной провинціалки не осталось и слѣда. И какъ похорошѣла, несмотря на блѣдность и синеву подъ глазами, наложенную безсонными ночами! Или этотъ бѣлый роскошный туалетъ и эти старинныя драгоценности такъ красили ее?

Жена управляющаго, маленькая старушка, стояла рядомъ съ графиней Маріей Николаевной и преданными глазами слѣдила за каждымъ ея движеніемъ. Когда графиня подошла къ баронессѣ фонъ-Саксъ, Долли Евграфовна искренно заволновалась.

— Муся, мое дитя! — пробормотала она умоляющимъ тономъ.

— Рада васъ видѣть, — также ровнымъ голосомъ проговорила молодая женщина, и ея розовыя холодныя губки прикоснулись ко лбу матери.

Вотъ Муся очутилась рядомъ съ Липарскимъ, и онъ расшаркивается и смотритъ на нее влюбленными, наглыми глазами... Легкая гримаска отвращенія промелькнула по ея лицу, но она овладѣла собою и быстро прошла мимо Липарскаго.

Но вотъ она очутилась лицомъ къ лицу со своей счастливой соперницей, Сюзанной Мельвилъ. Самообладаніе измѣнило Мусѣ. Задрожала ея рука, потянувшаяся къ Сюзаннѣ, голосъ ей не повиновался.

Да, она была хороша, ея соперница, въ своемъ красномъ эффектномъ туалетѣ, съ кровавыми лентами въ бѣлокурыхъ волосахъ, съ кровавыми рубинами на обнаженной бѣлоснѣжной шеѣ!.. Кровь — это ея девизъ... И передъ глазами промелькнула окровавленная рана въ правомъ плечѣ ея мужа, графа Грегорова. Своею кровью онъ купилъ любовь этой женщины и удалилъ соперника.

И Сюзанна, вглядываясь въ тонкое, правильное, одухотворенное личико, освѣщенное бархатными, ясными глазами, — потеряла даръ слова. Такъ онѣ и разошлись въ разныя стороны, лишь пожавъ другъ другу руки.

Послѣ чая графъ Грегоровъ отъ имени гостей, собравшихся въ громадномъ старинномъ залѣ, попросилъ свою жену что-нибудь сыграть на старомъ Блютнерѣ, любимцѣ его покойной матери.

Муся даже благодарна ему была за эту просьбу. Такъ трудно было сдерживать себя и сохранять корректную холодность. Въдѣ сердце разрывалось на части въ ея груди отъ боли и обиды. Рояль дастъ ей возможность хоть отчасти высказаться.

Муся даже не вспомнила своихъ любимцевъ — классиковъ; едва ея руки коснулись клавишей, какъ полилась импровизація изъ-подъ ея быстрыхъ пальцевъ.

Тоска, обида, любовь безъ отвѣта, первыя муки ревности — всѣ эти чувства заговорили въ дивныхъ гармоничныхъ звукахъ... Толпа гостей замерла, очарованная... Но вотъ прозвучалъ послѣдній аккордъ, и нѣжныя руки безсильно упали на колѣни.

Раздались искренніе аплодисменты. Одинъ только графъ Грегоровъ не аплодировалъ. Онъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, еще болѣе поблѣднѣвшій, съ полуопущенными вѣками, словно застывшій. Зато баронъ Липецъ поспѣшно подошелъ къ Мусѣ, поцѣловалъ ея ручки, создавшія дивную мелодію, и дрожащимъ отъ волненія голосомъ разсыпалъ комплименты.

Брови графа Грегорова сдвинулись, какъ будто онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ: онъ быстро отодвинулся отъ стѣны и соединился съ толпой гостей, приглашая въ садъ, во дворъ, въ палисадникъ, куда только будетъ угодно, лишь бы всѣ чувствовали себя непринужденно, какъ дома.

И гости разбрелись по дому и по саду, а въ столовой уже накрывали столъ къ ужину.

Оживился садъ и загремѣли веселые звуки оркестра.

Баронъ Липецъ предложилъ руку графинѣ Маріи Николаевнѣ, и она приняла эту руку и оперлась на нее. Объ руку съ барономъ Липецъ она направилась въ садъ.

Глаза ея искали графа Грегорова и Сюзанну Мельвиль. Едва только графъ спустился въ садъ, какъ Сюзанна къ нему подскочила. Она ему что-то сказала, и онъ предложилъ ей руку, и они, бесѣдуя, по главной аллеѣ углубились

въ конецъ сада. И густыя деревья тяжелыми вѣтвями скрыли ихъ отъ глазъ Муси.

Съ тихимъ, подавленнымъ стономъ молодая женщина сильнѣе оперлась на руку барона Липецъ.

— Что съ вами, графиня? — заботливо наклонился онъ къ ней.

— О, ничего особеннаго... Не правда-ли, какая прекрасная ночь! Какъ дышится легко... не правда-ли? Пройдемте же подальше, въ глубину сада...

И Муся увлекла за собою барона Липецъ по слѣдамъ графа и Сюзанны. На отдаленной скамейкѣ у бесѣдки они сидѣли рядышкомъ, какъ влюбленная пара, и о чемъ-то горячо бесѣдовали.

Муся остановилась. Ей трудно было дышать, ея ноги подкашивались.

— Пойдемте отсюда, — шепнулъ ей баронъ Липецъ. — Мы здѣсь лишніе.

— Да, да... пойдете... мнѣ душно... кружится голова...

И, спотыкаясь, торопливо, всею силой опираясь на руку барона Липецъ, Муся бѣжала изъ сада, подальше отъ этой влюбленной пары, наконецъ соединившейся послѣ долгой разлуки. Пролитая кровь ихъ свяжетъ еще крѣпче...

Муся опомнилась и остановилась уже во дворѣ передъ флигелемъ управляющаго. Домикъ былъ пустъ, хотя двери открыты и окна освѣщены.

— Благодарю васъ, баронъ, за вашу любезность, — съ трудомъ проговорила Муся. — Я бы хотѣла пройти къ Вѣрѣ Ивановнѣ. Мнѣ не совсѣмъ хорошо... душно. Я оправлюсь. Я сейчасъ вернусь... Только не ждите меня здѣсь. Я отдохну немного. Вы правы, я подорвала свое здоровье и свои силы. Мнѣ надо лѣчиться... И я уѣзжаю... Вы знаете, я завтра же уѣзжаю отсюда...

Она горько разсмѣялась.

— И навсегда! Сидѣлка уже не нужна. Будетъ! Я имъ больше не позволю смѣяться надъ собой!

— Успокойтесь, графиня, во мнѣ вы всегда найдете преданнаго друга. Вы не такъ одиноки, какъ думаете, я...

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите... Ничего мнѣ сегодня не говорите... Я не могу васъ слушать... Не могу... Постѣ... когданибудь... но не сегодня...

Она вырвала свою руку, быстро направилась къ флигелю и скрылась въ дверяхъ квартиры управляющаго. Баронъ Липецъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, а потомъ уныло побрелъ къ саду.

Муся прошла въ комнату Вѣры Ивановны, спустила шторы, чтобы никто не могъ ее видѣть со двора, и въ отчаяніи опустилась въ маленькое кресло у туалетнаго столика.

Больше ужъ она не могла себя сдерживать. Тоска, ревность, оскорбленная любовь душили ее. Слезы горячими каплями хлынули изъ ея глазъ. Золотистая головка, украшенная сверкающей короной, бессильно склонилась на руки. Плечи вздрагивали отъ рыданій.

Муся не слышала, какъ тихонько пріотворилась дверь и показалось испуганное лицо Вѣры Ивановны. Въ такомъ отчаяніи и въ слезахъ старушка еще никогда не видѣла молодой графини. И она не посмѣла утѣшать ее, ретировалась и тихо закрыла за собой дверь.

А Муся все чаще вздрагивала, слезы все обильнѣе лились изъ ея глазъ. Тихія слова отчаянія срывались съ ея устъ.

Сюзанна откинулась на скамейку и съ вызывающимъ полусмѣхомъ спросила графа Грегорова:

— Ну, теперь мы, кажется, наединѣ и вдали отъ гостей. Теперь могу я, наконецъ, заговорить откровенно?

— Прошу васъ.

— Но почему же вы до сихъ поръ только корректны? Мы съ вами такъ долго не видѣлись... Развѣ такую должна была быть наша встрѣча?

Усталая улыбка промелькнула по губамъ графа Грегорова.

— Вы, вѣроятно, думали, что она будетъ очень бурной? Что васъ осыплютъ гнѣвными упреками?

— Нѣтъ, о, нѣтъ! Я думала, что наша встрѣча будетъ болѣе сердечная. Почему вы должны упрекать меня?

Развѣ я не умоляла васъ бѣжать отсюда? Я предвидѣла опасность... Я указывала вамъ на дикій, бѣшенный характеръ князя Малаева. Но вы хотѣли меня испытывать... и... разыгралась катастрофа.

— Я не виню васъ въ происшедшемъ. Или мое приглашеніе не доказало вамъ этого?

— Приглашеніе? Какимъ языкомъ говорите вы со мною сегодня?

— Я стараюсь быть корректнымъ. Вѣдь, сегодня я „хозяинъ“ и долженъ быть равно любезенъ со всѣми своими гостями, и особенно съ дамами.

Сюзанна съ глубокимъ изумленіемъ смотрѣла на него. Говорить онъ серьезно или шутить? Можетъ быть, смѣется надъ нею? Но, всегда такое чуткое, теперь самолюбіе ея молчало, только въ сердцѣ отдавалась тупая боль.

— Боже мой, Мими, что съ тобою? — со слезами въ голосѣ спросила она. — Или ты успѣлъ разлюбить меня?

Казалось, искренность ея горя тронула графа, и въ отвѣтъ его послышались теплыя, ласковыя ноты.

— Сюзанна, сегодня не будемъ объ этомъ говорить... слишкомъ тяжело еще... Рана такъ свѣжа... И потомъ... сегодня... я... я только хозяинъ... Мое долгое отсутствіе и интимная съ вами бесѣда вызовутъ нежелательные толки и сплетни. Вашъ вопросъ слишкомъ острый. Если мы начнемъ говорить, то на двухъ-трехъ фразахъ не остановимся... И, кромѣ всего остального, я не хотѣлъ бы оскорбить графиню Марію Николаевну. Я долженъ считаться съ тѣмъ, что она спасла мнѣ жизнь.

— Все дѣло въ ней, въ этой женѣ по названію! Такъ бы сразу вы и сказали! — съ ревнивой злобой крикнула Сюзанна.

— Успокойтесь, мой другъ, — съ легкой насмѣшкой проговорилъ графъ. — Если позволите, я провожу васъ къ гостямъ. Тамъ ужъ, вѣроятно, замѣтили наше отсутствіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не уйду отсюда, пока вы не скажете мнѣ, что любите меня, что все останется по старому! Или теперь, когда я смирилась, теперь, когда я такъ искренно васъ люблю, больше собственной жизни, —

теперь, почувявъ свою силу, вы будете смѣяться надо мной?

— Вы невольно признаетесь, Сюзанна! Теперь вы любите меня искренно, значитъ, раньше вы меня только обманывали?

— Я себя обманывала, а не васъ! Я не понимала, какое огромное, сгратное чувство заползло въ мое сердце! Я себя не понимала. Привычка прошлаго ввела меня въ обманъ... Я не сумѣла обуздать глупое самолюбіе и я чуть не потеряла васъ. Знаете ли вы, что слѣдомъ за вами я сошла бы въ могилу?! Я уже не могу существовать безъ васъ. Въ васъ — весь мой міръ, и нѣтъ той жертвы, которой я вамъ не принесла бы!

— Сюзанна... только не сегодня... только...

— Нѣтъ, нѣтъ! — она порывисто схватила его за руку. — Именно сегодня, сейчасъ, сію минуту. Я ждала слишкомъ долго, и терпѣнія уже нѣтъ! Мое сердце выстрадало больше, чѣмъ могло! Сжальтесь, хотя бы въ память прошлаго... въ память нашихъ ласкъ, нашей страсти, тѣхъ наслажденій, которыми я васъ дарила. И всему виною мои глупыя притязанія на законный бракъ... Я сама думала, что самолюбіе мною руководить. Увы, это была только жажда навсегда прикрѣпить васъ къ себѣ! Но отъ этой мысли я отказалась... Я хочу только любить тебя! Рабой твоей хочу я быть, возлюбленной... Бей, топчи меня ногами, наслаждайся моимъ тѣломъ! Истязай меня! Только не смотри такъ... такъ не смотри на меня. Холодность, насмѣшку читаю я въ глубинѣ твоихъ глазъ! Равнодушіе въ тѣхъ глазахъ, которые сіяли для меня чудными звѣздами страсти! Нѣтъ, это выше моихъ силъ... Милый, дорогой, это выше моихъ силъ! Сжался, сжался...

И, рыдая, Сюзанна бросилась къ ногамъ графа Грегорова и цѣловала его руки и цѣплялась за его одежду. Нѣсколько мгновеній, растерянный, онъ не зналъ, что ему дѣлать, что сказать, какъ ее утѣшить. Ихъ роли перемѣнились. Въ былые дни онъ, какъ нищій, молилъ ее, сгорая отъ бѣшеней страсти. Теперь она, нищая, ползаетъ у его ногъ. Жалость тѣснила его сердце.

И вдругъ вѣтеръ пронесся по саду, и зашелестѣли де-

ревья, и изъ глубины послышались словно подавленные стоны. Невольный страх охватилъ обоихъ — и Сюзанну, и графа Грегорова. Она поднялась съ колѣнъ и выпрямилась. Оба прислушивались.

И снова зашелестѣлъ вѣтеръ и стало темно, потому что луна спряталась за облако. И какая-то черная тѣнь, какъ клубъ дыма, громелькнула между Сюзанной и графомъ. Или это имъ показалось?

Но слезы высохли въ глазахъ Сюзанны: блѣдная, она вопросительно и жадно смотрѣла на своего возлюбленнаго.

— Не сегодня, Сюзанна, — упрямо повторилъ онъ. — И больше ни минуты не могу оставаться въ этомъ уединеніи... Пойдемте!.. Вашу руку, Сюзанна.

Она покачала головой.

— Идите вы одни... занимайте гостей... веселитесь... пусть торжествуетъ жена по названію...

— А вы, Сюзанна?

— Я останусь здѣсь, успокоюсь и вернусь въ ваше общество... Я буду веселиться и никто не замѣтитъ моего горя потому, что я глубоко виновата передъ вами, и потому, что вы этого хотите.

XXXIX

ОСКОРБЛЕННАЯ

— Мы вѣ васъ будемъ ждать, Сюзанна Леонтьевна.

И съ легкимъ поклономъ графъ Грегоровъ быстро ретировался. Вскорѣ его стройная фигура, заслоненная густыми вѣтвями, исчезла. Но Сюзанна еще долго смотрѣла ему вслѣдъ. Не злоба свѣтилась въ ея глазахъ, а изумленіе и тоска.

Какъ странно онъ велъ себя сейчасъ! Какія странныя фразы ей говорилъ!.. Правда, тамъ гости и онъ къ нимъ торопился, но времени было достаточно, слишкомъ даже много, чтобы сказать ей хоть одно слово любви!

Ахъ, да!.. Онъ боялся „оскорбить“ графиню Грегорову, свою жену „по названію“! Но ее, Сюзанну, онъ не боялся оскорблять. Съ нею онъ не церемонился. Она, да-

рившая ему наслаждения и муки любви, была слишком ничтожна въ его глазахъ!.. Или, можетъ быть, слишкомъ „вынослива“?..

Не то, не то... не въ этомъ дѣло!.. Все можно простить любимому, все можно забыть... но... почему такъ встревожена душа? Почему слезы клокочуть въ горлѣ, поднимаются, готовы брызнуть изъ воспаленныхъ глазъ?

Не надо, нѣтъ, не надо слезъ!.. бороться... до послѣднихъ силъ бороться. Бывали и болѣе безнадежныя положенія въ ея жизни... и все-таки она побѣждала!..

Новый порывъ энергіи охватилъ Сюзанну, и она быстро поднялась. Побороть слабость своего сердца и пойти туда, къ нимъ, съ видомъ побѣдительницы!.. Игривые взгляды, задорный смѣхъ, острыя словечки!.. Ее часто называли опьяняющимъ бокаломъ шампанскаго! И сегодня она будетъ „опьянять“ своей граціей, своимъ умомъ, своимъ кокетствомъ!..

И, когда отуманенные поклонники завертятся вокругъ нея, тогда опять она почувствуетъ на себѣ ревнивый взглядъ ярко-зеленыхъ глубокихъ глазъ, которые для нея сейчасъ дороже цѣлаго міра.

И, полная новой надежды, Сюзанна быстро и легко двинулась изъ темной глубины сада къ яркому свѣту, къ веселымъ звукамъ вальса, къ шумному говору и смѣху гостей.

Между тѣмъ тотъ, къ которому неслись всѣ мечты и желанія Сюзанны, графъ Грегоровъ, покинувъ уединенную темную аллею, смѣшался съ толпою нарядныхъ веселыхъ гостей. Каждой и каждому онъ находилъ любезное, пріятное слово. Но, перекинувшись двумя-тремя фразами, онъ уже спѣшилъ дальше, и разсѣянный взоръ его безпокойно скользилъ, словно искалъ кого-то.

Вотъ онъ столкнулся со своимъ другомъ и претендентомъ на руку его жены „по названію“, — съ барономъ Липецъ.

— Что это ты въ печальномъ одиночествѣ, Володя?

Но баронъ Липецъ только недовольно пожалъ плечами, какъ бы давая понять, что совсѣмъ не желалъ бы вступать въ бесѣду, и съ тѣмъ же сосредоточеннымъ грустнымъ видомъ повернулъ въ боковую аллею.

А зеленые глаза, ярко вспыхивая, вглядывались во всё уголки сада, какъ бы кого-то разыскивая.

— Вѣра Ивановна! — окликнулъ графъ, встрѣтившись съ маленькой старушкой, чуть не плакавшей отъ горя.

— Ваше сіятельство, наконецъ-то! — протянула она къ нему свои худенькія морщинистыя руки, — наконецъ-то я васъ нашла, ваше сіятельство!..

— Въ чемъ дѣло, Вѣра Ивановна?

— Ахъ, если-бы я понимала, въ чемъ дѣло, ваше сіятельство! Увы, я сама ровно ничего не понимаю. Но я такъ огорчена, я готова плакать. Я не знаю, что случилось съ Маріей Николаевной. И потомъ, эта внезапная гроза сегодня... Эта тѣнь покойной графини Серафимы, промелькнувшая сегодня между нами!.. Я чуть не потеряла сознание отъ страха. Марія Николаевна хочетъ, чтобы я молчала... и я всё время молчу... но уже нѣтъ силъ. Она такъ горько рыдаетъ, что-нибудь да случилось. Я больше не могу молчать... не могу, не могу, не могу...

Отрывистыя, безсвязныя фразы срывались съ устъ Вѣры Ивановны, и ей самой казалось, что она бредитъ. Она вся дрожала, и зубы ея стучали какъ въ лихорадкѣ, и волосы словно шевелились на головѣ.

— Я ничего не понимаю, Вѣра Ивановна, — прервалъ ее испуганный графъ. — Я боюсь, что вы больны, что вы бредите.

Онъ схватилъ ея руку, а рука была холодна какъ ледь.

— Но если что-нибудь случилось, ради Бога, говорите, Вѣра Ивановна.

— Да, да, я все скажу. Если-бы она мнѣ даже приказала молчать, я все равно все сказала бы! Я больше не могу молча смотрѣть на ея страданія.

— О комъ вы говорите, Вѣра Ивановна? — съ тревогой спросилъ графъ.

— Боже мой, неужели вы не догадываетесь, ваше сіятельство? Я говорю о графинѣ Маріи Николаевнѣ, о вашей женѣ.

— Но я васъ не понимаю, Вѣра Ивановна...

— По вашему приказанію я отнесла шкатулку графини-

нѣ Маріи Николаевнѣ, шкатулку, принадлежавшую вашей покойной матушкѣ, въ которой хранились ея любимыя драгоценности. Едва только я успѣла надѣть ихъ на графиню Марію Николаевну, — какъ вдругъ потемнѣло небо и раздались удары грома, вслѣдъ за ослѣпительной молніей... тѣнь покойной графини Серафимы промелькнула между мной и молодой графиней. Я чуть не потеряла сознание отъ страха. И я узнала, что графиня Марія Николаевна завтра уѣзжаетъ отъ насъ навсегда. Какое это большое для всѣхъ несчастье! Столько добра она всѣмъ намъ сдѣлала! И всѣ благословляютъ ея имя и боготворятъ ее! И теперь вдругъ она отъ насъ уходитъ навсегда. И это потому, что сердце ея разбито! А теперь что-то опять случилось, что-то новое... потому что она въ моей комнаткѣ и горько рыдаетъ. Она, — такая сильная и стойкая, — она рыдаетъ, какъ ребенокъ.

— Рыдаетъ? Моя жена? Теперь? Вы говорите: въ вашей комнаткѣ?

— Да, да, въ моей комнаткѣ. Я встрѣтилась въ саду съ барономъ Липецъ, и онъ мнѣ сказалъ, что молодую графиню, очень разстроенную, онъ провелъ до дверей моей квартиры. И онъ послалъ меня къ ней. Всѣ двери были раскрыты, и я нашла графиню въ моей комнаткѣ, въ той самой, въ которой бѣдняжка такъ сладко спала въ ту роковую ночь. Она сидѣла въ креслѣ у туалетнаго столика, безильно склонивъ на руки свою золотистую головку, украшенную сверкающей коронкой, короной покойной графини Серафимы. Ея плечи вздрагивали отъ рыданій, она всхлипывала и тихо стонала. Я никогда еще не видѣла ея въ такомъ отчаяніи, — она вѣдь такъ умѣетъ владѣть собою. Очевидно, не стало силъ... а я... я не посмѣла ее утѣшать. Сначала я хотѣла найти барона Липецъ и все ему рассказать, онъ такъ преданъ моей госпожѣ... но потомъ... я подумала о васъ и о той любви, какую выказывала вамъ графиня Марія Николаевна за все время вашей тяжелой болѣзни... и я подумала, что вы захотите ее утѣшить... захотите ей помочь въ ея горѣ.

Графъ Грегоровъ внимательно выслушивалъ нервную, торопливую рѣчь Вѣры Ивановны и въ то же время въ нетерпѣніи кусалъ свои губы, словно не могъ дождаться,

когда, наконецъ, кончится этотъ длинный разсказъ! И когда, наконецъ, старушка умолкла, поглядывая на него умоляющими, полными слезъ глазами, онъ снова порывисто схватилъ ее за руку.

— Я не знаю расположенія вашихъ комнатъ, Вѣра Ивановна, пожалуйте, доведите меня до дверей вашей комнатки. Можетъ быть, я сумѣю утѣшить мою жену.

И Вѣра Ивановна шла впередъ и быстро-быстро, насколько позволяли ей ея годы, сѣменила старыми ногами, И графъ Грегоровъ слѣдовалъ за нею, уже овладѣвшій собою, на видъ холодный и спокойный.

Празднество было въ полномъ разгарѣ. Холодное, игристое шампанское, ароматъ цвѣтовъ и весенней ночи, веселые, бравурные звуки музыки, блескъ звѣздъ и лунное сіяніе, журчаніе фонтановъ и графская роскошь, — все это плѣняло и веселило гостей, и каждый былъ занятъ самимъ собою. Никто не замѣтилъ взволнованной старушки, быстро двигавшейся къ флигелю, и слѣдовавшаго за нею владѣльца „Красовки“. Вотъ они вошли въ подъѣздъ, вотъ промелькнули по уютнымъ комнатамъ, вотъ остановились у закрытыхъ дверей.

— Здѣсь, — прошептала Вѣра Ивановна, и оба они остановились, прислушиваясь.

Тихій стонъ, вздохъ, и опять тихій стонъ и судорожное всхлипываніе.

— Подождите меня въ крайней комнатѣ и никого не пускайте, — прошепталъ графъ, наклоняясь къ уху Вѣры Ивановны.

И старушкѣ казалось, что шопотъ его прерывается отъ волненія, что она слышитъ, какъ бьется его сердце. Въ отвѣтъ на его просьбу она только кивнула головою и на цыпочкахъ, придерживая платье, вышла изъ комнаты. Она заперла входную дверь на ключъ и, какъ вѣрный сторожъ, сѣла у закрытыхъ дверей.

Грегоровъ колебался, прислушиваясь къ тихимъ всхлипываніямъ; но вдругъ рѣшительно взялся за ручку, распахнулъ дверь и вошелъ.

Бѣлое воздушное видѣніе — она сидѣла въ креслѣ у столика, уронивъ на руки золотистую головку, вѣнчанную любимой короной покойной графини Серафимы. Ея слов-

но, выточенные изъ мрамора обнаженные дѣвичьи плечи вздрагивали отъ заглушенныхъ рыданій. По нѣжной тонкой шеѣ ползли завитки волосъ, какъ золотистыя змѣйки. Ея рыданія то утихали на мгновенье, то возобновлялись съ новой силой.

— Марія Николаевна, — тихимъ дрожащимъ голосомъ проговорилъ онъ.

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и вскочила. Того, кто исторгъ изъ ея глазъ потоки горькихъ слезъ, она увидѣла передъ собой. Стыдъ и ужасъ охватили ее, и она закрыла лицо руками.

— Марія Николаевна, — его голосъ прозвучалъ укоромъ, — вы плачете? Въ моемъ домѣ вы плачете и со мной, вашимъ преданнымъ, искреннимъ другомъ, вы не хотите быть откровенны, вы не хотите открыть мнѣ свою душу, причину своихъ слезъ?!

Она уже не плакала, но взгляды ея, полный смятенія и муки, не находилъ себѣ мѣста.

— Боже мой... зачѣмъ вы пришли сюда? Кто могъ вамъ сказать?

— О чемъ вы плачете? — тихо, съ мольбой повторилъ онъ свой вопросъ.

— Это такъ понятно. Я привыкла... я прожила здѣсь столько мѣсяцевъ съ ними, со всѣми я сроднилась, вмѣстѣ работали, вмѣстѣ мечтали о будущемъ, а завтра я уѣзжаю, бросаю ихъ всѣхъ навсегда. Мои дѣтишки, мои больные, мои бѣдные, кто будетъ теперь заботиться о нихъ и какъ? Я отдавала имъ свою душу... сдѣлаетъ ли это тотъ, кто замѣнитъ меня?

— Никто васъ не замѣнитъ, Марія Николаевна. Завтра вы собираетесь ѣхать лѣчиться и отдыхать, такова была ваша воля, и я не смѣлъ ей противиться. Но я былъ увѣренъ, что вы снова вернетесь сюда.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это мнѣ не по силамъ! — невольно сорвалось съ ея устъ.

— Вотъ видите, вы говорили мнѣ неправду, объясняя причину вашихъ слезъ. Вы сами себя выдали. Зачѣмъ вы мнѣ сказали неправду, Марія Николаевна? Развѣ я не заслуживаю вашего довѣрія?

Она вспыхнула отъ смущенія и невольнаго гнѣва.

— Почему же я должна была открыть вамъ свою душу? Я вамъ — чужая и ваше любопытство мнѣ непонятно.

— Марія Николаевна!

— Да, да! Теперь вы меня укоряете, потому что я говорю вамъ правду! Завтра я уѣзжаю, уѣзжаю навсегда! Я хотѣла гордо и молча унести съ собою обиду и сердечную боль. И вы бы никогда не узнали... Но разъ судьба насъ столкнула сегодня, — я уже не буду молчать, я вамъ скажу ту правду, которую вы сами вызываете у меня!

— И, какъ горька она ни будетъ, эта правда, — она все же лучше, чѣмъ молчаливое презрѣніе. Упрекайте меня, Марія Николаевна, если я это заслужилъ.

— О, я должна была быть вамъ такъ благодарна за то, что вы для меня сдѣлали.

— Вы спасли мнѣ жизнь — два раза — и мы уже дважды квиты.

— Нѣтъ, нѣтъ! Такъ не говорите со мною... умоляю васъ... Я скажу вамъ правду, ту правду, которой вы не сознаете, которая ускользнула отъ васъ. Въ минуту отчаянья, когда грязная страница жизни развернулась передо мною и, безпомощная, я наивно обратилась къ вамъ, едва меня знавшему, — вы протянули мнѣ руку спасенія, какъ благородный рыцарь. Правда, я „страховала“ васъ отъ безумнаго шага, который могъ вамъ стоить чести и жизни... но... Но вы оказали мнѣ самое высшее довѣріе, отдавъ въ мои руки честь вашего имени. Надѣюсь... я не заслужила упрека?!

— Въ графской коронѣ Грегоровыхъ вы будете однимъ изъ самыхъ чистыхъ брилліантовъ.

Горькая улыбка пробѣжала по ея губамъ.

— Случайный камень, на время замѣнявшій настоящей! Но не въ этомъ дѣло, графъ. Я приняла вашу рыцарскую жертву съ безконечной благодарностью въ сердце, и вы стали идеаломъ этого одинокаго бѣднаго сердца. Я углубилась въ порученную мнѣ вами благородную и благодарную работу, съ вашимъ именемъ на устахъ. И годы прошли бы... и я все трудилась бы, вдохновленная вашимъ именемъ, благословляя васъ и молясь за ваше счастье.

— Я это понималъ, Марія Николаевна, и цѣнилъ.

— Нѣтъ! Тогда бы вы не пріѣхали сюда въ минуту слабости и не посвящали бы моей дѣвичьей души во всё изгибы вашей чудовищной страсти! Вы налетѣли, какъ вихрь, смели мой покой и, какъ вихрь, исчезли по первому зову поработившей васъ женщины. Въ своемъ эгоизмѣ обо мнѣ вы не думали.

— Возлѣ васъ, свѣтлой и чистой, я искалъ спасенія, я боролся съ тѣмъ, что находилъ преступнымъ и позорнымъ, но... тогда... я не разсчиталъ своихъ силъ.

— Вѣрю!... но не нужно было второго опыта, разъ вы знали, что не можете надѣяться на свои силы, что страсть, которую вы сами считаете „позорной и преступной“, выше вашей порядочности. Налетѣвшій внезапно вихрь унесся такъ же внезапно. Проходили мѣсяцы, и трудъ и время успокоили встревоженное сердце. Гдѣ-то въ глубинѣ еще ныла нанесенная сердцу рана, но такую боль можно было терпѣть, съ нею можно было и жить, и трудиться.

— Марія Николаевна!..

— Постойте! Теперь я уже все вамъ скажу. Вы вернулись больной и разбитый, съ твердымъ рѣшеніемъ покорить разсудку злую страсть. Какъ вѣрная сидѣлка, проводила я дни и ночи у вашей постели, стараясь спасти не только ваше тѣло, но и вашу душу. И мнѣ уже казалось, что я достигла желанной цѣли. Увы, вашъ злой гений снова овладѣлъ вами. Не считаясь даже съ обыкновеннымъ моимъ самолюбіемъ, вы игнорировали ту, которая выходила васъ во время вашей болѣзни, и, по желанію вакханки, вы устроили ей пиршество подъ одной со мною кровлей, предавая меня досужимъ языкамъ.

Она закрыла лицо руками.

— Марія Николаевна...

— Постойте! — страстно перебила его она. — Я еще не кончила! Когда я узнала объ этомъ пиршествѣ, я цѣлый день скиталась по полямъ и лѣсамъ. Я не хотѣла и не могла стоять „съ нею“ рядомъ! Вернулась я утомленная предыдущей безсонной ночью и долгимъ скитаніемъ. Меня пріютила добрая Вѣра Ивановна, и я крѣпко заснула на этой кровати. Когда я открыла глаза, мнѣ казалось, что пиршество еще въ полномъ разгарѣ. Сіяли огни и гре-

мѣла веселая музыка. Но изъ письма Мельвиль я узнала, что... что вы изъ-за нея подставляете подъ пулю вашу голову! Изъ-за нея! Но мысль о кровавой опасности затемнила всѣ остальные. Я бросилась къ вамъ. Вы подтвердили мнѣ ужасную истину... но... въ то же время вы мнѣ сказали... что послѣдняя ваша мысль будетъ обо мнѣ.

— Я сказалъ вамъ правду!

— Перестаньте!.. — съ волненіемъ снова перебила его она. — Я покорилась неизбѣжному, но я поѣхала вслѣдъ за вами... Мнѣ казалось, что я сойду съ ума, когда я васъ увидѣла безчувственного и окровавленного. Но я собрала всѣ свои силы и привезла васъ домой. Дни и ночи опять я проводила у вашей постели. Когда вы боролись со смертію, я на колѣняхъ молила Господа даровать вамъ побѣду въ этой борьбѣ!... Судьба васъ снова сохранила и, казалось, вы были мнѣ такъ благодарны за мои заботы. И вдругъ это пиршество! Чаша переполнилась. Вы знали, что на завтра назначенъ мой отъѣздъ, и не могли отложить празднества въ честь вашей возлюбленной!

— Сегодняшній праздникъ въ вашу честь, Марія Николаевна! Или я недостаточно это подчеркнулъ? Развѣ всѣмъ я не представилъ васъ, какъ хозяйку моего дома? Развѣ не были на васъ надѣты любимыя вещи моей покойной матери, которыхъ не касалась даже рука моей первой жены? Развѣ...

— Пойдите. Но развѣ не пригласили вы и госпожу Мельвиль? И мою мать? И Липарскаго? Всѣхъ тѣхъ, встрѣча съ которыми мучительно меня унижаетъ.

— Я хотѣлъ возвысить васъ въ ихъ глазахъ и подрѣзать длинные языки. Я зналъ, что вы вернетесь въ „Красовку“ и...

— Вы такъ мнѣ объяснили это пиршество, и, со смертію въ душѣ, я принарядилась и всѣмъ имъ пожимала руки. Чего мнѣ это стоило! Но, можетъ быть, вы удалились рука объ руку съ госпожей Мельвиль на глазахъ у всѣхъ въ темную аллею сада, чтобы подчеркнуть мнѣ ваше уваженіе... мнѣ, „царицѣ“ этого „пиршества“? Графъ, мы разстанемся... навсегда... и незачѣмъ намъ другъ другу лгать въ минуту прощанья. Я унизилась до того, что по-

слѣдовала за вами и госпожей Мельвиль, и была свидѣтельницей вашего горячаго любовнаго объясненія!

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло? Вы ревнуете!

Она покраснѣла до слезъ и, гнѣвная, горячо протестовала.

— Не смѣйте мнѣ это говорить!

— Смѣю и буду говорить, потому что я васъ люблю, Марія Николаевна.

Она тихо вскрикнула и не то радостно, не то испуганно и прижала руку къ трепетно забившемуся сердцу. Она хотѣла что-то сказать... и не могла.

Онъ овладѣлъ другой ея рукой и продолжалъ голосомъ, прерывающимся отъ волненія и счастья:

— Да, я васъ люблю. Я думаю, что полюбилъ васъ съ перваго взгляда, когда просилъ въ трудную минуту обратиться ко мнѣ. И когда я такъ спокойно отдавалъ въ ваши руки свое имя — я васъ любилъ... И я любилъ васъ, когда въ минуту отчаянья я бѣжалъ въ „Красовку“, чтобы найти успокоеніе. Весь міръ былъ открытъ передо мной, но я бѣжалъ именно въ „Красовку“. Къ вамъ!.. Больного и разбитаго, безсознательнаго еще любовою вторично привела меня къ вамъ. И въ минуту надвигавшейся смерти, когда я подставлялъ свой лобъ подъ пулю, чтобы удовлетворить оскорбленнаго мною человѣка, — я думалъ только о васъ!.. Когда вы, какъ ангелъ милосердія, склонялись надъ умирающимъ, я собиралъ всѣ свои послѣднія силы, чтобы не схватить и не прижать къ губамъ дорогихъ милосердныхъ ручекъ. Прочтите мое завѣщаніе и мое предсмертное письмо, — они вамъ докажутъ, что я говорю правду. Я люблю васъ, я — вашъ мужъ и никогда въ жизни я не разстанусь съ вами... и cadaго, который осмѣлится приблизиться къ вамъ, — я готовъ буду разорвать на части... Марія Николаевна, Муся... Скажите мнѣ, сумѣю ли я когда-нибудь заслужить ваше прощеніе?!

Какъ небесная музыка, звучала въ ушахъ Муси любовная рѣчь... и сладкая дрожь пробѣгала по ея тѣлу, словно сковывая ее... и волшебнo, и трепетно замирало ея сердце.

— Муся... моя Муся... одно только слово надежды... и новая жизнь откроется передо мною!

И такъ какъ она молчала, полузакрывъ глаза, а трепетно вздымавшаяся грудь выдавала ея волненіе, — онъ осмѣлился робкой рукой прикоснуться къ ея тонкому, воздушному стану. И плача, и смѣясь, она склонила золотистую головку къ его плечу.

— Моя жизнь... мое сердце... — нѣжно повторялъ онъ, и губы его съ благоговѣйной любовью коснулись ея руки.

— Такъ много счастья! — наконецъ тихо-тихо проговорила она.

XL

БЪГЛЕЦЫ

— Боже мой, — проговорилъ Грегоровъ, — я бы хотѣлъ продлить на цѣлую вѣчность этотъ мигъ чистаго, лучшаго счастья моей жизни, но время летитъ, и мы должны спѣшить.

— Куда? — прошептала Муся, какъ бы пробуждаясь отъ сладкаго сна. И она вздрогнула. — Неужели опять туда, къ этимъ людямъ? На пиршество?

— Что вы говорите, Муся! Я даже думать о нихъ не хочу. Мы убѣжимъ отъ нихъ, какъ преступники! Далекіе отъ нихъ, — мы будемъ торжествовать! Теперь третій часъ ночи. Я прикажу подавать ужинъ, каждому, гдѣ онъ находится: въ саду, въ палисадникѣ, въ комнатахъ, чтобы какъ можно дольше не замѣтили нашего отсутствія. У насъ вѣрная союзница — Вѣра Ивановна, теперь она сторожитъ, чтобы насъ никто не потревожилъ. Сейчасъ я позову ее, Муся.

Онъ вдругъ остановился, смущенный.

— Я даже васъ не спросилъ, согласны ли вы на эту поѣздку? Можете ли вы довѣриться моей любви и моему глубокому уваженію?

Нѣжная улыбка озарила ея прелестныя черты.

— Я принуждена вамъ довѣриться, потому что безъ васъ... я, все равно, погибну, я слишкомъ васъ люблю.

— Муся!

Въ невольномъ порывѣ онъ прижалъ ее къ своему

сердцу, и его губы искали ея усть. И дѣвичья стыдливость заставила ее отшатнуться и закрыть лицо руками, такъ страненъ ей казался первый поцѣлуй мужчины.

И его руки послушно опустились. Онъ понялъ, какое чувство ею руководило, и оно восхитило его безмѣрно сильнѣе, чѣмъ самый страстный поцѣлуй вакханки — Сюзанны.

— Простите, Муся.

И онъ раскрывъ дверь и позвалъ Вѣру Ивановну, которая, конечно, поспѣшила на его зовъ. До сихъ поръ супруги бесѣдовали такъ тихо, что ни одно слово не долетѣло до ея ушей.

„Они навѣрно ссорятся, — подумала Вѣра Ивановна. — И все изъ-за этой гнусной интриганки. Мужчины слѣпы. Они не видятъ истиннаго брилліанта, а первой встрѣчной куртизанкѣ готовы жертвовать жизнью и честью. Впрочемъ, это въ роду графовъ Грегоровыхъ. И покойный графъ Александръ былъ такимъ же. Всею душою я жалѣла бѣдняжку графиню Серафиму, но за эту золотистую головку я готова выпарапать глаза даже самому графу, ея сіятельному, но безпутному супругу“.

Съ порога Вѣра Ивановна внимательно оглянула притихшую парочку. Ея любимая графиня стояла вся розовая, потупившись и застѣнчиво улыбаясь, прелестная, какъ сама весна. Неужели, малодушная, она все простила? А самъ графъ былъ блѣденъ и истомленъ, какъ и всѣ послѣдніе дни послѣ болѣзни, но въ чудесныхъ зеленыхъ глазахъ его отражалось такое глубокое сіяющее счастье, что у Вѣры Ивановны даже духъ захватило!..

— Вы меня звали, ваше сіятельство?

И онъ повернулся къ ней совсѣмъ не такой гордый и загадочный, какимъ она привыкла его видѣть. Напротивъ, ласковый и доступный, онъ просто и привѣтливо заговорилъ:

— У насъ къ вамъ просьба, Вѣра Ивановна. Мы съ женой сейчасъ бѣжимъ отсюда. А вы ужъ тутъ все устройте. Во-первыхъ, возможно дольше постарайтесь скрыть наше отсутствіе. Во-вторыхъ, извинитесь за насъ передъ приглашенными за внезапный отъѣздъ. Нашу невѣжливость мы постараемся исправить, когда вернемся

въ „Красовку“. Въ-третьихъ, передайте мою записочку барону Липецъ. Въ-четвертыхъ, соберите необходимыя вещи моей жены, а Захару прикажите собрать мои. Въ-пятыхъ, не опоздайте на вокзаль, такъ какъ поѣздъ уходитъ безъ пяти семь, а вы сопровождаете графиню въ нашемъ путешествіи, вы такой вѣрный и преданный ея другъ! Захара я тоже беру съ собой, я знаю, что онъ тоже отдасть свое сердце моей женѣ. Въ городѣ мы остановимся дня на два, чтобы добыть заграничныя паспорта и купѣ. Кажется, и всѣ порученія. Сейчасъ я напишу два слова моему другу барону Липецъ.

Вѣра Ивановна стояла неподвижная, съ открытымъ ртомъ, словно приросла къ своему мѣсту и застыла. Такъ она была поражена происшедшимъ. Графъ уже написалъ записку, а она все еще не шевелилась, и смущенная Муся боялась на нее взглянуть.

— Вотъ записка, Вѣра Ивановна, — повернулся къ ней графъ. — Да что съ вами? Вы, кажется, думаете, что мы шутимъ?

Къ старушкѣ, наконецъ, вернулся даръ слова.

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше сіятельство! Развѣ такъ шутятъ? Но мы такъ горевали сегодня — и вдругъ неожиданная радость. И какая радость!

— Обо всемъ этомъ мы переговоримъ въ дорогѣ, а теперь надо торопиться!. Идите же, Вѣра Ивановна, и распорядитесь, чтобы намъ запрягли сѣрыхъ и подвели ихъ къ чернымъ воротамъ. Возьмите такихъ людей, на которыхъ можно надѣяться, что они раньше времени не разболтаютъ о нашемъ бѣгствѣ изъ собственнаго дома. Я буду безконечно счастливъ, когда, наконецъ, увезу отсюда графиню Марію Николаевну. Торопитесь, Вѣра Ивановна, и помните, что безъ пяти семь отходитъ нашъ поѣздъ. Въ случаѣ, вы опоздаете, мы васъ не будемъ ждать. Вы насъ нагоните въ городѣ, мы остановимся въ „Грандъ Отелъ“.

— Бѣгу, бѣгу.

И снова молодые супруги остались наединѣ.

— Еслибъ вы знали, какъ я васъ люблю, Муся! Послѣ долгихъ страданій, тщетныхъ поисковъ и ошибокъ я, наконецъ, нашелъ свое счастье! И будущее рисуется мнѣ

раемъ, о которомъ я еще не смѣю мечтать. Меня окрыляетъ сознаніе, что я уже не могу васъ потерять. Вы отдали мнѣ свое сердце, Муся, и теперь я долженъ завоевать ваше довѣріе и... вашу ласку. Я понимаю, какъ трудно мнѣ вѣрить послѣ всего того, что было. Самъ-то я сознаю, что великая борьба во мнѣ самомъ закончена полной побѣдой свѣтлой любви... но васъ можетъ въ этомъ увѣрить только время. Скажите мнѣ одно, Муся, хотите ли вы мнѣ вѣрить?

— Боже мой, конечно, хочу! Но, можетъ быть, все это только волшебный сонъ и меня ждетъ ужасное пробужденіе? Не вамъ я не вѣрю, а самой себѣ, своимъ ушамъ и глазамъ, радостному біенію своего сердца! И такъ страшно, что вотъ-вотъ я могу проснуться... и снова вернуться къ страданіямъ. А я не могу ужъ больше! Этимъ страданіямъ я отдала свои послѣднія силы.

— За каждую вашу слезу, мой ангелъ, я заплачу вамъ сторицей, если только вы примете взамѣнъ мою любовь, мою ласку, мою преданность.

Изъ сосѣдней комнаты раздался торопливый, радостный голосъ Вѣры Ивановны:

— Лошади поданы къ чернымъ воротамъ! И я захватила дорожный туалетъ графини.

— Я уступаю свое мѣсто Вѣрѣ Ивановнѣ, которая поможетъ вамъ переодѣться, а самъ буду сторожить у дверей. Вы можете быть спокойны, я никого сюда не пропущу, — улыбнулся графъ Мишель.

— А эти драгоцѣнности? — остановила его Муся.

— Вы поручите ихъ Вѣрѣ Ивановнѣ... и онѣ будутъ въ сохранности до нашего возвращенія.

Муся быстро переодѣлась съ помощью Вѣры Ивановны.

— Сегодня у насъ два большихъ счастья, графиня, и третье — маленькое.

— Даже три? — улыбнулась Муся.

— Во-первыхъ — графъ спасенъ, во-вторыхъ, — вы больше не страдаете и не будете страдать, — я въ этомъ увѣрена. Въ отношеніяхъ къ вамъ графа для меня всегда крылась какая-то загадка. Я не понимала, какъ можно видѣть васъ и... и не преклоняться передъ вами, не обо-

жать васъ, не потерять голову отъ любви!.. О, женщина, которую вамъ предпочитали, можетъ быть, и красива, но, по-моему, рядомъ съ вами отвратительна! Сегодня она похожа на дьявола!..

Легкая тѣнь пробѣжала по лицу Муси.

— Богъ съ ней.

— Простите, дорогая графиня, мою глупую болтовню, вы правы, не стоитъ и вспоминать объ этой госпожѣ!

— Ну, а третья радость? — уже улыбнулась Муся.

— Третья — это моя радость. Вѣдь, графъ беретъ меня съ собой, значить, я не расстаюсь еще съ вами.

— Я позабочусь о томъ, чтобы мы никогда не разстались.

Вѣра Ивановна на лету поцѣловала Мусю въ плечо.

— Все было горе, а теперь все радость. Ахъ, да! Я еще четвертое счастье забыла — счастье Захара! Когда я ему, наконецъ, объяснила, въ чемъ дѣло, я думала, что онъ съ ума сойдетъ отъ восторга. Какъ онъ вамъ преданъ и какъ ненавидитъ ту, которую называетъ „халдой“.

— Опять о ней!

— Не буду, не буду, графиня.

И, распахнувъ дверь, Вѣра Ивановна пригласила графа.

— Мы готовы въ путь-дорогу. Присядемъ по русскому обычаю, помолимся — и съ Богомъ.

И они размѣстились, кто куда попало. Нѣсколько мгновений всѣ трое горячо молились. Наконецъ перекрестились и поднялись.

— Съ Богомъ!

Вѣра Ивановна проводила супруговъ до черныхъ воротъ, гдѣ ждалъ Захаръ съ пальто графа и съ маленькимъ чемоданчикомъ. Его старое лицо положительно сіяло.

— Спасибо, старина.

Графъ подавъ руку своей женѣ и заботливо усадилъ ее въ экипажъ, ждавшій у воротъ. Онъ пледомъ укуталъ ее ноги, и тогда только сѣлъ съ нею рядомъ.

— Господь да сохранить васъ! — набожно перекрестился Захаръ. — Трогай, Антошка.

И сытая, застоявшіяся лошади быстро помчались.

— Какое счастье! — проговорилъ графъ, задыхаясь отъ волненія и крѣпко сжимая руку жеңы.

А въ ея молодой изстрадавшейся груди сердце забилося такъ сладко, что невольно полузакрылись глаза, и головка безъ силъ прислонилась къ плечу графа.

— Отдохните, — прошептала она, — вы такъ устали.

И она задремала. Предутренній свѣжій вѣтерокъ ласково обвѣвалъ ея милое личико, играя шелковыми завитками ея золотистыхъ волосъ. И тихій шелестъ листьевъ въ густомъ барскомъ паркѣ баюкалъ ее. И успокаивалось ея сердце, чувствуя нѣжную ласку любящихъ глазъ.

— Спи спокойно, милая, дорогая, — думалъ графъ, не сводя съ нея глазъ. — Прекрасная моя жемчужина, сумѣю ли я завоевать твое довѣріе и заслужу ли я твое прощенье?

Гремѣла веселая музыка. Ярко сіяли праздничные огни. Лакеи торопливо сновали по саду съ подносами въ рукахъ. По всѣмъ уголкамъ, гдѣ только ютились гости, разносили они „дукулловскій“ ужинъ, и шампанское лилось рѣкой.

Въ „Красовкѣ“ графскіе гости ѣли и пили на славу.

Сюзанна Мельвиль заняла столикъ у крыльца господскаго дома, откуда можно было видѣть всѣхъ входившихъ въ домъ, въ садъ, въ палисадникъ и даже во дворъ.

Окруженная очарованными кавалерами, она смѣялась и шутила, и пила шампанское бокалъ за бокаломъ... Но движенія ея были нервны, смѣхъ слишкомъ громокъ, отвѣты — часто невпопадъ. И глаза ея, ярко сверкая, усердно кого-то искали, внимательно экзаменуя каждого проходившаго. И каждый новый взглядъ приносилъ ей новое разочарованіе.

И еще одинъ въ этой веселой компаніи чувствовалъ себя не важно. Это былъ баронъ Липецъ. Его уже приглашали ужинать къ нѣсколькимъ столикамъ, но онъ все уклонялся. Бѣтъ ему не хотѣлось, но, такъ какъ его мучила жажда, онъ выпилъ два большихъ бокала шампанскаго.

Волненіе молодой графини произвело на барона Липецъ удручающее впечатлѣніе. Несмотря ни на что, она все-таки любитъ своего мужа! Можетъ быть, разлука повліяетъ на ея чувство. Эта разлука — единственная надежда барона Липецъ. Онъ окружить бѣдняжку такимъ утонченнымъ вниманіемъ, онъ докажетъ ей свою дружбу и свою любовь. Одинокое страдающее сердце всегда ищетъ пристанища.

— Баронъ Липецъ! — услышалъ онъ свое имя, произнесенное шопотомъ. Онъ быстро повернулся. Маленькая старушка, жена управляющаго „Красовки“, протягивала ему сложенный листокъ бумаги.

— Письмо вамъ отъ графа. Я жду вашихъ приказаній.

Баронъ Липецъ съ недоумѣніемъ развернулъ листокъ. Какъ будто Мишель не могъ переговорить съ нимъ лично? Что за манера подъ одной и той же кровлей объясняться письменно?

„Милый другъ Володя, — прочелъ баронъ Липецъ, — я безумно счастливъ, потому что я люблю свою жену и знаю, что она меня любитъ. И вотъ почему мы неожиданно спасаемся бѣгствомъ отъ докучныхъ гостей и не менѣе докучнаго пира. Выручай меня, дорогой дружище, какъ знаешь. Жена шлетъ тебѣ искренній привѣтъ и надѣется тебя видѣть въ нашемъ домѣ часто-часто, желанный гость. Съ пути напишу тебѣ больше, а сейчасъ тороплюсь. Дружески жму твою руку

М. Грегоровъ“.

Почему баронъ Липецъ поблѣднѣлъ и покачнулся? Почему онъ конвульсивно сжалъ исписанный листокъ, а другою рукою схватился за сердце? Вѣра Ивановна смотрѣла на него съ недоумѣніемъ. Но вотъ догадка мелькнула въ ея головѣ. „Ну, конечно, это такъ. Баронъ Липецъ влюбился въ графиню и надѣялся на взаимность, видя отношенія мужа и жены. А теперь они помирились, и надежды уже нѣтъ. Ея рука невольно нанесла ему роковой ударъ“.

— Какъ же прикажете теперь поступить, господинъ баронъ?

Онъ вздрогнулъ.

— Какъ? Да какъ хотите, такъ и поступайте. Надо обойти всѣхъ гостей и каждому сказать въ отдѣльности, что хозяева внезапно уѣхали, а гостей просить не стѣсняться и продолжать веселье.

— Только ужъ этой особѣ въ красномъ платьѣ вы сами скажите, господинъ баронъ.

— Хорошо... этой я самъ скажу.

Онъ говорилъ, какъ во снѣ, онъ двигался, какъ автоматъ. На свое горе онъ попалъ въ эту „Красовку“ и оставляетъ здѣсь свое сердце, а самъ будетъ мыкаться по бѣлу свѣту, чтобы развѣять тоску-кручину.

Когда баронъ Липецъ подошелъ къ столу, у котораго пировала Сюзанна, онъ увидѣлъ ее взволнованною, нервной, съ лихорадочнымъ смѣхомъ на губахъ, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ.

— Урра! — крикнула она. — За ваше здоровье, баронъ! За вашу дружбу съ хозяиномъ дома. Урра! Урра!

— Благодарю васъ!.. Съ своей стороны я предложу тостъ! Господа, мы здѣсь веселимся подъ гостеприимной кровлей графа и графини Грегоровыхъ. Хозяева поручили мнѣ передать вамъ ихъ горячій, ласковый привѣтъ и продолжить веселый пиръ до разсвѣта. За здоровье графа и графини и счастливый имъ путь, такъ какъ они неожиданно покинули „Красовку!“ И скорого имъ возвращенія!..

— Глупая шутка! — крикнула Сюзанна, далеко отбрасывая свой бокалъ.

— Не шутка, а правда, правда! Вѣрьте мнѣ, Сюзанна Леонтьевна, я понимаю ваше настроеніе и не сталъ бы шутить. Вотъ вамъ доказательство — письмо графа Грегорова.

И онъ протянулъ Сюзаннѣ смятый листокъ, который она схватила, расправила и прочла. Сомнѣній больше не могло быть!

— Ни одного слова обо мнѣ! — болѣзненнымъ стономъ сорвалось съ ея губъ. — Ни одного слова!..

Слезы сверкнули въ ея глазахъ. Она хотѣла еще что-

то сказать... но вдруг схватилась за грудь... и яркая алая струйка крови окрасила ее губы, подбородокъ, бѣлую шею. Она покачнулася и потеряла сознание.

— Гдѣ я? — прошептала Сюзанна, наконецъ, послѣ долгихъ усилій приведенная въ чувство. — Гдѣ я?..

Докторъ и Вѣра Ивановна поспѣшно ретировались, и одинъ только баронъ Липецъ остался возлѣ Сюзанны.

— Пока еще вы въ „Красовкѣ“, но экипажъ уже васъ ждетъ, чтобы отвезти въ имѣние баронессы фонъ-Саксъ.

Сюзанна залилась горькими слезами.

— Не надо, — холодно проговорилъ баронъ. — Этимъ горю не поможешь. Вы не сумѣли удержать графа, и теперь ужъ никакая сила не вернетъ его вамъ. Подумайте о будущемъ. Насколько я знаю, баронесса фонъ-Саксъ не собирается жить въ „Орликѣ“ и назначила свой отъѣздъ черезъ нѣсколько дней.

— Боже мой, что мнѣ дѣлать? — рыдала Сюзанна. — Что мнѣ дѣлать? Я такъ его люблю, и никакая сила не вырветъ этой любви изъ моего сердца. Собственными руками я разбила свое счастье! Боже, Боже мой!

И она ломала руки, и билась головой, и судорожно хваталась за свои бѣлокурые волосы.

— Боже мой, Боже мой!

Когда она нѣсколько успокоилась, она заговорила сквозь слезы:

— И ни одного слова. Просто взялъ и уѣхалъ. Полюбилъ другую — и баста. О, я чуяла, я чуяла эту грозу. Хитрая интриганка, она ловко взяла его въ руки!

— Ни одного слова о молодой графинѣ! — рѣзко остановилъ ее баронъ Липецъ. — Лошади готовы и...

— Донъ-Кихоть! Она сумѣла заползти и въ ваше сердце.

— Перестаньте! Обвиняйте только себя и свою хищную натуру. Могли ли вы выдержать сравнение съ нею?

— Донъ-Кихоть! — повторила Сюзанна съ злобнымъ презрѣниемъ. — О, я ни одного дня здѣсь не останусь. Заѣду въ „Орликъ“, чтобы забрать вещи и проститься съ „счастливой“ тещей.

Сюзанна поднялась. Она еле стояла на ногахъ, по-

шатывалась, но овладѣла собой, собрала всѣ свои силы и вышла изъ комнаты.

— Я покажу вамъ вашъ экипажъ, — предложилъ ей баронъ Липецъ, сопровождая ее.

У крыльца она встрѣтилась съ баронессой фонъ-Саксъ.

— Гости разѣзжаются, ибо хозяева сыграли съ нами хорошую шутку, — съ ехидной улыбкой шутила баронесса. — Поѣдемте, моя дорогая, домой.

— Чтобы забрать вещи и проститься съ вами!

— Такъ скоро?

— Да. Сегодня я уѣзжаю.

— А слѣдомъ за вами и я. Плохая была мысль забираться въ деревню, и „Орликъ“ будетъ мною проданъ хотя бы даже за безцѣнокъ. Онъ не принесъ намъ счастья

— По крайней мѣрѣ, меня никакими калачами сюда не заманять, — рѣзко заявилъ Липарскій, замѣтно чѣмъ-то недовольный и нахмуренный.

Болѣзненно дрожало лицо Долли Евграфовны.

— Хочешь, мы поѣдемъ за границу, милый?

Липарскій только передернулъ плечами и любезно помогъ Сюзаниѣ сѣсть въ экипажъ.

На маленькой фарсовой сценѣ шла репетиція забористаго фарса „Черти безъ штановъ“. Цензура пропустила эту нѣсколько грубую вещицу, такъ какъ въ чтеніи въ ней не было ничего особеннаго, но режиссеръ и артисты такъ „дополнили“ пьесу жестами, словечками и мимикой, что самому диничному зрителю становилось не по себѣ, неловко и стыдно.

Сюзанна Мельвиль играла главную роль и репетировала. Она сильно похудѣла, поблѣднѣла, глаза ея были окружены синевою и въ темно-синей юбочкѣ на подъемѣ и бѣлой блузкѣ съ матросскимъ воротничкомъ она казалась совсѣмъ дѣвочкой. Издали, конечно, тѣмъ, кто ближе не присматривался къ ея лицу. Свой большой бравурный монологъ она должна была произнести, вскочивъ на столъ. И вотъ однимъ легкимъ прыжкомъ она очутилась на столѣ.

— Мы, женщины, — начала она, — я говорю о настоящих женщинах — мы похожи на бокаль шампанскаго... Холодное вино... и вмѣстѣ игристое... пѣнящееся... Мы...

Она вдругъ запнулась и закашлялась, прижимая къ губамъ свой тонкій батистовый платочекъ. Подбѣжали актеры и помогли ей сойти со стола. Въ одно мгновеніе тонкій платочекъ окрасился теплой алой кровью.

— Передайте кому-нибудь мою роль... я не могу... вы видите, я серьезно больна.

И никто ей не возражалъ. Въ собственномъ моторѣ она примчалась домой и вызвала доктора. У ея постели суетился вѣрный квазимодо. Онъ тоже исхудалъ и измѣнился за это время.

— Ты видишь, опять ты всѣми брошена, и опять только я одинъ при тебѣ остался, — въ его грустномъ, тоненькомъ голоскѣ прорывались нотки счастья. Она лежала молчаливая и блѣдная, съ закрытыми глазами.

Доктора нашли у нея чахотку и отправили ее на югъ, въ теплые края.

ХЛІ

ПОСЛѢДНЯЯ

Божественный вечеръ. Теплый, прозрачный, южный вечеръ. Подъ лаской луны поблескиваютъ спокойныя воды Lago Maggiore, отражая какъ въ зеркалѣ небесную звѣздную мантию и огни побережныхъ отелей.

Сладостную тишину прорѣзаютъ сладостные звуки. То зазвучитъ вольная пѣснь, разстилаясь по водѣ, то рвется изъ оконъ отелей нѣжная музыка, то ласкаетъ слухъ тихій плескъ воды. Зеленые островки, поэтично разбросанные по озеру, въ этотъ вечеръ сіяютъ группами волшебныхъ огней, отражаясь въ потемнѣвшемъ сапфирѣ зеркальныхъ водъ. И по отрогамъ горъ, обрамляющихъ Lago Maggiore, разбросаны огни то внизу у подножій, то на вершинахъ, то въ срединѣ межъ деревьевъ.

А тамъ высоко, высоко, сияетъ огнями верхушка Mottarone, царящая надъ семью прекрасными озерами.

У подножія Mottarone, на самомъ краю Lago Maggiore, гордо высится изящный Hôtel Regina Palace, переполненный богатыми иностранцами, сверху до низу усыпанный безчисленными балкончиками, глядящими на озеро.

Почти всѣ окна и двери раскрыты, но мало огней въ номерахъ. Одни обитатели отеля отправились на прогулку, другіе — въ роскошныхъ общихъ залахъ слушаютъ музыку.

На одномъ изъ балконовъ второго этажа сидитъ, наслаждаясь волшебнымъ вечеромъ, уединившаяся парочка. Легкій бѣлый шарфъ падаетъ съ золотистой пышной головки молодой женщины и обвиваетъ ея стройную, тонкую фигуру. Изъ этой бѣлой, воздушной рамки красиво выступаютъ залитыя луннымъ сіяніемъ нѣжныя черты лица. Какъ звѣзды, горятъ счастьемъ ея глубокіе и чистые бархатные глаза. И на этомъ балконѣ, подъ покровомъ наступающей южной ночи, она кажется волшебнымъ, сказочнымъ видѣніемъ.

Рядомъ съ нею сидитъ стройный, изящный господинъ съ блѣднымъ, красивымъ, утомленнымъ лицомъ, отгнѣненнымъ темными волосами и парой чудесныхъ ярко-зеленыхъ глазъ. И эти глаза, не отрываясь, любовно слѣдятъ за каждымъ движеніемъ молодой женщины, за каждой новой тѣнью, промелькнувшей по ея прелестному лицу, за трепетомъ ея длинныхъ темно-золотистыхъ рѣсницъ.

Замерли звуки струннаго оркестра въ отелѣ и съ озера неслась далекая, простая пѣсня.

— Какъ хороша ночь! — вздохнула полной грудью молодая женщина. — Какъ упоительна Италія! Наше путешествіе мнѣ кажется какимъ-то волшебнымъ сномъ... и только одного я боюсь — пробужденія.

— Вы счастливы, Муся? — прозвучалъ тихій, трепетный вопросъ.

— Да, я счастлива, — просто отвѣтила она.

— И вы мнѣ все простили? Вы можете мнѣ вѣрить? Смѣю ли я теперь говорить о моей безконечной любви?

Вмѣсто отвѣта она протянула ему свою ручку и онъ порывисто прижалъ ее къ губамъ.

— Какъ я люблю тебя! Все мое существо полно тобою... Я люблю тебя, Муся.

Это „ты“ взволновало ее. Маленькая ручка задрожала въ его рукѣ, но онъ крѣпко сжалъ ее и она покорно подчинилась силѣ.

— И когда я думаю, — тихо продолжалъ онъ, — что могъ пройти мимо моего счастья, я весь холодѣю... Муся, я люблю тебя...

Онъ улыбнулся.

— Кажется, такъ много нужно тебѣ сказать, хочется открыть тебѣ всю душу, а... когда заговорю... забываю всѣ слова... кромѣ одного... „люблю“... А ты, моя гордая царевна, скажи, любишь ли ты меня?

И тихо-тихо проронили смущенныя уста дорогое слово:

— Люблю... да, люблю...

Нѣтъ, онъ больше не могъ себя сдерживать! Самообладаніе его покинуло. Только „любить“ могъ онъ въ эту чудную ночь! Все крѣпче сжимая ея руку, онъ привлекалъ ее къ себѣ... ближе и ближе... И вотъ ея испуганное сердечко трепетно забилося рядомъ съ его сердцемъ...

Тихій стонъ, стонъ страха и вмѣстѣ счастья сорвался съ дѣвственныхъ губокъ, обоженныхъ первымъ поцѣлуемъ мужчины. И горячія губы, не отрываясь, и жгли, и дарили невѣдомымъ блаженствомъ...

Вотъ она, вся хрупкая и нѣжная, вся въ его объятіяхъ, и ласковыя, любовныя слова вмѣстѣ съ пламенными поцѣлуями даруютъ ей его уста. Покорная и счастливая, она замерла въ его объятіяхъ.

Гасли огни и закрывались окна, умолкли музыка и пѣсни. Только звѣзды попрежнему ярко горѣли въ небѣ и... страстный шопоть тихо шелестѣлъ на балконѣ второго этажа.

— Боже мой, — опомнилась Муся, — всѣ уже ложатся спать... Вѣра Ивановна, бѣдняжка, ждетъ меня... До завтра, милый... Проводи меня до моихъ дверей...

Они поднялись и съ балкона прошли въ салонъ его номера.

— Подожди, голубка...

Графъ подошелъ къ двери и дрожащей рукою повернулъ ключъ два раза.

— Теперь ужъ никто не помѣшаетъ моей любви, — трепетно проговорилъ онъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, — торопила его Муся. — Неловко... Пора... Я и такъ вся горю отъ стыда... и счастья... новаго счастья, милый, неизвѣданнаго еще... И сладко, и стыдно... Честные, зоркіе глаза Вѣры Ивановны разгадають правду по моему лицу.

— Какую правду? — разсмѣялся онъ. — Моя чистая голубка, она стыдится нѣсколькихъ поцѣлуевъ своего мужа!

— Первыхъ, милый, — она застѣнчиво заслонила свое лицо рукой. — Пойдемъ же, пойдемъ... Пора...

— И ты думаешь, что ты уйдешь отсюда? Что теперь, хоть на одну минуту, я отпущу тебя? О, Муся! Я завоевалъ твое довѣріе и твое прощеніе, но ты, невинная голубка, и не подозрѣваешь, какъ дорого мнѣ это стоило! Любимая, обожаемая, ты была рядомъ со мной, моя жена, и я не смѣлъ къ тебѣ прикоснуться... Только поцѣлуй руки, отъ котораго огнемъ загоралась вся моя кровь... Нѣтъ, Муся, ты моя, ты не уйдешь отсюда... Скорѣе я разстанусь съ жизнью, чѣмъ съ тобой.

Блѣдная и дрожащая, она вслушивалась въ эти слова, дышавшія сумасшедшей страстью... и сладкій трепетъ пробѣгалъ по ея тѣлу, и дыханіе замирало въ ея груди...

И онъ, трепещущій, подошелъ къ ней и, напрягая послѣднія силы, сдерживалъ порывъ своей страсти, — такъ онъ боялся неосторожнымъ словомъ или движеніемъ оскорбить прекрасную, дѣвственную чистоту. Онъ любитъ, и сама любовь зажжетъ пламя страсти въ ея невинной крови.

Онъ нѣжно обнялъ трепетавшую Мусю.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогая... я весь въ твоей власти... Прикажешь, — и я открою дверь, я провожу тебя къ Вѣрѣ Ивановнѣ... Только... не знаю... переживу ли я разлуку съ тобой въ эту ночь... Развѣ ты не чувствуешь, какъ горяча моя рука? Не слышишь, какъ стучитъ мое

сердце? Оно разорвется отъ муки, если ты уйдешь, моя дорогая жена....

И чуть слышно онъ добавилъ:

— Останься со мной...

Нѣсколько мгновений ея молчанія показались ему мучительной вѣчностью. Но вотъ золотистая головка порывисто и покорно приникла къ его груди.

— Я твоя... Я останусь... Я вся въ твоей власти... навсегда... Я люблю тебя больше жизни...

Плотина сорвана и потокъ несетъ съ бѣшеной силой. Онъ больше не боролся со своей страстью, не разсуждалъ. Долго сдерживаемая, она теперь прорвалась. Сильныя руки подняли Мусю, какъ перышко.

— Что со мной? — прошептала Муся. — Кружится голова... и такъ хорошо... Цѣлуй меня, милый... Я люблю тебя... Цѣлуй меня крѣпче... Умереть, да, умереть хочу я въ твоихъ объятіяхъ...

Она проснулась поздно, въ яркій, сіяющій день. Ее пробудилъ сладкій поцѣлуй любящаго мужа. Онъ уже вернулся съ утренней прогулки, свѣтлый, въ своемъ безконечномъ счастьѣ порозовѣвшій и энергичный.

Колѣнопреклоненный у ея кровати, онъ долго любовался ею, спящей. Какъ она была прекрасна и какъ онъ любилъ ее! Въ ея объятіяхъ нашелъ онъ то блаженство, о которомъ даже не смѣлъ мечтать. Все прошлое потемнѣло. И его первая юношеская любовь къ холодной, загадочной Ундинѣ, и его больная страсть къ Сюзаниѣ, пробуждавшаяся послѣ шампанскаго, и его кратковременныя увлеченія, — все было забыто.

Муся... въ ней весь міръ. Ея душа — тонкая и благородная — открыта ему, въ ней онъ читаетъ, какъ въ книгѣ. Оба „чудаки“, они поняли другъ друга и слились воедино.

И его чистая, свѣтлая, благоговѣющая любовь такъ тѣсно сплетается съ бѣшеной страстью. Не нужно кружащаго голову шампанскаго, — одно прикосновеніе, одинъ поцѣлуй... и вся кровь его загорается.

И теперь, колѣнопреклоненный у ея кровати, онъ разбудилъ ее поцѣлуемъ. И кровь закипѣла... и губы жадно

ищутъ новаго поцѣлуя, какъ будто цѣлая ночь наслажденій не могла утолить ихъ жажду.

— Позвать Вѣру Ивановну?

— Нѣтъ, нѣтъ, — вспыхнула Муся. — Уйди... я скоро одѣнусь... сама...

— Я помогу тебѣ.

— Не сегодня... я еще не привыкла... Иди же... иди...

Онъ стоялъ на балконѣ, когда она подошла къ нему, свѣжая и прекрасная, какъ весна.

Ясный, сіяющій, теплый день... Сапфировое Lago Maggiore полудремлетъ, тихое, подъ лаской солнечныхъ лучей. Зеленые островки, какъ роскошныя корзины цвѣтовъ, разбросаны по сапфировымъ водамъ и межъ нихъ лѣниво скользятъ лодки подъ бѣлыми навѣсами.

— Какъ красиво... Какъ хороша жизнь и какъ я счастлива, — подумала Муся, любуясь дивной панорамой.

Но вотъ она вздрогнула и поблѣднѣла. Глаза ея приковались къ балкону этажемъ ниже. На соломенномъ лонгъ-шезѣ, среди подушекъ, безпомощно откинувъ бѣлокурую головку, лежала молодая женщина, такая худенькая и тонкая, что казалась дѣвочкой. Лицо ея было блѣдно до желтизны и не могли его оживить сіяющіе лучи южнаго солнца. Рѣзкіе синіе круги шли подъ ея глазами и, громадные — эти глаза казались ушедшими въ орбиты. Тонкой, прозрачной рукой прижимала она платокъ къ губамъ.

На плетеномъ соломенномъ креслѣ рядомъ съ нею сидѣло странное существо: маленькій человѣкъ на тонкихъ ножкахъ, съ большой головой, длиннымъ носомъ, съ круглыми глазами на выкатѣ. Ежеминутно онъ вскакивалъ и подносилъ своей спутницѣ то стаканъ молока, то чистый платокъ, то какую-то микстуру. Она часто кашляла, и платокъ ея окрашивался кровью.

О, какъ знакомы были молодой графинѣ красивыя черты больной женщины! Она узнала свою соперницу, Сюзанну Мельвиль и... содрогнулась. Дорого заплатила несчастная за свою любовь къ графу Грегорову и за свои честолюбивыя мечты...

Въ тотъ же день Грегоровы покинули Lago Maggiore.

Опять ожила „Красовка“. Молодая чета Грегоровых встрѣчала весну-красну въ родовомъ имѣніи.

Красивая картина!

На верандѣ, залитой солнцемъ, у чайнаго стола въ легкомъ бѣломъ платьѣ, увѣнчанная золотомъ своихъ волосъ, сидитъ молодая графиня Марія Николаевна. Рядомъ съ нею на высокомъ дѣтскомъ стулѣ возсѣдаетъ очаровательная трехлѣтняя дѣвочка съ темной головкой и ярко-зелеными глазами. Это — старшая и любимица матери.

Въ большомъ креслѣ расположилась важная мамка въ роскошномъ голубомъ сарафанѣ и кокошникѣ, расшитомъ бѣлыми бусами. У нея на рукахъ въ изящномъ „конвертикѣ“ сладко спитъ будущій наслѣдникъ. Изъ-подъ кружевного чепчика выглядываютъ колечки свѣтлыхъ, золотистыхъ волосъ.

Тутъ же рядомъ хлопочетъ и суетится Вѣра Ивановна, которая чувствуетъ себя членомъ графской семьи. Видъ у нея довольный и сіяющій.

Оживленная бесѣда касается разныхъ хозяйственныхъ вопросовъ.

Но вотъ на порогѣ веранды показался графъ Грегоровъ.

Какъ онъ измѣнился! Порозовѣлъ, пополнѣлъ, и красивые глаза его сіяютъ счастьемъ. Весь его обликъ дышитъ довольствомъ и удовлетвореніемъ.

— Тебѣ письмо, Муся.

Голосъ его звучитъ любовью и лаской. Передалъ письмо женѣ, нѣжно поцѣловалъ ее, погладилъ темную головку крошки-дочери и любовно улыбнулся спавшему въ „конвертикѣ“ наслѣднику.

— Спасибо, милый...

Муся узнала почеркъ матери и съ волненіемъ разорвала конвертъ. Вотъ уже почти четыре года, какъ о Долли Евграфовнѣ не было никакихъ вѣстей.

„Милая Муся, мое единственное дитя, — писала баронесса, — разбитая и уничтоженная жизнью, близкая къ смерти, я прибѣгаю къ твоему доброму сердцу. За прошлое — прости... и прими свою мать... одинокую и жалкую.“

Въ постскриптумѣ Долли Евграфовна добавляла свой адресъ.

— Миша, — со слезами на глазахъ повернулась Муся къ мужу, — пройдемъ въ твой кабинетъ, мнѣ нужно серьезно переговорить съ тобой.

— По поводу письма?

— Да, милый.

Едва только закрылась дверь кабинета, какъ Муся, протягивая мужу письмо баронессы, сказала дрогнувшимъ голосомъ:

— Прочти... Это отъ моей матери.

Графъ внимательно, нахмуривъ брови, прочелъ трогательное посланіе баронессы.

Опустивъ письмо на колѣни, онъ вопросительно смотрѣлъ на Мусю.

— Что же ей отвѣтить? — съ волненіемъ спросила она.

— Я думаю, что ты лучше меня рѣшишь этотъ вопросъ, голубка. Баронесса фонъ-Саксъ — твоя мать.

Муся покраснѣла.

— Я бы ей послала телеграмму...

— Составь, и я пошлю. Вотъ тебѣ телеграфный бланкъ, вотъ — перо, вотъ — чернильница.

Муся, не садясь, наклонилась надъ письменнымъ столомъ и быстро написала телеграмму.

— Вотъ, — протянула она листокъ мужу.

Онъ громко прочелъ:

„Мы тебя ждемъ. Приѣзжай немедленно.“

Муся робко слѣдила за выраженіемъ его лица. Не разсердится ли онъ? Но серьезныя черты графа Грегорова сохраняли свое обычное привѣтливое выраженіе.

Онъ позвонилъ.

— Сейчасъ же отвезите на телеграфъ эту депешу, — приказалъ онъ вошедшему слугѣ, — и квитанцію передайте мнѣ въ руки.

И, когда дверь закрылась за слугою, онъ ласково привлекъ къ себѣ жену.

— У тебя золотое сердце, моя Муся. Чѣмъ больше я тебя узнаю, тѣмъ больше восхищаюсь тобой. Ты — не-

истощимая сокровищница. Все новыя и новыя достоинства я нахожу въ тебѣ.

— Ты слишкомъ добръ ко мнѣ, милый.

Онъ еще крѣпче прижалъ ее къ своему сердцу.

— Я такъ безконечно счастливъ и думаю, что не заслужилъ своего огромнаго счастья. Я такъ боюсь его потерять... и этотъ страхъ — единственная тучка на чистомъ небѣ моего счастья и душевнаго покоя.

— Только одна смерть разлучить меня съ тобою... А о „ней“ не надо думать, потому что часъ нашъ въ рукахъ Божіихъ. Надо жить, наслаждаясь счастьемъ. Мы пострадали право на это счастье.

И съ улыбкой она добавила:

— А помнишь нашу встрѣчу на балу въ домѣ моей матери? Отъ перваго твоего взгляда забилося мое сердце въ какомъ-то таинственномъ предчувствіи. А помнишь ту страшную ночь, когда я пришла къ тебѣ? Въ минуту отчаянія твой образъ всталъ передо мною... Судьба толкала меня къ тебѣ...

— Да, судьба... Покорный всѣмъ желаніямъ поработившей меня женщины, я оставался непоколебимъ, когда она мечтала женить меня на себѣ, и позднѣе, когда она требовала развода съ женой „по названію“... Но не объ этихъ злыхъ дняхъ я вспоминаю... Пусть будутъ они забыты навсегда... Я вспоминаю чудный вечеръ торжества моей любви на поэтическихъ берегахъ волшебнаго Lago Maggiore. Теплый, прозрачный воздухъ. Подъ лаской луны поблескиваютъ спокойныя воды, отражая, какъ въ зеркалѣ, небесную звѣздную мантию и побережные огни. Въ сладкой тишинѣ то вдругъ раздадутся звуки оркестра, то гдѣ-то вдали пронесется запоздалая пѣсня... И, помнишь, ты тихо проронила „люблю“, и тогда я въ безуміи счастья привлекъ тебя къ своей груди... и взялъ свой первый поцѣлуй... Ты помнишь?

Въ отвѣтъ она только жадно приникла губами къ его губамъ.

— — — — —
Муся въ тревожномъ волненіи прогуливалась по дебаркадеру въ ожиданіи поѣзда, съ которымъ должна была прибыть баронесса фонъ-Саксъ. Муся „настраивала“ себя,

стараясь припомнить все то небольшое хорошее, которое видѣла она отъ матери, но не могла побѣдить чувства горечи и обиды.

Продолжительный звонокъ... Еще нѣсколько минутъ ожиданія... и показались огненные глаза поѣзда. Приближаясь, онъ замедлялъ ходъ и, наконецъ, остановился, шипя и пыхтя.

Муся подошла къ вагонамъ перваго класса и вглядывалась. Она не видѣла своей матери.

Но вдругъ какая-то старуха съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, рыдая, бросилась ей на шею.

— Муся... моя дѣтка... дорогая...

Ошеломленная, молодая женщина отступила. Неужели это ея мать? Великолѣпная баронесса фонъ-Саксъ?

— Не признала меня, дѣтка? Да, я постарѣла, я изменилась... и тѣломъ, и душой... Я побѣдила себя. Твое прощеніе сохранило мнѣ жизнь...

Глубокая жалость охватила сердце Муси. И эта жалость заставила ее забыть обиды прошлаго. Со слезами на глазахъ она поцѣловала свою мать.

— Пойдемте, мама. Дома мы поговоримъ по душѣ, а теперь насъ ждутъ и... на насъ смотрятъ...

И всю дорогу Муся старалась развлекать Долли Евграфовну рассказами о своей жизни, о своемъ счастьѣ, о своихъ дѣтяхъ, о своей работѣ на пользу ближнихъ.

— Вы будете мнѣ помогать, мама, и не соскучитесь. Это такое счастье, когда можешь приносить пользу ближнимъ. Я покажу вамъ мою школу, больницу...

— А давно ты была на могилѣ отца? — вдругъ тихо спросила баронесса.

— Пролымымъ лѣтомъ. И теперь собираюсь. Я бы хотѣла перенести его дорогой прахъ въ „Красовку“... если вы позволите...

— Позволю? О, Муся... зачѣмъ ты такъ больно укоряешь меня... Какое я имѣю право распоряжаться его могилой, я, отравившая ему всю жизнь? Но съ молитвой у этой могилы я готова вымаливать прощеніе...

Графъ Грегоровъ привѣтливо встрѣтилъ свою тещу, также глубоко пораженный происшедшей въ ней переменой. Со слезами счастья Долли Евграфовна обнимала сво-

ихъ прелестныхъ внуковъ. И ей казалось, что здѣсь, подъ мирной кровлей, въ атмосферѣ чистой любви, ея мятежная душа найдетъ успокоеніе.

Послѣ обѣда мать и дочь уединились.

— Вы, вѣрно, много выстрадали, бѣдная мама, за эти годы? Конечно, вы разстались съ Липарскимъ?

— Этотъ негодай, — со злобой отвѣтила баронесса, — мучилъ, обманывалъ и обиралъ меня, пока выгодно не пристроился къ богатой купчихѣ. Когда я думаю о немъ, всѣ злыя чувства снова пробуждаются въ моей душѣ...

— Тогда... забудемъ о немъ...

Муся поникла головкой.

— Еще одинъ вопросъ, мама. Не знаете ли вы, что случилось съ Сюзанной Мельвилъ?

— Сначала, послѣ разлуки съ твоимъ мужемъ, котораго она все-таки искренно любила, она серьезно заболѣла, и даже одно время считали ее погибшей. Но югъ и заботы преданнаго квазимодо спасли ее и теперь она снова подвизается на фарсовыхъ подмосткахъ и... увлекаетъ и увлекается.

— Она жива, слава Богу! Тяжелый камень вы сняли съ моего сердца. Я все-таки была косвенной причиной ея страданій.

— Удивительное у тебя сердце, Муся! Можешь ли ты обвинять себя?

— Но если-бы она заплатила жизнью, уступивъ мнѣ свое счастье?

— Ея была бы вина... А кто отлично устроился, такъ это другъ твоего мужа Марковъ. Женился на богатой и знатной, хотя немного перерѣлой дѣвѣ, получилъ отличное мѣсто и, конечно, сдѣлаетъ карьеру.

— Я ему не завидую! — вдругъ раздался голосъ тихо подошедшаго графа. — Онъ никогда не познаетъ того счастья, которое выпало на мою долю.

И онъ привлекъ къ груди свою дорогую жену и запечатлѣлъ горячій поцѣлуй на ея чистомъ, прекрасномъ челѣ.

К о н е ц ъ .

Вниманію нашихъ постоянныхъ читателей.

По примѣру прошедшихъ лѣтъ и въ этомъ году нашимъ постояннымъ читателямъ будутъ выдаваться ставшія уже традиционными

цѣнныя преміи.

Преміи будутъ выданы всѣмъ читателямъ, собравшимъ всѣ 24 купона, отъ № 1—24, которые будутъ печататься въ нашихъ книгахъ „Библиотека Новѣйшей Литературы“ отъ № 73—96, выходящихъ въ

1930 абонементномъ году.

Всѣ собравшіе эту 24 купона могутъ получить по собственному выбору:

Новѣйшее изданіе популярнаго и почти на всѣ культурные языки переведеннаго романа

П. Н. Краснова

„Отъ Двуглаваго Орла къ Красному Знамени“.

Новое тщательно переработанное и дополненное авторомъ изданіе появится въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ.

Весь романъ, охватывающій болѣе 100 печатныхъ листовъ, будетъ изданъ въ 4-хъ томахъ по 2 части въ каждомъ томѣ.

Цѣна каждого тома Ls 2.— (4 лита, 160 эст. марокъ).

Цѣна всего изданія Ls 8.— (16 лить, 640 эст. марокъ).

Нежелающие получить этот исторический романъ, могут выбрать по нашему каталогу любыя книги (не распроданныя) нашего изданія на общую сумму Ls 5.— (10 литъ, 400 эст. кронъ).

Въ 1930 г. въ нашемъ изданіи выйдетъ рядъ техническихъ книгъ, которыя тоже подходятъ подъ эту категорию.

Цѣль нашихъ премій возбудить интересъ къ хорошей книгѣ.

Собирайте наши купоны для полученія премій.

Въ каждой книгѣ 1 купонъ.

Ежемесячно выходятъ 2 книги — 5-го и 20-го числа.

КУПОНЪ

**для полученія преміи
за 1930 абон. годъ**

№ 9

*Къ роману кн. Ольги Бебутовой
„Чудаки“ III.*

См. наши преміи на предыдущей страницѣ.

www.books2ebooks.eu